

551975 (XV, 1-2) + Pф

91(002 X 57.2)

ИЗВѢСТІЯ

Восточно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО русскаго ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціею правителя дѣлъ Н. Н. Агапитова.

Томъ XV. NN 1—2.

1884 ГОДА.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.		Стр.
Поѣздка въ Монголію Я. П. Дуброва (съ рисункомъ и карточками)	1	Разшия извѣстія:	
Свѣдѣнія о вскрытіи и замерзаніи рѣкъ В. Сибиря съ 1881 по 1884 годъ	93	а) свѣдѣнія о метеорологической стан- ціи въ устьяхъ Лены	97
		б) участь дѣтей въ Якутской области	100
		Протоколы Распорядительнаго Комитета и Общлаго Собранія	103

Иркутскъ.

Печатано въ Типографіи Н. Н. Сивицына.

1884.

51975 (XV, 1-2) + Pф

ИЗВѢСТІЯ.

Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

1884 годъ.

Т. XV N 1—2.

Апрѣль.

МАРШРУТЪ

Экспедиція Я. П. Дуброва къ берегамъ р. Селенги.

Занимаясь болѣе восьми лѣтъ изученіемъ этнографіи бурятъ, я искалъ возможности побывать въ Монголіи и, наблюденіями надъ жизнью ея номадовъ, пополнить пробѣлъ, какой существовалъ въ моихъ свѣдѣніяхъ касательно бурятъ; На ряду съ этимъ желательно было, пользуясь такимъ драгоценнымъ источникомъ какъ Монголія, съ ея давне нетронутою посторонними вѣяніями жизнью, уяснить умственно-правственный обликъ бурята, опредѣлить тѣ причины, по которымъ онъ дошелъ до теперешняго своего состоянія, а затѣмъ, какъ далеко, въ силу разныхъ обстоятельствъ, вліяющихъ на бытъ, нашъ номадъ уклонился отъ своихъ родичей, полною жизнью которыхъ онъ такъ еще недавно жилъ. Немалый также интересъ представляла изъ себя Монголія возможностью собрать преданія, легенды, сказки, пословицы, поговорки и проч., а значить, и съ этой стороны пополнить разношерстность этого матеріала, обрывками вращающагося среди бурятъ, — неизмѣннаго ни системы, ни цѣльности, по той простой причинѣ, что инородцы наши есть выходцы изъ разныхъ мѣстъ громадной по пространству Монголіи, совершенно случайно сплотившіеся въ отдѣльное общество, и прикрѣпленные къ извѣстному району силою русскаго закона. Этотъ „юрьевъ день“ для бурятъ насталъ съ половины прошлаго столѣтія. Такъ вотъ, интересуясь этими вопросами я въ апрѣль мѣсяцъ предложилъ Восточно-Сибирскому Отдѣлу Р. И. Г. Общества — не сочтеть ли онъ воз-

можнымъ дать мнѣ средства, заручившись которыми, возможно было бы побывать въ Монголіи.

Просвѣщенные члены Отдѣла приняли мое предложеніе, удѣливъ мнѣ изъ скудныхъ средствъ общества собственно на расходы по экспедиціи 400 руб. и 200 р. на приобрѣтеніе предметовъ, относящихся къ этнографіи монголо-бурятъ. Считаю своею особенною обязанностію поблагодарить уважаемаго правителя дѣлъ Отдѣла Н. Н. Агапитова, который мнѣ, обезпеченному отдѣломъ матеріально, очень много помогъ своими указаніями, совѣтами и снабженіемъ программъ, выработанныхъ разными обществами и лицами для собранія этнографическихъ матеріаловъ.

Запасшись средствами и указаніями, я избралъ для своихъ изслѣдованій мѣстность, орошаемую рѣкой Селенгой и ея притоками. Выборъ этотъ я сдѣлалъ, во-первыхъ, потому, что въ этомъ районѣ ведутъ наши буряты торговлю съ монголами, слѣдовательно находятся въ самой непосредственной связи съ ними; а, во-вторыхъ, и потому, что водная система рѣки Селенги, — этой главнѣйшей рѣки Забайкальской области, никѣмъ еще не была изслѣдована. Касательно Селенги не было до сихъ поръ никакихъ точныхъ свѣдѣній — откуда эта рѣка беретъ начало. Существоющія объ этомъ свѣдѣнія были крайне разнообразны, гадательны и сбивчивы. Одни считали началомъ Селенги р. Игу, вытекающую изъ южнаго конца о. Кубсгула (Косоголь), — тогда какъ Ига въ дѣйствительности только лѣвый притокъ ея, посредствомъ котораго о. Байкаль соединяется съ Кубсгуломъ; другіе началомъ Селенги считали р. Чолоту, берущую начало на югѣ съ вер-

шннх хребта Хангай. Были даже указанія на Орхонъ, какъ на верховья Селенги. Позднѣйшій путешественникъ Г. Н. Потанинъ, на основаніи „разспросныхъ свѣдѣній“, переѣзжая чрезъ верховья р. Эдира (по его Этера, Эдринъ голъ), въ своемъ дневникѣ отмѣтилъ, что эта то рѣка и есть начало Селенги; тогда какъ впоследствии мною дознаю, что опять таки и эта рѣка есть только лишь правый притокъ. Занятый и этимъ вопросомъ, я принялъ предложеніе Отдѣла опредѣлить дѣйствительный истокъ Селенги и дать точное и подробное географическое описаніе ея системы. Такимъ образомъ, *малую* мою поѣздки въ Монголію было: а) собраніе этнографическихъ матеріаловъ и б) наряду съ этимъ пополненіе географическихъ свѣдѣній объ этой мало извѣстной странѣ.

По первоначально выработанному плану предполагалось съ вершинъ р. Ури, берущей начало съ южнаго склона Сайнскаго хребта, близъ Мондинскаго пограничнаго караула, спуститься къ берегамъ р. Селенги и, затѣмъ, вдоль этой послѣдней, дойти до Кяхты и, если время позволитъ, по берегу же Селенги, доѣхать до Верхнеудинска, а затѣмъ воротиться въ Иркутскъ. Путь этотъ я обозначилъ въ маршрутѣ, представленномъ мною на разсмотрѣніе Отдѣла. Но въ послѣдствіи планъ этотъ измѣнился и вотъ по какимъ причинамъ. Прежде чѣмъ приступить къ выполненію задачъ экспедиціи, я, по приѣздѣ въ пограничное село Тунку, озабочился собрать возможно полныя и точныя свѣдѣнія о мѣстности, занимаемой системой рѣки Селенги. Дѣло въ томъ, что жители села Тунки, занимаясь мѣшовой торговлей съ Монголіей, то въ качествѣ хозяевъ, довѣренныхъ купцовъ, то въ качествѣ ихъ работниковъ, часто посѣщаютъ избранную мною для послѣдованія мѣстность и съ топографическимъ положеніемъ ея хорошо знакомы. Изъ разсказовъ же бывалыхъ людей я узналъ, что р. Селенга беретъ начало гораздо западнѣе, чѣмъ то значится на географическихъ картахъ, доселѣ изданныхъ, и дѣйствительный истокъ ея начинается съ вершинъ хребта „Уланъ-Тайга“, съ противоположнаго склона котораго беретъ начало Енисей, къ верховьямъ своихъ называемый р. Шиньитъ (по Потанину Чижиктенъ

голъ). Разспросныя свѣдѣнія были до того интересны, что я рѣшилъ измѣнить первоначально намѣченный маршрутъ и, въ мѣсто того, чтобы ѣхать къ истокамъ р. Ури лѣваго притока Иги, рѣшилъ съ Мондинскаго караула повернуть въ Дархатскую равнину и затѣмъ уже направиться къ верховьямъ Селенги, какъ увидимъ ниже, называемымъ Делгырь-Мурномъ. Къ тому же и Дархатская равнина, какъ центръ нашей торговли съ монголами, имѣла большой для меня интересъ. Въ Дархатахъ уже есть одна русская записка, основанная Г. И. Посыльнымъ, при ней лавка. Кроме этого, Дархаты служатъ исходнымъ пунктомъ всей русской торговли съ Монголіей, ведущейся съ Тункинской границы.

Такимъ образомъ, въ силу выше указанныхъ причинъ, я отступилъ отъ первоначально начерченнаго маршрута и рѣшилъ идти чрезъ Дархаты. Вотъ подробный указатель пройденныхъ мною мѣстъ*).

7 Мая я выѣхалъ изъ Иркутска; девятаго былъ въ селѣ Тункѣ. Въ Тункѣ, какъ исходномъ пунктѣ своей экспедиціи, я пробылъ до 23 Мая. Время это, сравнительно долгое, я долженъ былъ употребить на заготовку провизіи, покупку сѣделъ, наемъ чело-вѣка; вообще на снаряженіе въ путь для предстоящей экспедиціи. Снарядившись, я, вдвоемъ съ нанятымъ проводникомъ, ясачнымъ инородцемъ Степаномъ Сорокинымъ, 23 Мая выѣхалъ изъ Тунки по направленію къ Шимкамъ. Въ Шимкахъ, благодаря тому, что шелъ сильный снѣгъ, пришлось пробыть сутки. Снѣгъ началъ падать 23 числа съ вечера и такой сильный, что не было возможности выѣхать, и мы только 26 ч., распростившись съ телѣгой, наняли вьючныхъ лошадей и пошли на юго-западъ по направленію къ упраздненному Туранскому караулу.

Отъ Шимковъ до Турана считается 27 старинныхъ семисотныхъ верстъ.

27 Мая. Снѣгъ и дождь опять задержали насъ на цѣлыя сутки, такъ что мы только 28 выѣхали изъ Турана и по сильной грязи начали подыматься вверхъ по рѣкѣ Иркуту, на западъ, лѣвымъ его

*). Подробное указаніе разстояній пунктовъ будетъ приведено въ дневникѣ. Въ описаніи маршрута я не далъ этихъ указаний потому, чтобы потомъ не повторяться. Асторъ.

берегомъ и на границѣ Мондинскаго караула съ Туранскимъ, въ мѣстности Борьтой, заночевали. Пройшли разстояніе въ 20 верстѣ.

29 Мая. Отъ Бортой, держась лѣваго берега Иркуты, перевалили хребетъ *Хара-Дабанъ* и пришли въ Мондинскій пограничный караулъ, также какъ и Туранскій, теперь упраздненный. Въ Мондинскомъ караулѣ перешли бродомъ Иркуты на правый его берегъ и у подошвы Саянскаго хребта, служащаго границей между Россіей и Монголіей, остановились ночевать.

Отъ Бортой до Мондинскаго караула считается 35 верстѣ.

31 Мая. Наемъ новыхъ лошадей задержалъ насъ на сутки.

1 Іюня, утромъ рано, по направленію къ Югу, начали дѣлать подъемъ на вершину Саянскаго хребта. Перешли границу, спустились къ озеру Кубсугулу и минуя Хангинскій дацанъ, (тожъ Хуре), перешли въ бродъ рѣку Хоретъ, воспользовались гостеприимствомъ уважаемаго Г. И. Посылина, и остановились у него на ночлегъ. Къ слову сказать, Посылинъ занимался торговлей въ Монголіи, выстроилъ прекрасный домъ на берегу рѣки Хоретъ; а такъ какъ Гр. Ив. очень просвѣщенный человѣкъ, то „гидро“ его несомнѣнно одинъ изъ пунктовъ, носящихъ залогъ „культурнаго воздѣйствія“ на монголовъ.

2 Іюня. Разставшись надолго съ «русскимъ и домомъ», мы, держась западнаго берега о. Кубсугула, дошли до ставки Залана—главнаго послѣ даена чиновника урянхайцевъ, прошли всего не болѣе 10 верстѣ и должны были остановиться ночевать. Сильный дождь въ перемежку со снѣгомъ мѣшалъ двигаться впередъ.

3 Іюня. Неперестающій дождь и снѣгъ, сопрягаемый холоднымъ рѣзкимъ вѣтромъ, рѣшительно лишилъ возможности двинуться впередъ.

4 Іюня. Продолжая держаться западнаго берега о. Кубсугула и не теряя его изъ виду, мы къ вечеру дошли до подошвы упирающагося въ него отрога Саянскаго хребта, называемаго *Улей*. Пройденное пространство равняется 2530 верстамъ.

5 Іюня. Хребетъ *Улей* упирается въ берега о. Кубсугула отвѣсными скалами, такъ что мы должны были оставить озеро и, измѣнивъ направленіе, поворотить на юго-западъ, подняться вверхъ по рѣкѣ *Улей* и перевалить хребетъ того же имени. Переваливъ хребетъ, спустились въ долину Арасая и въ мѣстности, называемой «Поитъ», остановились ночевать.

6 Іюня. Продолжая держаться юго-западнаго направленія, шли сначала берегомъ рѣки Арасай, затѣмъ перешли ее, перевалили чрезъ небольшой хребетъ называемый «Бурханидабанъ», перешли р. Жарголанту и къ вечеру дошли до Дархатскаго куреня.

Все пройденное пространство, отъ Тунки до Дархатскаго куреня, равняется, приблизительно, 275 верстамъ. Телѣжная дорога идетъ только до Туранскаго караула, съ Турана же и дальше лѣтомъ исключительно — верховая; до границы малодобная по причинѣ грязей и болотъ, съ границы же суше и удобнѣе, къ тому же не такъ гориста.

Отъ Тунки до Дархата зимой санное сообщеніе.

7—26 Іюня. Въ Дархатахъ. Время это употреблено на изученіе а) экономическихъ условій, въ какихъ живутъ кочевники Дархатскаго плоскогорья; б) на изслѣдованіе торговли русскихъ съ Дархатами; в) знакомство съ бытомъ дамъ; г) съ жизнью монастырской и обрядовой стороной буддизма. Кроме того, въ это же время, были предприняты экскурсіи къ верховьямъ р. Джарака, Утурука и оз. Таргонъ-нуръ. Сдѣлано это для точнаго опредѣленія истоковъ Енисея, такъ какъ, касательно этого вопроса, въ литературѣ существуютъ сбивчивыя понятія, мало согласныя съ дѣйствительностію.

27 Іюня. Съ Дархатскаго куреня мы пошли на югъ по направленію къ Билтыскому караулу; перебрали правые притоки Шишкита: а) р. Жарголанту; б) Хара Усу; в) Хурай Сарь; г) Наринъ Сарь и на лѣвомъ берегу *Баниъ-гола* остановились ночевать. Пройденное разстояніе, отъ Дархата до *Баниъ-гола*, равняется не болѣе 15 верстамъ. Дорога совершенно ровная и вполнѣ удобная для телѣжной ѣзды.

28 Июня. Сильный снѣгъ, падавшій въ теченіе цѣлаго дня, не позволилъ намъ свѣтаться съ мѣста и продолжать путь.

29—30 Июня. Прошло въ разыскиваніи убѣжавшей лошади. Впрочемъ, время это не потрачено даромъ, я записалъ и перевелъ три сказки и нѣсколько пословицъ.

31 Июня. Продолжая держаться южнаго направленія, шли сначала ровной сухой мѣстностью, но вскорѣ встрѣтилось болото *Татура*. Переходъ черезъ болото окончился бродомъ чрезъ р. Такиръ, впадающую недалеко отъ дороги въ озеро того же имени. Затѣмъ подошли къ правому берегу рѣки Шинкитъ. Въ дальнѣйшемъ пути коснулись берега о. Эмчи, подошвы западнаго хребта — Баннъ Ула; Пересѣкли рѣки: а) 1 и 2 Ала-Ханъ-Саръ, б) Басхадойнъ-Саръ, в) Берхе-Булукъ и у береговъ рѣки Билюты, принадлежащей къ системѣ р. Шинкитъ, расположились ночевать.

4 Июля. Интересуясь истоками р. Шинкита — я отъ прямого пути въ Билюты, нѣсколько на востокъ отклонился, перешелъ р. Деде Билюты, перевалилъ черезъ небольшой подъемъ Улей-Дабанъ, и пересѣкъ русла рѣкъ 1) Хулгутаи-Саръ, 2) Шулусей-Саръ, 3) Ургужунъ голь; вновь поднялся по горному ущелью на хребетъ Улей-Ама, по рѣкѣ Умго спустился и у устья его заночевалъ.

5 Июля. Изслѣдованіе верховьевъ Шинкита.

6 Июля. Отъ устья р. Улей поднялись на вершину Улей-Дабана. Причемъ были изслѣдованы оныя, стояція на вершинѣ Улей-Дабана; затѣмъ по южному склону горы, держась Сахар-ара, спустились къ его устью, гдѣ и были наши ночлеги.

7 Июля. Осмотръ горы «Дакъ», лежащей на востокъ отъ Билтыской дороги и расположеннаго на вершинѣ ея озера *Гаисха-деахей-сууцу* — одна изъ міровыхъ чашъ. Обращено вниманіе на гору и озеро потому, что онѣ составляютъ предметъ священнаго почитанія монголовъ, буддистовъ и шаманистовъ.

8 Июля. Переходъ къ горѣ «Дакъ» къ восточной ея сторонѣ.

9 Июля. Послѣ осмотра горы и озера, мы вновь выѣхали на Билтыскую дорогу, переѣхали бродомъ

рѣку Шибылты, служащую границей земель Билтыскаго караула и Дархатскаго куреня. Вслѣдъ за переходомъ р. Шибылты поднялись на небольшую гору Бальбрукъ. Противуположный склонъ Бальбрука называется Томи, по которому мы и спустились въ долину р. Томи же. Сегодня слѣдали небольшой переходъ, всего версты 8 и остановились потому, что одна изъ лошадей заболѣла. Отрогъ Бальбрукъ, соединяясь съ хребтомъ Улан-Тайга, служитъ водораздѣломъ между водной системой Енисея и Селенги.

10 Июля. Шли горнымъ широкимъ ущельемъ, по которому протекаетъ р. Томи, впадающая правымъ притокомъ въ р. Билтые. Вронеъ р. Томъ, ушедшую на востокъ, мы, не измѣняя южнаго направленія, пошли правымъ берегомъ р. Билтые (притокъ Делгир-Мурна), перешли бродомъ эту рѣку и, на мѣстѣ пограничной линіи, внутреннихъ монгольскихъ карауловъ, остановились ночевать.

11 Июля. Отъ Билтыскаго караула мы отклонились нѣсколько къ юго-востоку и рѣшили ѣхать къ оз. Эрхиль-нуръ. Къ оз. Эрхиль-нуръ дорога идетъ вверхъ по рѣкѣ Деде-Елатъ. Подъемъ и спускъ въ Деде-Елатъ; затѣмъ опять небольшой подъемъ и спускъ въ долину водной рѣки Мусу-Турунъ. Переходъ большой — до 30 вер. и очень труденъ, такъ какъ Деде-Елатъ и Додо-Елатъ безводны на протяженіи всего прохода. Къ тому же мѣстность совершенно безлѣсна, значитъ нѣтъ ни дровъ, ни воды. Ночевали на берегу рѣки Мусу-Туруна, близъ «Урто», т. е. почтовой станціи.

12 Июля. Переходъ внизъ по долинѣ Мусу-Туруна. Подъемъ на Дабанъ, служащій водораздѣльной линіей системы Билтые и Делгиръ-Мурна. Съ Дабана спустились въ р. Хитъ. Съ полдня пошелъ сильный дождь и мы должны были остановиться.

13 Июля. Весь день шелъ проливной дождь, такъ что двигаться дальше въ путь не было физической возможности. Венцы наши, равно и мы сами перемокли.

14 Июля. Тоже не перемежаясь шелъ дождь.

15 Июля. Намъ наскучило сидѣть на одномъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что совершенно было безцѣльно: мѣстность пустынна, жилья нѣтъ, заниматься, хотя бы чтеніемъ, не было возможности: дождь, точно

своемъ снѣ, проникалъ въ палатку, такъ что мы были несказанно рады, когда дождь около полуночи прекратился. Дождявшійся утра, мы даже не обсушились, какъ слѣдуетъ, и тронулись въ путь по направлению къ оз. Эрхиль-Нура.

Отъ Хотейгола и Ноятъ-Модона мы поднялись на гору, изъ вершины которой беретъ начало рѣка Шалуты. Мы коснулись только вершины рѣки Шолуть, затѣмъ вышли на рѣку Шобгу-Тей и внизъ по ней спустились въ долину оз. Эрхиль-Нура. Въ этотъ день мы шли пять часовъ сряду, что равняется 20—25 верстамъ.

16 Июля. Отъ долины оз. Эрхиль-Нура прямо на югъ, держа направленіе къ Дельгиру-Мурину, мы начали подниматься вверхъ по ровному берегу рѣки Уланъ-Хонхо, миновали устья распадокъ и сухихъ руселъ рѣкъ: а) Наринъ-Зура, б) Санжитъ-Хундей съ сѣвера и съ запада Нуринтей. Прошли ущельемъ Хатыинъ-Вильчира и вышли въ долину рѣки Дельгир-Мурина. Переходъ сдѣлали въ теченіе 7 часовъ. Если время это перевести на версты, то оно будетъ равняться тридцати слишкомъ верстамъ.

17 Июля. Время проведено въ обзорѣ мѣстности и собираніи этнографическихъ и географическихъ матеріаловъ.

18 Июля. Тоже. Посѣщеніе китайской фанзы.

19 Июля. Дневка. Собираніе этнографическихъ матеріаловъ и свѣдѣній о теченіи рѣки Дельгир-Мурина.

20 Июля. Переходъ въ долину рѣки Буксоя. Простившись съ Дельгир-Муринномъ перешли бродомъ правый его притокъ р. Хара-Усу и по распадку «Сужи», не доходя его вершины, перешли въ другой распадокъ, называемый «Жикчи». Затѣмъ перешли въ долину рѣки Саган-Бурчасанъ, держась лѣваго ея берега, поднялись на вершину горнаго хребта Эрчи, тянущагося съ юго-востока на сѣверо-западъ.

Въ мѣстѣ нашего перевала вершина хребта Эрчи называется «Эхе-Саган-Тальбу». Съ вершины Эхе-Саган-Тальбу мы начали спускаться по рѣкѣ Талай-Будукъ въ долину рѣки Буксоя и, послѣ 8 часоваго перехода, достигли долины Буксоя, въ которой, на берегу рѣки и остановились.

21 Июля. Дневка. Осмотръ «Керчесе-чило», какъ монголы называютъ остатки китайскихъ городищъ.

22 Июля. Дневка. Поѣздка въ дацанъ (тоже курень).

23 Июля. Переходъ въ верховья рѣки Буксоя, собираніе географическихъ и этнографическихъ матеріаловъ.

24 Июля. Дневка и отдыхъ. Дѣлать ничего не хотѣлось. Шелъ сильный снѣгъ и до того было холодно, что безъ шубы нельзя было и шагу сдѣлать, руки положительно окоченевали. Писать что-нибудь невозможно было.

25 Июля. Переходъ къ долинѣ рѣки Эдиръ. Дорога сначала идетъ вверхъ по рѣкѣ Дабатъ до самой ея вершины, затѣмъ опять подъемъ на вершину горы Богдогыгена и спускъ въ долину большой рѣки Бугдугенъ, одного изъ главныхъ притоковъ рѣки Эдира. У подошвы горы Шандам-му мы остановились на ночлегъ. Шли безъ остановки четыре слишкомъ часа.

26 Июля. Внизъ по рѣкѣ Бугдугенъ, мимо куреня и у устья праваго притока Бугдугена, р. Буинъ остановились ночевать.

27 Июля. Продолжали спускъ по берегу р. Бугдугенъ; а такъ какъ Бугдугенъ въ нижнемъ своемъ теченіи круто поворачиваетъ на востокъ, то мы и оставили его долину, и поднялись на пологій подъемъ «Маранай-Дурильджи», миновали распадокъ Тирятей-Узуръ и спустились въ долину Эдира по сухому руслу рѣки Засотей.

28 Июля. Дневка. Занятіе этнографіей и собираніемъ географическихъ свѣдѣній о рѣкѣ Эдиръ и параллельно текущей съ нимъ р. Чилоту.

29 Июля. Внизъ по Эдиру, притоку р. Селенги; тщательный осмотръ мѣстности и занятія этнографіей.

30 Июля. Переѣздъ къ устью рѣки Буксоя. Изслѣдованіе топографическаго положенія мѣстности. Собираніе свѣдѣній о системѣ рѣки Селенги и точное опредѣленіе ея начала, какимъ по собраннымъ даннымъ, служитъ не Ига и Эдиръ, а Дельгир-Муринъ.

Августъ 1 число. По тщательномъ, насколько было возможно, изслѣдованіи начала Селенги, т. е. мѣстности съ которой Дельгир-Муринъ теряетъ свое названіе, замѣняя его именемъ Селенги, мы перешли бродомъ на лѣвый берегъ уже по названію не Дельгир-Мурина, а Селенги и внизъ по Селенгѣ пошли на востокъ. Предметомъ занятій было точное описаніе мѣстности и собраніе этнографическихъ матеріаловъ.

2 Августа. Внизъ по Селенгѣ вдоль праваго ея берега. Переходъ мимо скалы «Хулусутай», отдѣльно стоящей среди ровной мѣстности.

3 Августа. Поѣздка въ курень Хилагантыйнъ на праздникъ Майдери. Дорога шла все правымъ берегомъ р. Селенги, переходъ чрезъ Аратель первый притокъ собственно р. Селенги.

4 Августа. Дневка. Присутствіе на праздникѣ Майдери и описаніе этого праздника.

6 Августа. Дневка. Посѣщеніе китайцевъ, имѣющихъ фанзы и лавки при Халагантыйнскомъ куренѣ.

7 Августа. Переходъ бродомъ на лѣвый берегъ рѣки Селенги.

8 Августа. Внизъ по Селенгѣ.

Прослѣдивъ теченіе р. Селенги отъ самыхъ ея верховьевъ, какими служатъ истоки Дельгир-Мурина, до ея средняго теченія, мы, не смотря на все свое желаніе и глубокий интересъ какъ географическій, такъ и чисто этнографическій, какой несомнѣнно представляетъ никѣмъ не изслѣдованная еще долина рѣки Селенги, находящаяся въ предѣлахъ Монголіи, мы должны были отказаться отъ дальнѣйшаго слѣдованія внизъ по этой рѣкѣ, и отъ Орхрона повернули назадъ къ устью рѣки Иги, чтобы чрезъ верховья рѣки Ури выѣхать на Тункинской трактъ. Отказаться же отъ продолженія пути мы должны были по той простой, но всецѣльной причинѣ, что у насъ не хватило средствъ, безъ которыхъ нельзя и шагу сдѣлать. Къ десятому Августу у меня осталось только семьдесятъ рублей. Изъ нихъ я долженъ былъ платить проводнику, нанятому по рублю въ день, кормить его, платить жалованье нанятому мною изъ Тунки человѣку, и затѣмъ нужно было ухитриться оставить и себѣ рублей 20 на

проѣздъ отъ границы до Иркутска. Свободнаго времени было довольно, погода стояла теплая, корма для лошадей прекрасныя, матеріала для работы масса.... Однимъ словомъ, все благопріятствовало и манило къ продолженію экспедиціи, но, о презрѣнный металлъ!... его то и не было. Думалъ я доѣхать до Кяхты, такъ какъ до нее оставалось всего шесть-семь дней ходу, и затѣмъ уже отъ Кяхты уѣхать на почтовыхъ, но это положительно не было возможно. Если бы я рѣшился выйти въ Кяхту, то нужно было бы спутника моего Сороковикова отправить домой въ Тунку и, кромѣ жалованья, дать минимумъ рублей двадцать на путевое содержаніе, чего я сдѣлать не могъ, такъ какъ самъ остался бы съ такими средствами, которыя не дали бы мнѣ возможности добраться и до Верхнеудинска; рассчитывать же на пользу отъ продажи двухъ своихъ лошадей я не могъ: лошади были изнурены и ихъ навѣрно пришлось бы отдать за безцѣнокъ. Взять же съ собой Сороковикова изъ Кяхты въ Иркутскъ тоже не могъ; въ противномъ случаѣ его пришлось бы изъ Иркутска отпралять въ Тунку на свой счетъ; а гдѣ средства? Проѣздъ отъ Кяхты до Иркутска стоитъ крайній минимумъ 70 рублей. Въ виду такой безвыходной диллемы я рѣшилъ распрощаться съ Селенгой и, поверотивъ на сѣверъ, идти къ берегамъ Иги, лѣваго притока Селенги и побывать на р. Ури, съ верховьевъ которой, какъ было упомянуто, мы хотѣли начать экспедицію.

9 Августа. Передневали на берегу Селенги.

10 Августа. Распростившись съ Селенгой, въ обратный путь, пошли на сѣверо-западъ вверхъ по притоку Селенги р. Саральджи. Сильный дождь, начавшій идти съ 8 часовъ утра, помѣшалъ намъ продолжать путь, такъ что мы, послѣ трехъ часового перехода, должны были остановиться и разбить палатку.

11 Августа. Шель (сильный) дождь цѣлый день и тѣмъ заставилъ насъ, противъ воли, продневать.

12 Августа. Рано утромъ выѣхали, продолжая подниматься къ верховьямъ р. Саральджи. Послѣ подъема на вершинную гору, съ которой беретъ начало рѣка Саральджи, мы спустились по пологому,

лѣнстому склону горы, называемому Талайн-Усудабан и вошли въ котловину Хургуйн-Хада.

Выходъ изъ котловины сдѣлали въ долину р. Нарин-Голь. Долина эта болотистая. Выбравшись изъ болота, мы поднялись вверхъ къ устью распадка Саган-даба, потомъ спустились въ долину р. Теле, дошли до береговъ рѣки Джаргаланта и остановились ночевать.

13 Августа. Переходъ вверхъ р. Джаргаланта, потомъ долиной р. Хобутей, по которой кочуетъ отдѣльное племя «гурешины». Миновавъ землю гурешинцевъ, черезъ переваль, вошли въ долину р. Бангола. Къ 12 ч. пополудни шелъ сильный дождь пологамъ со снѣгомъ и мы должны были на берегу Бангугу-Гола сдѣлать привалъ.

14 Августа. Шли внизъ по Бангугу-Голь; дошли до самаго ея устья, соединившагося съ рѣкой Эмтей, правымъ притокомъ Иги, вышедшимъ съ запада; и затѣмъ продолжали переходъ въ низовья рѣки Эмтей, держась сѣверо-восточнаго направленія. Въ низовьяхъ своихъ Эмтей идетъ тѣснымъ ущельемъ между горъ и предъ выходомъ въ это ущелье перемѣняетъ свое имя, замѣняя его названіемъ «Чинчи», который и сохраняетъ уже до впаденія въ р. Игу. По выходѣ изъ ущелья, р. Чинча ушла на западъ; мы же, придерживаясь сѣвернаго направленія, оставили берега р. Чинчи. Перешли въ бродъ горную рѣку, вступили въ землю урянхайцевъ, и на берегу Иги заночевали.

15 Августа. Внизъ по Игѣ дошли до отрога Кубегульскихъ горъ, называемаго *Шабартей-Норма* и перевалили черезъ него, оставивъ Игу, ушедшую на юго-востокъ. Спустившись въ Шабартей Норма, вошли въ распадокъ Мохитей. Распадокъ безводенъ. Миновавъ распадокъ, держась сѣвера, перевалили черезъ отрогъ хребта оз. Кубегула и вошли въ долину рѣки Байн-Гола, притокъ Иги. Перешли въ бродъ рѣку и начали дѣлать подъемъ на *Дабанъ-Хире*; поднявшись на незначительную высоту, остановились ночевать. Шли шесть часовъ. Вообще надо замѣтить, что начиная отъ Селенги и дальше, мы каждый день шли отъ 6 до 7 часовъ въ сутки.

16 Августа. Переходъ черезъ Хире-Дабанъ и спускъ въ долину Бадаръ. Хребетъ Хире водораз-

дѣльный между р. Игой и р. Ури. Миновавъ Бадаръ, мы вошли въ долину р. Ури.

17 Августа. Отъ береговъ р. Ури мы поворотили на сѣверо-западъ вверхъ по правому притоку ея, р. Дархинты, и пошли Дархинтуйскимъ внутреннимъ пограничнымъ карауломъ. На мѣстѣ, гдѣ расходятся дороги, одна, западная, въ Хухойскій караулъ и сѣверная — въ урочище Булунай, мы остановились ночевать.

18 Августа. По р. Бага-Дархинтуй, верховьями ея до перевала черезъ хребетъ, окаймляющій восточный берегъ о. Кубегула, прошли переваль и спустились въ долину р. Булунай, въ вершинѣ ея заночевали.

19 Августа. Внизъ по р. Булунаю дошли до минеральнаго источника и остановились на роздыхъ.

20 Августа. Дневка. Осмотръ минеральнаго источника.

21 Августа. Отъ Булунай-Аршана поѣхали въ верховья рѣки Булунай; не доходя вершины ея, своротили на западъ, перешли гору и спустились въ распадокъ Бурсукъ. Тутъ въ первый разъ увидѣли оз. Кубегуль и, держась его берега, перешли черезъ Дабанъ, упирающійся въ оз. Кубегуль и спустились въ распадокъ Галбай, въ которомъ и заночевали.

22 Августа. Отъ Галбая дошли до сѣвернаго конца о. Кубегула и заночевали.

23 Августа. Обогнули сѣверный конецъ озера Кубегула, миновали Хангинскій дацанъ и къ вечеру пріѣхали въ Хореты къ Г. И. Посылину.

Уважаемый Гр. Ив. Посылинъ принялъ насъ очень радушно. Я съ удовольствіемъ провелъ у него время. Состояніе погоды было таково, что пришлось даже злоупотреблять его хлѣбосолецтвомъ. Дѣло въ томъ, что по пріѣздѣ нашемъ въ Хореты, на другой день пошелъ сначала дождь; къ вечеру дождь обратился въ снѣгъ и поднялась буря. Снѣгъ не переставалъ идти въ продолженіи двухъ сутокъ и только лишь когда установилась погода, я, оставивши своихъ лошадей на зимовку Гр. Ив., отправился въ Иркутскъ.

Пріѣздомъ въ Хореты я окончилъ свой дневникъ. Оканчиваю и маршрутъ.

Результаты экспедиции. Кроме возможно точнаго описанія пройденнаго пути въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи, мною собраны полныя свѣдѣнія о системѣ рѣкъ: а) Дельгир-Мурина, б) Буксой и Селенги. Доказано, что истокъ рѣки Селенги не Эдиръ и Ига, какъ предполагали раньше, а Дельгир-Муринъ; дальнѣйшее продолженіе котораго немного ближе мѣста паденія р. Эдира, соединившагося съ Чилоту, называется Селенгой. Выполнивши географическія задачи, я пополнилъ запасъ и этнографическаго. Собралъ и записалъ нѣсколько сказокъ, много поговорокъ, пословицъ, пѣсенъ, преданій и обычаевъ, которые войдутъ частію въ составъ дневника, а частію предполагаются, по обработкѣ, къ отдѣльному изданію.

Въ продолженіи экспедиціи мною пріобрѣтены нѣкоторые предметы этнографическіе для музея и другія вещи.

Какъ-то: 1) модели юртъ шести и восьми угольной. При юртахъ модели: а) машины для выдѣлки кожъ, б) аппараты для выгона тарасуна съ а) котломъ, с) кувшиномъ, замѣняющимъ холодильникъ, д) кадкой для холодной воды, въ которую погружается кувшинъ, е) тынтыромъ—полушаровая крышка на котель, что въ совокупности замѣняетъ перегонный кубъ, таганъ, который замѣняютъ иногда прямо камнями, врытыми среди юрты на очагѣ.

2) Сырге, коновязный столбъ, тоже врывается въ землю саженьхъ въ пяти отъ юрты, слѣва.

3) Бурханишире — божница; при ней: а) столикъ, на который ставится б) ящичекъ, с) столикъ пониже д) скамейка рѣзбой, ставящаяся спереди Бурхани-шире.

4) Урь — ступка, въ которой толкутъ чай и зерновой хлѣбъ (курша).

5) Хайресыкъ, сундукъ для домашняго скарба, помещаемый на лѣво въ юртѣ.

6) Три столика (шире).

7) Хашнакъ — щипцы для углей и для раскурки трубокъ.

8) Гаиза (дага тожь), сдѣланная по заказу монголомъ догунскаго хошуна.

9) Сандой — шелковый кисетъ, сшитый по заказу монголкой.

10) Кукурь, деревянная фляга, употребляемая монголами для перевозки жидкостей, — тарасуну, молока и проч.

11) Семборъ, деревянная записная книжка.

12) Модель лодки

13) Телѣги } съ береговъ Селенги.

14) Образцы арцы — сыръ засушенный.

15) Сушеное молоко.

16) Образцы литографированія монголовъ. Оттискъ молитвы тибетскимъ начертаніемъ сдѣланъ по моему заказу.

17) Картину страшнаго суда.

18) Шесть каменныхъ плитъ съ начертаніями.

19) Кошье бронзоваго періода — (пурго-бобай).

20) Деревянная дощечка съ рѣзными начертаніями тибетской молитвы.

21) Образецъ памятника, какой ставится въ головахъ покойника.

22) Рисунокъ Майдери — (будущій Мессія буддистовъ).

23) Голова медвѣдя (баабагай-харагурсогунтожь).

24) Шкура суубри — альпійской собаки, убитой въ верховьяхъ Хореть.

25) Образцы миндаля, растущаго у береговъ Селенги.

26) Ламская рубаха (самса).

27) Деревянная ступка (ур).

28) Образцы графита залежей у береговъ Дельгирь-Мурина.

29) Образцы каменныхъ породъ береговъ Селенги.

30) Образцы каменныхъ породъ оз. Кубсгула.

31) Рога изюбря.

32) Образцы третичной формациі съ отпечаткомъ листа.

33) Сулицъ модель буддійскаго храма.

34) Образцы соли изъ о. Эрхиль-Нура.

Скудость собранныхъ матеріаловъ обусловливается тѣмъ, что не мало приходилось затрачивать времени на осѣдываніе и разсѣдываніе лошадей, выючку ихъ, а затѣмъ занятіе почтовыхъ карауловъ. Бздиль я вдвоемъ съ Сороковниковымъ, лишняго человѣка держать постоянно не было средствъ. По

этому приходилось дѣлать всѣ работы пополамъ, что отымало не производительно дорогое время. Проводника же брали только въ исключительныхъ рѣдкихъ случаяхъ. Но такъ или иначе, — выражаю свою признательность Восточно-Сибирскому Отдѣлу Географическаго Общества за доставленную мнѣ возможность обогатить запасъ моихъ свѣдѣній, съ которыми я и хочу подѣлиться съ читателями въ своемъ дневникѣ, изданіе котораго предполагается вѣлѣть за этимъ маршрутомъ.

1883 года Октября 19 дня

Г. Иркутскъ. Жилкино.

Я. П. Дуброво.

ГЛАВА I.

Село Тунка.

Распростившись съ друзьями, принявшими самое живое участіе во мнѣ и въ предпринятой мною экспедиціи я, напутствованный ихъ совѣтами и пожеланіями выѣхалъ изъ Иркутска 7 Мая, стремись поскорѣй добраться до Тунки—этого исходнаго пункта своихъ странствованій. Нужно замѣтить, что «поскорѣй» какъ я ни желалъ этого, всецѣло не зависѣло отъ меня, достаточно сказать, что я выѣхалъ изъ Иркутска на почтовыхъ, и всякій, кого судьба гоняла по «безмѣрнымъ» пространствамъ Сибири, прекрасно знаетъ, что хваленая поэтами «тройка удамая» далеко такъ не «мчится», а вѣрнѣе будетъ, если мы скажемъ «ползеть». И я только лишь на третій день могъ добраться до Тунки.

Кажется я не ошибусь, если скажу, что далеко не многимъ, даже и много читающимъ, извѣстенъ этотъ крайній пунктъ обиталища россиянь, какой представляетъ изъ себя Тунка.

Пунктъ этотъ не настолько знатенъ и славенъ, чтобы съ однимъ лишь простымъ названіемъ его *Тунка* могло явиться, не говоримъ уже цѣльное представленіе, какъ объ извѣстномъ населенномъ мѣстѣ, а просто даже понятіе о географическомъ положеніи его. Тунка—это одинъ изъ многочисленныхъ и, какъ

все въ Сибири, одинъ изъ малоизвѣстныхъ медвѣжьихъ угловъ, составляющихъ обособленный и какъ-бы отдѣльный мірокъ. Вотъ почему, думается, будетъ не лишнимъ, если мы нѣсколько остановимся и укажемъ географическое положеніе этого медвѣжьего угла, называющагося Тункой, и вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и бѣгло, познакомимся съ нею какъ съ мѣстомъ населенія.

Въ ста восьмидесяти верстахъ отъ Иркутска, на юго-западъ отъ него, въ живописнѣйшей долинь, Тунка раскинула свои грязныя лагуны по обѣ стороны Иркуты и устья, впадающей въ него слѣва, р. Тунки. Эта послѣдняя рѣка, грязная, болотистая и дала поселенію свое имя. Что за исторія этого, славнаго своею грязью и болотами именн рѣки и поселенія, на этотъ счетъ у мѣстнаго населенія нѣтъ никакихъ сказаній, пеходящихъ изъ съдой старины. Извѣстно только, что слово *Тунка* испорченное монгольское *Танха*, что въ переводѣ значитъ кувшинъ. До прихода русскихъ Тунка, какъ и вообще вся долина р. Иркуты, была занята кочевьями монголовъ, находящихся въ вѣдѣніи Сайнон-хана. Монголы эти считали себя прямыми потомками *Буха-Ноина* (господинъ порозъ) и его супруги *Будан-Хатун* (туманная госпожа), которая, къ слову сказать, была, какъ говорятъ легенды, прелестнѣйшая въ мірѣ женщина, съ толстыми, красными, лоснящимися отъ жира щеками. Находясь подъ покровительствомъ своего прародителя, сказочнаго быка-богатыря, монголы, во время разгрома Похабовымъ нынѣшняго Балаганскаго округа, не унывали, они не сомнѣвались, что могущественный Буха-Ноинъ не допуститъ оросовъ*), выгнать своихъ потомковъ изъ родныхъ пещилицъ и въ этой надеждѣ монголы тункинскаго края не только не принимали никакихъ мѣръ къ предупрежденію возможности вторженія въ ихъ кочевья русскихъ; на противъ, стали въ явно враждебныя отношенія къ послѣднимъ, принимали къ себѣ толпы бѣглецовъ изъ долины Ангары, бѣжавшихъ отъ грабежа и насилій Похабова**), звѣрскими поступками своими обездо-

*) Такъ буряты и монголы называютъ русскихъ.

**) И звѣрства Похабова сохранились въ памяти номодовъ. Кромѣ рассказовъ, монголо-буряты сложили много нѣ-

ливнаго бѣдныхъ номадовъ. Укрывая своихъ ограбленныхъ родичей, монголы тункинцы и слышать не хотѣли о выдачѣ ихъ, съ презрѣніемъ отвергая требованія завоевателей козаковъ. Это было причиной того, что они и сами вскорѣ подняли подъ власть русскихъ и потеряли свою независимость раньше, чѣмъ бы это случилось, еслибы, живя смирно, монголы предоставили судьбу свою естественному ходу историческихъ событій. Въ 1661—3 Похабовъ съ толпою козаковъ поднялся вверхъ по Иркуту, разгромилъ не стройную толпу кочевниковъ Торской степи*), дошелъ до широкой долины, заселенной теперь русскими—тунчанами, выгналъ изъ нея номадовъ и на правомъ берегу р. Иркуты заложилъ острожокъ, который и былъ ячейкой, разросшейся черезъ сто двадцать лѣтъ въ громадное поселеніе, извѣстное теперь подъ именемъ *села Тунки*.

Мы уже знаемъ, что Тунка расположена по берегамъ р. Иркуты и р. Тунки; остается только сказать, что это одно изъ роскошнѣйшихъ мѣстъ на всемъ протяженіи теченія Иркуты. Громаднѣйшая долина, расположенная у подошвы двухъ высочайшихъ хребтовъ — Алтанъ Мундурга (Саянскій хребетъ) и тункинскихъ альпъ, прорѣзываемая вдоль съ С-Запада на востокъ р. Иркутомъ, представляетъ все удобства для поселенія. На береговыхъ лугахъ растетъ богатая трава, а по склонамъ холмовъ тучныя нивы, лѣсъ подъ бокомъ; однимъ словомъ все близко, все подъ руками для безбѣднаго существованія крестьянина — всего вдоволь. Но какъ пользуется тунчанинъ выгодами своего положенія — это

сень, въ которыхъ яро изображены насилія и разбой этого расширителя россійскихъ предѣловъ, извѣстнаго среди номадовъ подъ именемъ „Багаба“. Между прочимъ, буряты рассказываютъ, какъ Багаба крестилъ ихъ предковъ зной: вырубалась прорубь въ рѣкѣ. Буряты, надъ которыми производилъ свои эксперименты Похабовъ, привязывали въ рядъ къ длинному шесту и по данному знаку, когда наступалъ моментъ погруженія, козлы схватывали за концы шеста и окунали несчастныхъ номадовъ, удовлетворяя релігіозному усердію разбойника.

*) Торская степь расположена по обѣ стороны р. Иркуты и устью рѣки *Зун-морей*. Она на 36 верстѣ ближе къ Иркутску, чѣмъ Тункинскія долины, отъ которой отдѣлена знаменитой Бичей горой. Въ Торской степи Дума-центр управления инородцевъ. На западномъ концѣ степи русское казачье поселеніе *Гужиръ*, а на восточномъ *Тибилани*.

вопросъ другой. Центръ долины на протяженіи пяти верстѣ заселенъ сплошь казаками и крестьянами, на западной же окраинѣ села пріютились ясачные инородцы, т. е. обрусѣвшіе буряты. Чего либо въродѣ плана, симметріи, въ расположеніи построекъ — не ищите. Одна только лишь продольная улица хоть и зигзагами, но все-таки изъ края въ край прорѣзываетъ село. Улица эта называется Милліонной. Такое громкое названіе она носитъ потому, что вдоль ея расположено до шести завокъ и масса кабаковъ. Въ центрѣ Милліонной улицы стоитъ мірская изба управленія тункинскаго общества. Мірская изба въ Тункѣ замѣчательна. Слѣшимъ оговориться. Замѣчательна она вовсе не порядочностію и честностію управленія — съ этой стороны она ничѣмъ не выделяется отъ своихъ товарокъ, изощрившихся въ искусствѣ «подводить мины подъ фартенію правды». Нѣтъ, если мы упоминаемъ о мірской избѣ, то единственно потому, что зданіе ее есть единственный въ Тункѣ памятникъ пребыванія декабристовъ. Домъ выстроенъ графомъ Толстымъ и по выѣздѣ его въ Россію подаренъ обществу*). Старожилы помнятъ еще пребываніе графа Толстаго, помнятъ, сколько онъ потратилъ заботъ на устройство дома, помнятъ, что онъ былъ окруженъ лѣсомъ сначала, а затѣмъ культурной рукой извѣстнаго человека. Лѣсъ этотъ обращенъ въ роскошнѣйшій, по расцвѣтнѣ, садъ; помнятъ и огородъ, на которомъ росли всякія «дива», ни прежде, ни послѣ невиданныя въ Тункѣ. Помѣщеніе Толстаго представляетъ изъ себя громадное, какъ въ деревнѣ, зданіе, съ мезониномъ и балкономъ. Стоитъ оно на отдѣльномъ холмикѣ и было на окраинѣ, разросшейся теперь деревни. Но что бы сказалъ гр. Толстой, если бы теперь могъ видѣть свое дѣтище, взлелѣнное имъ въ изгнаніи, что бы онъ сказалъ, еслибы увидѣлъ, что сталося теперь съ трудами рукъ его, обратившихъ дикій уголокъ первобытной природы въ предстѣйшій культурный мірокъ! А что мірокъ этотъ былъ именно

*) Въ одномъ изъ № „Нивы“ въ прошломъ году былъ помѣщенъ рисунокъ этого дома. Какъ гласитъ мѣстное преданіе, Толстой пожертвовалъ свой домъ подъ училище. Живя въ Тункѣ, изгнанникъ занимался, между прочимъ, и обученіемъ дѣтей, изъ научившихся отъ него грамотѣ, я знаю теперь двухъ тунчанъ.

«прекраснѣйшимъ», объ этомъ, помимо рассказовъ, ясно говоритъ еще то, что тунчане, при воспоминаніи о немъ, всегда прибавляютъ экой «цепеткой» замки «невидать теперь Тункѣ». Да, удивился бы Толстой саду, огорода теперь не только что остатковъ, даже никакихъ признаковъ нѣтъ; само зданіе ободрано, полуразрушено.

Кромѣ дома Толстаго, въ Тункѣ нѣтъ никакихъ примѣчательностей, если не считать за таковыя квартиру засѣдателя, почтовое отдѣленіе, училище, квартиры двухъ жандармовъ и двѣ церкви. Впрочемъ, въ одной изъ церквей, именно казачей Никольской есть знаменитая икона, изображающая св. Николая. Она замѣчательна тѣмъ, что художникъ придалъ св. Николаю чисто монгольскія черты лица. На икону эту обратилъ вниманіе князь Крапоткинъ, проѣзжая чрезъ Тунку по порученію Геогр. Общ. въ Окинскій караулъ для изслѣдованія водонада на р. Джумбулака. Съ иконой этой связано преданіе. Оно гласитъ, что въ концѣ прошлаго столѣтія многочисленная орда монголовъ напала на Тункинскій острожекъ и грозила полнымъ безпощаднымъ истребленіемъ всего живущаго и носящаго русское имя. Горсть казаковъ не могла отразить натиска монголовъ. Тогда «старикъ» обратился съ мольбой къ иконѣ св. Николая, «дюже» прося о защитѣ ихъ отъ «тварей мунгаловъ». Святитель Николай, будто бы, услышалъ молитвы осажденныхъ козаковъ, обреченныхъ на неминуемую гибель. Настало утро. Толпы монголовъ рѣшились сдѣлать послѣдній и окончательный натискъ на деревянную крѣпость, скрывавшую въ своихъ стѣнахъ горсть храбрецовъ. И вотъ «поганая орда» съ гикомъ, пуская тучи стрѣлъ, стремительно помчалась по направленію къ крѣпости. Осталось еще «два конскихъ ускока» до стѣнъ крѣпости, какъ вдругъ въ это время отворились ворота крѣпостныя и прямо на толпу выѣхали, на бѣломъ козлѣ, сѣдой, какъ лунь, старикъ съ длинной серебристой бородой, держа въ правой рукѣ жезлъ. Однимъ мановеніемъ этого жезла старецъ въ мигъ остановилъ стремительный натискъ монголовъ, всадники остановились какъ вкопанные и царившій между ними «шумъ и ревъ» обратился въ могильную тишину. Когда же старецъ другой разъ

взмахнулъ жезломъ, нестройная орда монголовъ повернула своихъ лошадей назадъ и безъ оглядки умчалась вверхъ по Иркуту. Избавленные такимъ чудеснымъ образомъ отъ неизбежной гибели, казаки пали ницъ предъ старцемъ и не замѣтили, куда исчезъ ихъ избавитель; только лишь нѣкоторые изъ счастливецъ успѣли замѣтить, что черты лица старца были точь въ точь такія же, какъ на иконѣ св. Николая, хранящейся въ ихъ часовнѣ. Обрадованная избавленіемъ горсть казаковъ, бросилась въ часовню и «безъ пона слезно помолилась Миколѣ чудотворцу, поразившему поганую орду». Впослѣдствіи, когда выстроена была церковь, икону св. Николая съ торжествомъ внесли въ храмъ, считая ее чуть ли не чудотворной. Но вотъ замѣчательно: въ народѣ и теперь еще живо сохранилось преданіе о чудесномъ избавленіи св. Николаемъ отъ «поганыхъ мунгаловъ», на ряду же съ этимъ икона потеряла всякое свое значеніе, память о ней изгладилась до того, что мѣстные жители даже не знаютъ о ея существованіи. Духовенство почему то сочло нужнымъ снять эту икону со стѣнъ храма и бросить наряду со всякимъ не нужнымъ хламомъ въ кладовую. Было бы страннымъ, если духовенство, забрасывая икону, руководствовалось такимъ неосновательнымъ соображеніемъ, что предосудительно де быть святому съ «братской») рожей». Честь открытія этой иконы среди всякаго негоднаго хлама принадлежитъ кн. Крапоткину. Но теперь она вновь попала въ церковный хламъ. Казалось бы, если эта икона считается ненужной, то разумнѣе было бы, вмѣсто того, чтобы держать ее въ кладовой, отдать людямъ понимающимъ толкъ въ рѣдкостяхъ, какую несомнѣнно представляетъ изъ себя это изображеніе св. Николая**).

*) Русскіе монголо-буряты называютъ «братскими».

***) Монголо-буряты ламанты и шамансты, парави съ христіанами, чтутъ св. Николая. Въ день его празднованія массаи ходятъ въ церковь и молитвы свое выказываютъ лучшимъ свѣтъ, зажиточныхъ предъ иконой св. Николая. Свѣтой этотъ извѣстенъ у буддистовъ подъ именемъ Саган-Убугунз. Въ Монголіи есть преданіе, что св. Николай родомъ монголъ Халхасецъ при жизни своей творилъ много чудесъ, бѣжалъ между прочимъ, и въ исламъ Саган-Ханк (Россія), почему и извѣстенъ ороссамъ (русскимъ). Когда же онъ умеръ, то русскіе украли его тѣло. Узнавши объ этомъ, монголы съ

Населеніе с. Тунки, какъ мы уже сказали, состоитъ изъ казаковъ, крестьянъ и обрусѣвшихъ бурятъ; послѣдніе въ бытовомъ отношеніи ничѣмъ не отличаются отъ кореннаго русскаго населенія. Главный источникъ средствъ къ жизни—это земледѣліе. Сѣютъ по преимуществу ярицу, пшеницу и овесъ, рѣдко рожь и ячмень, гречухой же вовсе не обмѣниваютъ полей. Не маловажнымъ экономическимъ подспорьемъ, кромѣ земледѣлія, служитъ звѣриный промыселъ, извозъ и мелкое торговство съ Монголіей*), откуда, обмѣнивая на хлѣбъ и разную мелочь, вывозятъ кожи, масло, шерсть и прочее сырье. Вообще нужно замѣтить, что тунчане находятся при хорошихъ экономическихъ условіяхъ и могли бы жить богато, если бы кабаки и винные склады нашихъ благодѣтелей, не были мѣстомъ склада же крестьянскаго имущества. Среди тунчанъ сильно развито пьянство. Очень характерный фактъ, кажется въ 8 № настоящаго года газеты «Сибирь», былъ сообщенъ корреспондентомъ изъ Тунки, который свидѣтельствуетъ, что обитатели ея въ одинъ день новаго года «умудрились пропить 800 р.», а въ теченіе 1882 года пропили 40 тысячъ! Вотъ

многочисленнымъ войскомъ отправились въ Россію розыскивать тѣло Саган-Убугуна и нашли его у береговъ „Хара-дала“^а (Чернаго моря). Русскіе, видя что монголы съ несмѣтной силой пришли отыграть тѣло угольника, и имъ не справиться съ этой силой, задумали перенести св. Николая на тотъ берегъ моря. Положили въ лодку тѣло и отплыли; но случилась сильная буря; взбушевавшее море опрокинуло лодку и похитители вмѣстѣ съ тѣломъ Николая утонули. Такъ угодно было, означиваетъ легенда, чтобы святой этотъ не былъ исключительною собственностію ни русскіихъ, ни бурятъ. Какъ извѣстно, всѣ изображенія буддійскихъ бурхановъ, исключая самаго Будды и Мессин-Майдери, носятъ на себѣ искаженныя черты лица, иногда съ массой придаточныхъ членовъ и не исключая и изображеній Будды и Майдери, истуканы непрямѣнно окрашиваются въ какой нибудь цвѣтъ: такъ Будда въ золотисто-желтый, Хотонъ-Дариже зеленый. Изъ этого пантеона уродливыхъ божествъ выдѣляется изображеніе благообразнаго, сѣдаго старика съ продолговатыми, (а не круглыми, какъ почти всѣ бурханы), лицомъ и длинной клиномъ бородой, съ круглыми глазами, ничуть не скосившимся — старецъ одѣтъ въ длинный бѣлый халатъ и держитъ въ правой рукѣ жезлъ—это и есть манекенъ Николай, извѣстнаго въ Монголіи подъ именемъ Саганъ-Убугунъ — бѣлый старикъ.

*) Ученый путешественникъ имѣеть въ виду урянхайцевъ, кочевья которыхъ залегли длинной полосой вдоль сѣверо-западной границы.

оно куда плыветъ народное богатство! Сильное пьянство служитъ главной причиной того, что тунчане далеко такъ не пользуются, не смотря на всѣ благопріятныя условія, экономическимъ довольствомъ; о чемъ, между прочимъ, убѣдительно говоритъ и внѣшній декоративный видъ деревни. Помимо грязи и навоза, этого элемента, присущаго каждой деревнѣ, при вѣздѣ въ Тунку, путника просто такъ поражаетъ ободранность ея построекъ. Два, три порядочныхъ дома рѣшительно теряются въ общей перспективѣ покосившихся на бокъ, разлѣзшихся въ стороны, подгнившихъ, растрепанныхъ избушекъ, все гниль, гниль и гниль. Для ясности дѣла не будемъ забывать, что у тунчанъ строевой дѣсъ и въ изобиліи, и, что называется, подъ бокомъ.

Гнилая по наружности — Тунка затхла и по жизни. Говоря о русскіихъ пунктахъ, прилегающихъ къ монгольской границѣ — (Минусинскъ, Бійскъ), извѣстный нашъ путешественникъ Г. Н. Потанинъ, о людѣ, населяющемъ эти пункты, выразился, что его никакъ нельзя считать представителемъ нашей интеллигенціи. О тунчанахъ же сдѣлалъ еще болѣе строгій приговоръ, хотя, къ слову сказать, и математически вѣрный*).

Къ мѣткой характеристикѣ тунчанъ остается лишь добавить, что они изъ мрака невѣжества и до сихъ поръ еще и не думаютъ выходить. Единственный прогрессивный ихъ шагъ—это открытіе другаго водочнаго подвала, который, идучи рука объ руку съ своимъ товарищемъ, стянетъ не въ далекомъ будущемъ остатки оголтѣлыхъ тунчанъ и отуманитъ послѣдніе проблески разсудка у нищихъ духомъ «органовъ культурнаго воздѣйствія на соседнюю Азію». Что можетъ быть плачевнѣе положенія края, въ которомъ среди двадцати тысячнаго населенія, Потанинъ нашелъ одного только интеллигентнаго человѣка. Среди навозной, мусорной жизни, пропитанной кабацкимъ духомъ, путешественникъ «счелъ долгомъ» изъ этой мрачной среды выдѣлать только одного человѣка, да и тотъ, къ слову сказать, не тунчанинъ и не живетъ Тункѣ, а за границей**). При захудалости, экономическомъ исто-

*) См. Очерки С. З. Монголіи ст. XI. Г. Н. Потанина.

***) Пред. Очерки С. З. Монголіи Г. Н. Потанина.

щепи, да еще и крайнее умственное убожество. Не будучи прощательнымъ, заранее можно сказать, что если «Сибирь не будетъ дана свобода развити скоро и широко свои умственные задатки», то говоря въ частности, Тунка не только не сможетъ «культурно воздѣйствовать на сосѣднюю Азію», напротивъ сама будетъ нуждаться въ радикальномъ «*омодороженіи корней*», иначе зачахнетъ, и засохнетъ какъ дерево, не имѣющее жизненныхъ соковъ и причислится къ числу выморочныхъ «обдираловокъ». Мы не согласны съ Григоріемъ Николаевичемъ Потанинымъ касательно его замѣчанія, что будто бы буриты «въ сильной степени подчиняются русскому вліанію». Предметы быта буриты дѣйствительно заимствуютъ отъ русскихъ, но зато «въ сильной степени вліяютъ» на духъ и умственный складъ русскихъ, обличая тѣмъ самымъ наибѣйшую умственную несостоятельность продолжателей дѣла Ермака Тимофѣевича *). Въ этомъ то «печальномъ и захудаломъ мѣстечкѣ» мнѣ, въ виду продолжительности времени, нужнаго для выполненія предпринятой экспедиціи, пришлось, помимо желанія, по-дольше пожить. Тунка, послѣ Иркутска, послѣдній пунктъ по направленію къ сѣверо-западной Монголіи, въ которомъ есть возможность заготовить всѣмъ нужнымъ для путешественника. Къ тому же рѣдкій изъ жителей Тунки не побывалъ въ «мунгалахъ», зачастую въ самыхъ отдаленныхъ ея уголкахъ, «куда европейскій путешественникъ еще не скоро попадетъ», значитъ, если по словамъ Потанина и «трудно добыть отъ нихъ даже самые краткіе маршруты», такъ какъ къ систематизаціи своихъ знаній тунчане, по умственному своему убожеству, неспособны, зато легко достать себѣ опытнаго вожака, знающаго дорогу и дорожныя условія. А это очень важно, и вотъ почему. Вѣдять верхомъ и по Монголіи, нѣтъ сомнѣнія, далеко не то, что дѣлать тоже самое даже по нашимъ пресловутымъ почтовымъ трактамъ и даже проселкамъ, хотя европеецъ, избалованный гоніемъ плодобрѣтательности и проклинаетъ «проселки», считая вѣду по нимъ божескимъ наказаніемъ. Дороги по Монголіи, или вѣрнѣе верховыя тропинки—

далеко похуже даже пресловутаго въ зѣтописяхъ земства, пермскаго тракта. Скалы, горы, горки, холмики, броды чрезъ рѣки и ручьи, каменные росыны, кочки, болота — вотъ полотно дороги въ сѣверо-западной Монголіи, въ особенности въ той части ея, которая пролегаетъ въ Саянскому хребту *) и русской границѣ. Знаніе этого «полотна» дороги, какъ мы уже сказали, важное условіе для путника. «Базальный» человекъ знаетъ, гдѣ гора и какъ ее обойти, гдѣ рѣка и бродъ чрезъ нее, гдѣ болото, гдѣ есть кормъ для лошадей и нѣтъ ни дровъ, ни воды, гдѣ есть вода и нѣтъ дровъ и пр. А все это такія серьезныя условія, что сплосъ и рядомъ въ пути приходится располагать временемъ, часомъ остановки, отдыхомъ не по своему произволу и желанію, а сообразуясь съ топографіей и физическими условіями данной мѣстности. Если опытный вожакъ скажетъ, «что тутъ то нужно остановиться», то нужно слушаться его и не брать въ расчетъ собственныхъ своихъ соображеній, о томъ — рано ли не рано, положимъ, обѣдать, или останавливаться на ночлегъ, много-ли, мало-ли пройдено пути и т. д. Если въ этихъ случаяхъ понастоять на своемъ и не послушать опытнаго вожака, то въ результатѣ значить на вѣрняка наказать себя; «печуешь на кочкахъ», какъ говорятъ тунчане. Однимъ словомъ несомнѣнно, что вожакъ, хорошо знающій дорогу, необходимъ, и на «разспросныя свидѣнія» нельзя полагаться даже при знаніи монгольскаго языка, онъ, по пословицѣ, «до Кіева не доведетъ». Приниманіемъ такого опытнаго вожака, я, живя въ Тункѣ, главнымъ образомъ и былъ озабоченъ. Случай помогъ найти мнѣ такого человека. Иностранецъ Шендловскаго рода Степанъ Сороковиковъ десять лѣтъ сряду вѣдиль по сѣверо-западной Монголіи, какъ довѣренный по закупу скота отъ крестьянина Томилова. Какія то недоразумѣнія по поводу расчетовъ заставили Сороковикова отказать отъ службы у Томилова, благодаря чему Степанъ на тридцать руб. въ мѣсяцъ и согласился вѣхать со мной. Обеспе-

*) Мысль эта мною фактически доказана въ топографическомъ очеркѣ быта монголо-бурятъ.

*) Отъ подошвы и до вершины Саянскій хребтъ покрытъ толщами, не вымытыми болотами, и неизлажному мѣстности нѣтъ возможности рѣзаться гдѣ-либо черезъ него, иначе на каждомъ шагѣ тропить бѣда завалитъ въ болотѣ.

чивъ себя вожакомъ, сухарями и пр. нужнымъ для дороги, я 23 Мая, на наемныхъ лошадяхъ выѣхалъ изъ Тунки. Хотѣлось было приобрести своихъ, чтобы сразу, съ мѣста, снарядиться, «направиться», какъ говорятъ тунчане, въ путь; но въ Тункѣ не купилъ лошадей потому, что по примѣру прежнихъ лѣтъ, я зналъ, что приобрести ихъ за монгольской границей—именно въ Дархатскомъ куренѣ, гораздо дешевле, чѣмъ въ Тункѣ. Вѣренъ ли мой расчетъ—увидимъ, а теперь покуда, на прощаніе, остановимся еще нѣсколько на Тункѣ.

Май мѣсяцу на исходѣ; весна, значитъ, должна быть во всей красѣ. Такъ оно и было въ прежнее время. Этотъ же годъ, въ атмосферическомъ отношеніи, былъ несчастливъ. По счету чиселъ и мѣсяцевъ должно было бы быть тепло; между тѣмъ въ продолженіи всей весны тунчане не видѣли ни одного теплаго, яснаго дня, снѣгъ шелъ изодня въ день. Къ тому же постоянно дулъ рѣзкій, холодный западный вѣтеръ, такъ что безъ зимней одежды нельзя было выходить изъ дому. Такое состояніе погоды сильно задержало растительность: не только деревья не давали почки, даже трава не показывалась изъ земли до 15 Мая. Лошади и рогатый скотъ, изнуренные зимой, точно скелеты бродили по голому полю, срывая, какъ будто нечаянно, въ контрастѣ съ общимъ ободранымъ ландшафтомъ, тамъ-сямъ вылѣзшіе изъ земли стебельки травы. Жалко было смотрѣть на исхудалый, истощенный, дрожащій отъ холода, еле двигающійся скотъ. Онъ, какъ выражаются мѣстные обыватели, «подымался», т. е. выражаясь точнѣе, его подымали; изнуренный голодовкой, онъ не могъ ходить, падалъ и хозяева «подымали» его, чуть не на рукахъ волокли во дворъ и «изъ рукъ» кормили сѣномъ и пойломъ.

Хотя посѣвы хлѣба и были окончены до 15 Мая, но всходы очень плачевны,—часть зерна выдуло вѣтромъ, а оставшаяся часть, задержанная холодами, не давала роста. Дождь же пошелъ только лишь 18 Мая. Вслѣдъ за нимъ была теплая погода, посѣвы весело зазеленѣли, трава дала ростъ, и скотъ, жадно щипля свѣжую сочную траву, пересталъ, какъ блуждающая тѣнь, бродить по полю. Что же касается деревьевъ, то береза только лишь

къ 15 Мая начала развертывать почку, 20-го зелень была еще мелкая желтоватаго цвѣта, не окрѣпшая съ несформировавшимся листкомъ. Изъ цвѣтовъ къ 20 Мая видны были одинъ только лишь желтые и лиловые пострѣлы. Въ общемъ пасмурные холодные дни, съ рѣзко свистящимъ вѣтромъ, падающимъ снѣгомъ, едва, какъ бы насильно, съ трудомъ, пробивающаюся зеленью, ничего не говорили, что теперь весна. Тункинскія хозяйки были въ отчаяніи: «овощъ» ихъ померзла, имъ приходилось или «прикрывать» посѣянное, что было «хлопотливо»*) или же вновь высѣвать. Бывало въ добрую пору**), при теплой веснѣ, тункинскія коробочки, самыя, что ни на есть законорожденные дочери знаменитой гоголевской коробочки, силою мѣстныхъ условій не помѣщицы, а «сидяція въ купцахъ», то и дѣло, что заняты были нескончаемой трескотней на нескончаемую же тему: «у меня огурцы уже вылѣзли.... у меня дали три листочка.... чуть было не оплошала.... да не прикрыла овощъ на ночь.... и проч.... Въ эту же весну коробочки «тянули другую канитель: язви его все померзло.... и что это за напасти? Кака така «весна».

Призадумались и «органы культурнаго воздѣйствія на сосѣдную Азію»—торгаша, ведущіе «дѣло» съ Монголіей. По заведенному порядку, всѣ крупныя торгаша къ 20 Мая уже вполне были готовы «на отправку» въ Монголію, а тутъ холода, травы нѣтъ, безкормица, кони худы, еле волокутъ ноги, и рѣшительно не въ силахъ везти выюкъ; а нужно ѣхать, сбывать гнилой «бросовой», какъ говорятъ, сами торгаша, товаръ и наживать, обмѣнивая его на рубль два рубля (что это такъ—нѣсколько ниже приведемъ факты). Положеніе затруднительное; но перспектива наживы заставила, не дожидаясь «поправки» лошадей, двинуться въ путь, дѣлая на скелетахъ лошадиныхъ по 5—6 верстъ (sic) въ день и чуть ли не на каждомъ мѣстѣ остановки оставляя павшихъ лошадей.

*) Предохраняя огородную овощъ отъ морозовъ, тунчане гряды покрываютъ половниками и всякою домашнею рухлядью.

**) Авторъ въ теченіе 4 лѣтъ жилъ близъ Тунки.

ГЛАВА II.

Село Шимки.

ОТЪ ТУНКИ ДО ШИМКОВЪ.

Окончивши снаряженіе въ путь, сдѣлавъ запасъ всего нужнаго я, наконецъ, 23 Мая выѣхалъ изъ Тунки съ такимъ же намѣреніемъ, какъ и изъ Иркутска, т. е. поскорѣй добраться до Шимковъ. День выѣзда былъ дождливый, холодный съ рѣзкимъ западнымъ вѣтромъ. Трактовая дорога предстала вверху по р. Иркуту на востокъ; но я не поѣхалъ этой дорогой, а переплывъ карбазомъ на правый берегъ Иркуты, поѣхалъ деревушкой Нурхай, населенной инородцами Шешоловскаго рода *) и, чрезъ пять верстъ по направленію къ подошвѣ Саянскаго хребта, остановился на время въ выселкѣ Уланъ-Горхонъ (красный ручей), а затѣмъ уже, взявъ съ собою своего слутника Степана, поѣхалъ въ Шимки.

Скажемъ нѣсколько словъ объ Уланъ-Горхонѣ.

Въ топографическомъ отношеніи выселокъ этотъ представляетъ изъ себя котловину, расположенную между отрогами Саянскаго хребта. Котловина эта прорѣзывается съ сѣвера на югъ притокомъ рѣки Иркуты, горной небольшою рѣкою Уланъ-Горхономъ—именемъ которой и названъ выселокъ. Площадь, занимаемая выселкомъ, не широка, бугриста, такъ что построенные на ней дома съ дворами и другими хозяйскими пристройками, расположены на возгоркахъ. Всѣхъ семействъ, живущихъ въ Уланъ-Горхонѣ, шесть, они родственны между собой и носятъ одну фамилію Томиловы. Дѣтъ это тому назадъ мѣстность по Уланъ-Горхону принадлежала бурятамъ Шешоловскаго рода, которые и занимали ее подъ свои загаланы, т. е. дѣтнія кочевья. Около этого времени тункинскій крестьянинъ Томиловъ съ шестью своими сыновьями, первый изъ русскихъ, сдѣлалъ заимку на берегу Уланъ-Горхона, потомъ, спустя не много времени, сообразивъ выгоды мѣстности и вовсе выселился изъ Тунки на заимку. А

*) Инородцы эти давно уже крещены и вполне усвоили русскій бытъ, живутъ въ домахъ, а не юртахъ, хотя и обращаются больше къ ламамъ, чѣмъ къ русскому священнику.

выгоды были несомнѣнны. Въ то время, какъ рассказываютъ теперь Томиловы, звѣрь всякій,—соболі, бѣлки, рыси чуть въ избу не заходили,—промыселъ былъ подъ руками. Къ тому же и избранная для поселенія котловина Уланъ-Горхона, защищенная массой холмовъ и горъ отъ главнаго кряжа Саянскихъ горъ, была удобна для хлѣбопашества: мѣсто теплое и инѣ рѣдко падаютъ, да и вѣтровъ особенно сильныхъ не бываетъ; почва—чистый, жирный черноземъ, а къ востоку отъ жилищъ—суглинокъ, однимъ словомъ все удобства и выгоды для земледѣлія. Къ тому же дѣсъ подъ руками: сосна, береза, лиственъ, осина, черемуха растутъ и теперь почти у самихъ дворовъ. Буряты, не занимаясь тогда земледѣліемъ и не понимая, что такое «право на землю», не предчувствуя, какъ «это право» впоследствии будетъ важно въ ихъ экономическомъ быту, не противились займу Томиловымъ ихъ мѣста, не стѣсняли его и не обратили никакого вниманія на все болѣе и болѣе захватъ ихъ земель. Благодаря такому индифферентному отношенію буряты къ правамъ на собственность или вѣрнѣе недостаточной оцѣнкѣ этихъ правъ, Томиловы окончательно укоренились на Уланъ-Горхонѣ. Вскорѣ два старшихъ сына Томилова построили себѣ отдѣльные дома, выдѣлились изъ общей семьи, завели свое хозяйство, расчистили мѣстность, увеличили пашни, отдѣлили себѣ отъ общихъ бурятскихъ владѣній лучшую луговую часть для покосовъ—и «гнѣздо Томиловыхъ» зажило помѣщиками, считая Уланъ-Горхонъ своею неотъемлемою собственностью. Послѣ смерти отца Томилова, дѣти его болѣе расширили хозяйство, захвативъ подъ пашни и покосы все удобныя мѣста. Нужно замѣтить, что при жизни перваго поселщика Томилова, когда семья его еще не разрослась, «мочи» было мало, и не было нужды округлять свои владѣнія, номады буряты свободно прикочевывали къ жилью Томилова, ставили свои юрты рядомъ съ его постройками и никакихъ недоразумѣній между вторгнувшимся въ чужую собственность и настоящими владѣльцами земли не было; но какъ только потомки Томилова «шибко» ужъ начали расширять свои владѣнія, увеличивать покосы и пашни, что, впрочемъ, необходимо имъ было дѣлать,

такъ какъ число членовъ семьи увеличилось, прогрессивно съ этимъ увеличились и потребности, развилась и жажда къ наживѣ, — то естественно интересы крестьянъ и тѣснимыхъ ими инородцевъ столкнулись, начались непріязненные отношенія, Томиловы гнали инородцевъ съ ихъ кочевьевъ; тогда буряты заднимъ числомъ выдвинули вопросъ о правѣ Томиловыхъ владѣть землею и вопросъ этотъ, какъ увидимъ ниже, обострился. Томиловы, считая, Уланъ-Горхонъ своимъ «кровнымъ пепелищемъ», неотъемлемою собственностію, чтобы укрѣпить за собою эту собственность, окончательно воспретили въ началѣ пятидесятихъ годовъ кочевать бурятамъ по Уланъ-Горхону. На мѣстѣ изъ юртъ построили свои заимки, инородческія пастбища обратили въ покосы, и на протесты помадовъ категорически заявили, что Уланъ-Горхонъ есть ихъ собственность, которою, «владѣть мы можемъ, а не тварь». Въ пятидесятихъ годахъ буряты предъявили искъ, который тянулся около десяти лѣтъ и рѣшенъ не въ пользу бурятовъ, такъ какъ капиталисты Томиловы всякими «средствами» добились указа Иркутской казенной палаты, по которому земля была отчуждена отъ инородческаго владѣнія и на общемъ основаніи сибирскихъ земель причислена ко владѣніямъ тункинскаго крестьянскаго общества. Указъ былъ объявленъ инородцамъ; но буряты, дорожа землей, не вѣрили никакимъ указамъ и въ простотѣ своей души, неискушенные въ кляузахъ, не могли понять: какимъ образомъ *ихъ* собственность, вѣдствіе какихъ то канцелярскихъ манипуляцій, могла сдѣлаться *не ихъ*, а достояніемъ пришлыхъ людей? Другое дѣло — еслибы эти пришельцы платили имъ оброкъ и не гнали бы ихъ сами. Хоть бурятамъ и толковали, объясняя указъ, о «земской давности», «условіяхъ правъ на владѣніе», «основаній отчуждаемости»; но помады одно знали и твердили, что Уланъ-Горхонъ пепелище ихъ отцовъ и прадедовъ, что русскаго они пустили на время. Ознакомленіе же съ хлѣбопашествомъ и вообще съ веденіемъ сельскаго хозяйства заставило аборигеновъ еще болѣе дорожить участкомъ Уланъ-Горхона. Буряты понимали и понимаютъ невозможность окончательно выселить Томиловыхъ изъ Уланъ-Горхона, но желаютъ,

чтобы Томиловы пользовались покосами и пашнями не изъ инородческихъ дачъ, исключительно принадлежащихъ бурятамъ, а изъ общихъ крестьянскихъ, которыхъ вдоволь, но «пшъ — не въ огородѣ». Этого послѣдняго, т. е. чтобы пашни были въ огородѣ, потомство Томилова достигнуло, захвативъ лучшія для хлѣбопашества мѣста, принадлежавшія прежде Шешоловскому роду. Самому же этому роду пришлось жаться со своими юртами у болотъ и распахать пашни или «у черта на куличкахъ» — далеко отъ кочевьевъ, или же по крутымъ горнымъ склонамъ, мало удобнымъ и труднымъ для распашки и далеко не плодороднымъ. Убѣжденіе въ своемъ правѣ на угоды Уланъ-Горхонъ буряты разъ высказали тѣмъ, что собравшійся въ полномъ своемъ составѣ, Шешоловскій родъ пошелъ на пашни и покосы Томиловыхъ и силою, самовольно хотѣлъ завладѣть скошеннымъ сѣномъ и сжатымъ хлѣбомъ. Но примитивный этотъ протестъ окончился для шешоловцевъ плачевно, арава русскихъ избилъ родоваго старосту и старшинъ и разогнала пугливое стадо барановъ, какое изобразили изъ себя «твари»^{*)}; земская же полиція довершила остальное, распихавъ, по указанію Томиловыхъ, зачинщиковъ «бунта» по разнымъ кутузкамъ и клоповникамъ.... Подъ давленіемъ репрессалій буряты хоть и смирились и «бунта» не повторяютъ, но далеко еще чужды признанія законности права захвата и думаютъ, или, вѣрнѣе, убѣждены, что «законы наши святы», а только лишь «исполнители ихъ лихіе супостаты» и когда не будетъ «супостатовъ», земля ихъ будетъ отдана. И русскіе, не спросясь, не будутъ лѣзть и захватывать Высочайше дарованную имъ землю. Сбудется это или нѣтъ — трудно даже и вопросъ такой ставить..... А между тѣмъ Томиловы, поселившись на жирной землѣ, и сами «разжирѣли»; Теперь они люди очень состоятельные, — всѣ вмѣстѣ ведутъ торговлю съ Монголіей тысячъ на сто въ годъ. Кромѣ торговли съ Монголіей, занимаются доставкой чая «изъ за камня»^{**)} въ Иркутскъ. «Дѣ-

^{*)} Такъ русскіе, презрительно относились къ бурятамъ, зовутъ ихъ.

^{**)} «За камень» называется Сагагоекское и Армагское вѣдомство, а также и сама Кяхта. Причиной названія послужило то, что эти мѣстности по отношенію къ Тункѣ лежатъ по ту сторону Саянскаго хребта, какъ извѣстно, каменистаго.

ла» эти дают не мало «пользы» (местное выражение вместо «польза»), так что Томилы считались первыми «богачами» всего тункинского края и, по обычаю, общему на св. Руси, первые же и кулаки-мирофды. Владѣя капиталами, они, на неуваженіе къ своей особѣ*) «подставили пожку» т. е. отдали подъ судъ даже такого всеильнаго вождя то въ Тункѣ Держиморду — Дерунова, какинъ былъ присловутый въ лѣтописяхъ Тунки вайтошникъ Л....скій (засѣдатель).

Не вдалекѣ отъ роскошныхъ домовъ Томиловыхъ, внутри убранныхъ дорогой «Небелю», зеркалами и пр., по взгорьямъ Уланъ-Горхона лѣнятся убогія юрточки оголтѣлыхъ бурятъ, которымъ въ намятъ ихъ земли и табуновъ, не осталось и такого утѣшенія, какое по словамъ Т. П. Шевченко нѣмцы киргизы хоть... «вои вже обідрани, голі, та моляться Богу на воі».

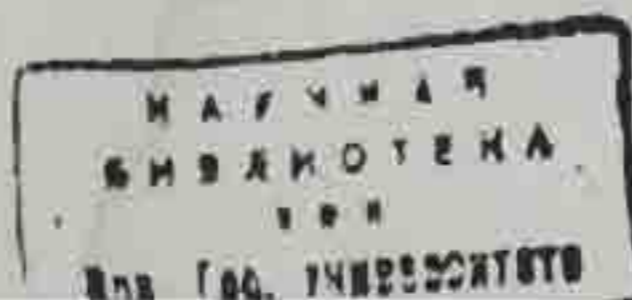
Говорить про нихъ поэтъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о времени ссылки въ Уралъ.

Этого нельзя сказать про бурятъ. Русскій кулакъ—мирофдъ, оголивъ своихъ сосѣдей, закабалить ихъ себѣ, и навѣки зануталъ въ свою крѣпкую коммерческую паутину. Ограбленные матеріально, простодушные буряты и религіей своей послужили истиннымъ дохода, и, безъ всякаго на то права, лишены возможности молиться, такъ какъ бы имъ хотѣлось: и тутъ есть зоркіе аргусы изъ за личныхъ своихъ интересовъ, а не идеи, касающіеся своей грязной рукой святѣйшаго чувства дикаря... Тяжелое, грустное впечатлѣніе производитъ видъ несчастныхъ юртъ, уныло торчащихъ близъ роскошныхъ домовъ уланъ-горхонскихъ ястребовъ. Было кочевье, были табуны лошадей, стада рогатаго скота, овецъ, было довольное, сытое лице номада скотовода - звѣрлова, взявшагося теперь за соху... А теперь?... палаты кулаковъ, ихъ нивы, породистыя лошади, такія же жены, толстая машина... Буряты же загнанъ на взгорья, оголень, безъ стада, безъ табуновъ, съ несчастнымъ конишкой, заѣзженнымъ на посылкахъ богача мирофда. Самъ буряты живетъ въ какой то жалкой пародіи на жилище человѣка, гораздо худ-

шей, какую имѣеть богачъ уланъ-горхонецъ для своихъ телятъ. А давно-ли?... Идетъ уже третье поколѣніе... Невольно вспоминаются до наготы правдивыя слова П...скаго: «злполучному инородцу выпала съ перваго же раза тяждая участь. Онъ стоялъ на дорогѣ къ неисчерпаемымъ богатствамъ Сибири, надо было у него вырвать право обладанія этими богатствами, свести на положеніе раба, выжать при посредствѣ его всѣ соки его родины. Всѣ средства для этого были хороши. Даже бѣглый взглядъ на эту сѣть ужасреній, всевозможныхъ злоупотребленій, каковыя продѣлывались надъ нимъ, достаточенъ для убѣжденія, что исчезновеніе, вымирание цѣлыхъ племенъ, былъ только логически неизбежный выводъ всей грустной исторіи*)». Цитата эта ясно даетъ понять, какимъ такимъ процессомъ случилась метаморфоза, въ результатѣ которой Томилы сдѣлались богачами, а у бурятъ уланъ-горхонскихъ «ни кола ни двора» — «хоть шаромъ покати»... таковъ безжалостный законъ борьбы за существованіе и обладаніе жирнымъ кускомъ..... Еслибы мысли эти не производили диссонанса между тѣмъ, что видишь и что чувствуешь, то, пожалуй, можно было бы любоваться живописнымъ расположеніемъ уланъ-горхонской мѣстности. Представьте себѣ массу холмиковъ, расположенныхъ въ котловинѣ. На вершинахъ болѣе выдающихся холмовъ выстроены красивые «на городской штиль» дома, съ бѣлыми трубами, крашенными ставнями. Постройки обнесены заборомъ и утопаютъ въ массѣ зелени. Между холмовъ звонко шумитъ горный ручей... тамъ — сямъ чрезъ него перекинуты мостики, устроены гати и съ шумомъ вырывающаяся чрезъ нихъ вода, вертитъ колеса мельницъ богачей, какъ сами богачи вертятъ имуществомъ буряты. Холмики, вся котловина сплошь покрыта цвѣтущей зеленью: кустами черемхи, багульника; рощами березы, осины, надъ которыми гордо возвышаются гиганты сибирскихъ лѣсовъ—сосна и лиственъ... Кругомъ вездѣ зелень и зелень, скрывающая мрачныя дѣнія пріютившихся подъ тѣнью ея... Съ востока на западъ, возвышаясь надъ холмами, тянется Саянскій хребетъ, а въ перспективѣ, на сѣверѣ, бѣлѣтся ска-

*) Л....скій, бывши въ началѣ 70 годовъ, за продѣлки послѣдилъ одного изъ Томиловыхъ въ кутузку.

*) „Сибирская Газета“ 1883 г. № 33.

+351975 (15, 1-2) P 99

листая, причудливая очертаніемъ своихъ оконечностей, стѣна величественныхъ тункинскихъ альп... Одни лишь грязныя, жгучія пятна, уродливо торчащія на этомъ прелестномъ ландшафтѣ—полуразрушившіяся юрты бурятъ—невольно отвлекаютъ вниманіе отъ красотъ природы и не позволяютъ любоваться ими... А вырвавшись и изъ подъ колесъ мельницы, какъ изъ тяжелой неволи Уланъ-Горхонъ—успокаивается только лишь близъ жалкихъ жилищъ когда-то вольныхъ и довольныхъ поклонниковъ философа Будды и, какъ бы въ унисонъ съ ними, журчитъ про злую судьбу, и тихо несетъ свои воды въ священный Иркутъ, — точно чистую слезу номада, выжатую горемъ и тяжелымъ воспоминаніемъ о быломъ прошломъ

Съ Уланъ-Горхона, по направленію къ Шимкамъ, идетъ дорога на югъ правымъ берегомъ р. Иркуты. На разстояніи трехъ верстъ отъ выселка, холмики начинаютъ исчезать, сравняться и уже въ пяти верстахъ открывается обширная долина—тридцать верстъ въ ширину и болѣе сорока въ длину. Долина эта имѣетъ луговой характеръ и мѣстами болотиста, почему и неудобна, кромѣ сѣверныхъ окраинъ, къ хлѣбопашеству. Зато на лугахъ ея въ громадномъ изобиліи растутъ роскошная трава, такъ что исключаетъ всякую мысль о нуждѣ въ сѣнѣ даже въ засушливый годъ. Бугры долины покрыты березовыми, осиновыми и черемховыми рощами, и только на западной оконечности она заросла сосной и лиственью въ перемежку съ березникомъ; берега же Иркуты сопровождаютъ ельничъ и тальничъ. Широкая, близъ Тунки—долина Иркуты, чѣмъ выше подымается по теченію рѣки, тѣмъ все уже и уже; она сжимается идущими по касательной линіи — Саянскимъ хребтомъ и тункинскими альпами, пока наконецъ окончательно не замыкается отрогами Саянскаго хребта, въ пяти верстахъ отъ Шимковъ подошедшими къ самому берегу Иркуты, прижавшемуся къ скалистымъ подошвамъ тункинскихъ альп. Такое положеніе долины очень важно для условій развитія земледѣлія. Присутствіе снѣжныхъ гольцовъ, этого резервуара холодной атмосферы, сильно задерживающее вліяетъ на раститель-

ность. Чѣмъ болѣе жмутся къ гольцамъ долины рѣки, тѣмъ позже весной развивается жизнь растительности и осенью скорѣе прекращается, такъ какъ состояніе температуры у подошвы горъ ниже, чѣмъ въ открытыхъ стенихъ мѣстахъ. Сплошь и рядомъ бываетъ, что когда въ долинахъ идетъ дождь, то въ тоже время гольцы покрываются снѣгомъ. Явленіе это бываетъ въ продолженіе всего лѣта. Слѣдовательно, чѣмъ шире долина, тѣмъ больше центръ ея изолированъ отъ холода и трудъ земледѣльца болѣе обезпеченъ. Если свойственная Сибири флора и разнообразіе по южнымъ склонамъ горъ, чѣмъ въ долинахъ, что объясняется тѣмъ, что на склоны горъ лучи солнца падаютъ примѣ, чѣмъ на ровное мѣсто, то это мало прельщаетъ земледѣльца; такъ какъ въ ненастную погоду болѣе рѣзкій холодъ на горахъ, чѣмъ въ долинахъ, парализуетъ для земледѣльца пользу склоновъ горъ,—вредъ для посѣвовъ отъ ночныхъ холодовъ не искупаетъ сравнительно большая теплота солнечныхъ лучей днемъ, и въ долинахъ если не такъ разнообразна флора, за то долѣе живетъ. Описываемую нами долину, лежащую между с. Тункой и Шимками вдоль,—съ запада на востокъ,—прорѣзываетъ рѣка Иркутъ, принимая въ себя съ права болѣе или менѣе значительные притоки, текущіе съ вершинъ Саянскаго хребта. Съ тункинскихъ же альп — на этомъ пространствѣ не вышло ни одной рѣки,—самъ Иркутъ близко подошелъ къ подошвѣ кряжа и только лишь не доходя 9 верстъ до Тунки, въ мѣстности *Жимынтъ*, круто подъ угломъ отходить отъ тункинскихъ альп, перерѣзываетъ долину и подходит къ отрогамъ Саянскаго хребта. Долина рѣки Иркуты болѣе чѣмъ достаточно орошаема, кромѣ рѣкъ (о нихъ скажемъ послѣ), по ней разбросана масса озеръ съ болотистыми окраинами. Отъ мѣстности *Ишарта* и до самыхъ Шимковъ тянется цѣлая система озеръ большихъ и малыхъ, изобилующихъ рыбой. Въ нихъ водятся преимущественно караси, окуни и щуки; кромѣ того, на водахъ озеръ водятся огромныя стаи утокъ и гусей. Вся долина рѣки Иркуты отъ Тунки и до Шимковъ находится во владѣніи бурятъ, культивирована и, послѣ Кай-

марь*) и Торской стени**), есть третье мѣсто по густотѣ народонаселенія. По ней расположены кочевья Хойготскаго, Хонходарскаго, Шинолоцкаго, Чалдарскаго, Тертеенскаго и Куркутскаго родовъ. Отъ Тунки по направленію къ Шинкамъ, верстахъ въ пяти встрѣчаются первыя лѣтнія кочевья бурятъ. На не широкой площади, съ трехъ сторонъ окруженной болотомъ съ возвышающимися надъ нимъ кочками, стоитъ до четырехъ ободравныхъ, убогихъ, безъ всякой огорода, лѣтнихъ юртъ. Со стороны тракты, по причинѣ кочекъ нѣтъ подъѣзда къ этимъ юртамъ. Я всегда удивлялся и не понималъ, что за неволя заставила бурятъ поселиться въ этой отвратительной мѣстности, крайне вредной въ гигиеническомъ отношеніи и кромѣ глупаго отвѣта «ондо газари хана збхал!» (другаго мѣста гдѣ возьмемъ), и, на свои вопросы, не могъ добиться объясненія. Отъ этихъ жалкихъ юртъ дорога пролегаетъ езьникомъ и въ пяти верстахъ оканчивается перевозомъ чрезъ р. Иркутъ. Перевозъ содержится на сборную сумму на этотъ предметъ со всего Тункинскаго инородческаго вѣдомства и едется не съ торговъ, а по простому найму бурятъ, которые и получаютъ въ гѣто отъ 70 до 80 руб. съ обязательствомъ перевозить инородцевъ и начальство всякое даромъ; съ прочихъ же смертныхъ—ѣдущихъ по 5 коп., а съ идущихъ по 1 коп.; причѣмъ карбазъ строится и пощивается на общественный счетъ. Рѣка Иркутъ часто мѣняетъ свой фарватеръ. Частыя прибыли воды углубляютъ его въ одномъ мѣстѣ и наносомъ песку образуютъ мели въ другомъ. — слѣдствіемъ этого перевозъ чрезъ Иркутъ имѣетъ то существенное неудобство, что нѣтъ постоянно опредѣленнаго пункта для перевоза, а, завися отъ перемѣнъ фарватера, проходить съ одного мѣста на другой. Берега же Иркуты высоки, круты, обрывисты. Спуски съ нихъ плохо расчищаются, что сильно затрудняетъ ѣзду въ экипажахъ, которые иногда приходится просто на рукахъ выносить. Минувъ перевозъ, близъ

устья р. Хара-угунъ — праваго притока Иркуты, расположенъ миссіонерскій станъ. Стоитъ онъ одиноко. Буряты почему то стѣсняются прикочевывать къ нему и разбросали свои юрты вокругъ него, и, кажется, далеко отъ мысли сгруппироваться колоніей близъ этого «пункта цивилизаціи». На сѣверъ отъ миссіонерскаго стана, верстахъ въ четырехъ, часть долины Иркуты занимаютъ кочевья Шешоловскаго рода. У одного изъ зажиточныхъ бурятъ этого рода—Аюши Холмоева, мы на нѣсколько времени остановились. Со стороны Аюши и собравшихся по случаю нашего прѣзда бурятъ, не было конца жалобамъ на дурную весну и безпогодицу. «Запасы сѣна кончились, холода задерживаютъ ростъ травы: безкормица, скотъ худаетъ, молока нѣтъ... ѣсть нечего... не то что, какъ было прежде, не изъ чего выгонять тарасунъ*), съ трудомъ хватаетъ молока кормить дѣтей: до того малъ удои». Дѣйствительно, скотъ до того истощенъ, что жалко было на него смотрѣть. Я самъ, въ теченіе пяти лѣтъ моей жизни въ Тункинскомъ вѣдомствѣ, не то что не знаю, даже и не слыхалъ, чтобы былъ когда нибудь годъ съ такой дурной весной. Достаточно сказать, что кубическая сажень сѣна весной продавалась за 25 руб.! Для тункинскаго края это баснословная цѣна. Обыкновенно нормальная плата за ту же сажень не превышаетъ двухъ—трехъ рублей, и то лучшаго сѣна.

Площадь кочевьевъ Шешоловскаго рода прѣзываетъ небольшая рѣка *Бо-Горхонъ* (ручей шамана), справа впадающая въ Иркутъ. Бо-Горхонъ беретъ начало съ вершинъ Саянскаго хребта. Течетъ на протяженіи, примѣрно, 20 верстъ,— извиляетъ, съ каменистымъ русломъ и пологими берегами, не глубокъ, шириною сажени въ полторы. По обѣ стороны этой рѣки—отъ верховьевъ и до устья шешоловцы кочуютъ только зимой. Долина Бо-Горхона, въ большинствѣ, представляетъ изъ себя болотистое, сырое мѣсто, удобное для покосовъ, но не для лѣтняго жилья, почему буряты весной и выкочевываютъ изъ этой долины къ подошвамъ горъ и жмутся близъ Улакъ-Горхона, когда-то принадле-

*) Кочевья каймарцевъ лежатъ на югъ отъ Тунки, примыкая къ подошвѣ тункинскихъ альпъ.

**) Торская стени начинается отъ впаденія въ Иркутъ Зов-мурана, что въ 27 верстахъ отъ Тунки внизъ по Иркуту.

*) Тарасунъ спиртной напитокъ, получаемый чрезъ посредство перегона кислаго молока.

жваннаго имъ, какъ помнитъ читатель. Болота и сырые луга тянутся на протяжении трехъ верстъ до береговъ Хара-угуна (черная вода). Хара-угунъ — тожь Жимгытъ (виноградъ) беретъ начало съ самой вершины Саянскаго хребта, съ мѣстности, называемой Ургудей*) (зимоний дворець). Паденіе Хара-угуна очень высоко, русло широкое и покрыто крупнымъ галечникомъ, со скалистыми, обрывчатыми берегами. Только по выходѣ въ долину Иркута, Хара-Угунъ теряетъ характеръ бушующей горной рѣки. Начиная отъ покатой подошвы Саянскаго хребта, онъ становится все тише и тише, берега дѣлаются пологими, разбиваются на четыре русла и дно, изъ каменистаго, переходитъ въ тонкое песчано-илватое. Черезъ одинъ изъ среднихъ его рукавовъ перекинута мостъ. Берега Хара-угунъ густо заросли кустами тальника, березы и черемхи. Кяхтинскій купецъ, Игумновъ, до проведенія круго-байкальскаго тракта, проектировалъ провести вверху по Хара-угуну дорогу изъ Иркутска въ Кяхту. Дорога эта должна была идти изъ Иркутска черезъ Култукъ, Торскую степь, Тунку и, по Хара-угуну, тожь Жимгыту (эта рѣка невѣрно называется Жемчугомъ), въ Ургудейскій караулъ, затѣмъ черезъ Армагское и Саянское вѣдомство въ Кяхту. Путь этотъ прямой, гораздо прямѣе существующаго теперь чрезъ Верхнеудинскъ и имъ, по настоянію энергичнаго Игумнова, и ѣсколько лѣтъ возили почту и транспорты выюками. Невозможность же провести тѣлѣжную дорогу, что вышло отъ громадныхъ высотъ, крутизны береговъ, скалъ, каменистыхъ ровыней, горныхъ болотъ, заставило отказаться отъ всякой мысли о возможности устроить и провести трактъ. Нелазимы скотогоны и теперь ѣздятъ этой дорогой «за камѣнь», но только лишь зимой, когда рѣка покроется льдомъ и тѣмъ дѣетъ возможность, избѣгая скалъ и тяжелой чащи, подыматься вверху по ей руслу. Но и зимой путь неудобенъ. Громадныя наледи**) дѣлаютъ дорогу опасною, такъ что ведино — и были примѣры — путнику принять холодную декабрьскую

ванну. Кроме того громадные завалы снѣга и перекинувшійся съ берега на берегъ валежникъ, затрудняютъ ѣзду. Остается теперь замѣтить, что Хара-угунъ, при малѣйшей прибыли, сильно бурзитъ и тогда переправа чрезъ него ни въ какомъ пунктѣ невозможна, такъ какъ мы уже замѣтили, что мостикъ перекинуть только чрезъ одинъ его рукавъ.

Слѣдующая, къ западу отъ Хара-угуна рѣка, пересѣкающая долину, называется Хорбитами. Она беретъ начало изъ того-же самаго хребта, что и Хара-угунъ, течетъ параллельно съ нимъ и имѣетъ такой же самый характеръ. При входѣ въ долину Хорбиты раздѣляются на два рукава, — причемъ одинъ изъ нихъ называется Хурай-Хорбита, т. е. сухой — это потому, что этотъ рукавъ наполняется водою только во время прибыли, и если эта послѣдняя случится, то переѣздъ чрезъ оба русла Хорбиты прекращается: моста чрезъ Хорбиты нѣтъ. Вверху по Хорбитами есть перевалъ чрезъ Саянскій хребетъ, противоположный спускъ съ котораго идетъ верховьями р. Ури въ кочевья монголовъ-урианхайцевъ, живущихъ по берегамъ ей. Подъемъ по Хорбитами былъ бы удобенъ, еслибы масса валежника не затрудняла ѣзды. Многие торговцы скотогоны обращаютъ вниманіе на этотъ путь, какъ кратчайшій изъ Туники и Иркутска въ Монголію, но, съ одной стороны указанное нами неудобство Хорбиты, впрочемъ, легко устранимое, а съ другой невылазныя мѣста болота верховья р. Ури, не позволяютъ рѣшиться проложить дорогу; и ей предпочитаютъ, хотя и значительно дальнюю, зато проторенную — именно чрезъ Мондинскій караулъ. Зимой же совершенно свободно ѣздятъ въ Монголію и изъ Монголіи по Хорбитами и выгоняютъ скотъ. Въ будущемъ — эта дорога, какъ кратчайшая, будетъ имѣть большое торговое значеніе.

Отъ Хара-угуна до Хорбиты считается десять верстъ. На этомъ пространствѣ расположены кочевья двухъ Ховходороныхъ родовъ и часть Тиртейскаго. Степь раздѣляется на двѣ половины: а) примыкающая къ Хара-угуну называется Хандан-жала — степь лоя, б) а къ Хорбитами — носитъ имя этой рѣки Хорби-жала*). По разсказамъ стари-

*) Съ верховьяхъ Ургудей — берутъ начало три рѣки: собственно Ургудей, Зон-Муринъ и правый притокъ Иркута и Хара-Угунъ.

**) Въ верховьяхъ скалы Хара-угунъ покрывается льдомъ не раньше Декабря мѣсяца.

*) Хорбитами слово искорененное и переименовать его въ рѣчку.

ковъ, не такъ еще давно по этой степи бродили стада лосей, а теперь что то и домашнего скота не видно у изъ года въ годъ бѣднѣющихъ бурятъ. Хандагаи-тала и Хорбяи-тала густо заселены лѣтними и зимними кочевьями инородцевъ. По дорогѣ вездѣ встрѣчаются юрты и зимнія избышки бурятъ. Тутъ же въ началѣ 1883 г. устроено родовое управленіе съ русскимъ писаремъ во главѣ: пошло, значитъ, ознакомленіе бурятъ съ календаремъ, чернилами, бумагой, съ номерами, съ входящимъ и исходящимъ журналомъ и прочей писарской мудростію, — ознакомленіе, впрочемъ, далеко такъ не даровое. Буряты тяготеютъ этимъ управленіемъ, какъ предметомъ лишняго налога. По ихъ словамъ оно совершенно лишнее, такъ какъ Дума до сихъ поръ съ успѣхомъ вѣдала ихъ не мудрыя дѣлашки.

Мѣсто этихъ кочевьявъ совершенно ровное, кой гдѣ болотистое, но въ общемъ удобное для поселенія. Сѣверная часть степи, какъ болѣе возвышенная, а слѣдовательно не болотистая — распахивается; южная же занята покосами и выгонами подѣ пастбу скота. Обильно орошаемая мелкими горными ручьями, болотистая и съ озерами, — степь эта рѣдко бываетъ не покрыта травой и не удобна для косьбы сѣна; развѣ ужъ въ очень засушливый годъ задерживается ростъ травы и урожай ея не достаточенъ. Обиліе роскошной покосной земли заставляетъ тункинскихъ крестьянъ и казаковъ, стѣсненныхъ въ этомъ отношеніи, кортомить у бурятъ покосы. Кортомная плата покуда низка: максимумъ ея не превышаетъ цѣнности за десятину полуторыхъ рублей въ годъ.

Хандагаи-тала и Хорбяи-тала изрѣзана между Хара-угуномъ и Хорбитами шестью безымянными горными ручьями, частію сливающимися вмѣстѣ, частію теряющимися въ болотахъ. Сѣверная возвышенная сторона степи, начиная со склоновъ горъ, окаймляющихъ ее, покрыта лѣсомъ: сосной, лиственнею, тополями, осиною, березой и, по русламъ рѣкъ, кустарниками тальника и черемхи. Центръ долины, по которому и проходитъ трактовая дорога, безлѣсенъ; а южная сторона, будучи болѣе болотистой, покрыта поросшимъ мхомъ ельникомъ, тальникомъ, кой гдѣ карявой лиственнею въ перемежку

съ кустовидной березой. Сама рѣка Иркутъ ближе подходитъ и жметъ къ подошвѣ тункинскихъ альпъ, а близъ урочища «Синты», что на лѣвомъ берегу, прибивается къ скаламъ. Сплошныя болота лѣваго берега Иркуты едѣлали его неудобнымъ для лѣтнихъ кочевьевъ и только лишь западнѣе Синты, гдѣ Иркутъ, отбившись отъ тункинскихъ альпъ, круто поворачивается вправо, къ сѣверу, врѣзываясь въ степь Хандагаи, образовывается широкое, но все таки сырое мѣсто, на которомъ и расположена кучка зимнихъ избышекъ бурятъ. Благодаря сырости мѣста, трава растетъ большая, густая, вслѣдствіе чего скотъ обезпечивается кормомъ на зиму. Нужно замѣтить, что лѣнивый буряты не скашиваютъ всѣхъ своихъ луговъ, и табуны свои заставляютъ зимой питаться подножнымъ кормомъ и только лишь въ сильные морозы кормить скотъ сѣномъ.

Любо ѣхать долиной Иркуты, когда она бываетъ во всей своей красѣ. Окаймленная кудреватой, яркой зеленью кустарниковъ, она ярко, со всевозможнаго рода причудливыми сочетаніями цвѣтовъ, пестрѣетъ и рябитъ своей роскошной флорой. Желтая, красная, лиловая, бѣлая лилія, колокольчики, горошекъ, гвоздика, сокирки и масса другихъ злаковъ весело ласкающе блестятъ отливомъ своихъ нѣжныхъ цвѣтовъ, вылядывая изъ подѣ бархатистой, ярко-зеленой, густой, роскошной травы. Звонкіе, горные ручьи весело катятъ свои воды, часто скрытыя нависшею надъ ними густо-лиственной береговой зеленью. Но звонъ ручейковъ заглушается шумными трелями беззаботно выющихся въ пространствѣ жаворонковъ. Они своимъ музыкальнымъ голосомъ оживляютъ эту привлекательную степь. Даже юрты бурятъ, скрывшія свое убожество подѣ ковромъ предестной степи, кажутся не тѣмъ, что есть въ дѣйствительности. Тамъ и сямъ бродящія, утопанъ въ зелени, стада, говорятъ вмѣстѣ въ заунывной пѣсню помада, что степь эта, со своими тучными пастбищами, гнула въ подѣ многочисленными табунами — этого богатства помадовъ. Степь, теперь — какъ и раньше: изъ года въ годъ оживаетъ, живетъ полною роскошною жизнью, согрѣваемая и богатящаяся животворными лучами лучшаго и полезнѣйшаго изъ свѣтилъ; она также богато-

роскошна сегодня, какъ и сто лѣтъ тому назадъ; но съ богатствомъ номада—скотомъ случился очень даже прозаичный, и вполне постижимый *метампсихозъ*, и души мирно бродившихъ по степи стада еще болѣе мирно теперь почиваютъ въ видѣ депозитокъ и другой движимой собственности въ карманахъ «проводниковъ культурнаго воздѣйствія на сосѣдную Азію». Чтожь дѣлать — таковъ законъ метампсихозы!

Переѣздомъ въ бродъ чрезъ р. Хорбаты, оканчивается хорбатская степь, и дорога дальше идетъ уже не чистымъ мѣстомъ, а между сосновыми и березовыми зарослями. Къ тому же и долина начинаетъ замѣтно суживаться: Саянскій хребетъ и Тункинскія альпы дѣлаютъ загибъ другъ къ другу; трактъ же продолжаетъ идти ближе къ Саянамъ, чѣмъ къ альпамъ. Проходъ лѣсомъ тянется верстъ десять и оканчивается выходомъ изъ роскошной сосновой рощи на берегъ р. *Кирен*, праваго притока р. Иркуты, пересѣкающаго дорогу съ сѣвера на югъ. Кирен небольшая, маловодная рѣка, съ высокими обрывистыми берегами и съ усѣянными мелкимъ щебнемъ дномъ. За бродомъ чрезъ Кирен опять чистое, открытое мѣсто. Тункинскія альпы дѣлаютъ крутой поворотъ къ западу, благодаря чему долина Иркуты вновь расширяется. Въ этой части долины, по правую сторону дороги, къ юго-западу—расположены лѣтнія и зимнія кочевья инородцевъ 1-го и 2-го Хойготскаго рода, а на лѣвой красуется дацанъ—т. е. буддѣйскій храмъ—эта единственная отрада бурятъ. Мѣстность, на которой расположенъ монастырь буддистовъ, очень живописна. Площадь, занятую постройками, огораживаетъ р. Кирен, на сѣверѣ къ ней примыкаютъ густыя заросли красиваго ельника, съ юга же открытое ровное мѣсто. Постройки, какъ и вся площадь, чисто содержатся. Надъ ними, съ золотымъ куполомъ, высятся китайской архитектуры храмъ, обнесенный высокой оградой; окрашенной въ желто-грязную краску; заборъ украшаютъ разные буддѣйскіе орнаменты. Приятное впечатлѣніе отъ мѣстности и монастыря нѣсколько омрачается забытымъ, угнетеннымъ видомъ представителей высокаго ученія рационалиста Будды, не смѣло славящими память своего учителя. Слѣдовало

бы нѣсколько остановиться и указать на причины; запечатлѣвшія отпечатокъ приниженности, да... некогда!

Въ описываемой нами мѣстности кочевья хойготцевъ стѣснены. *Заулуны* ихъ, т. е. лѣтники, близъ самихъ *убызонсовъ* (зимниковъ). Въ послѣдніе они кочуютъ не въ силу традицій, а просто изъ за экономическихъ, хозяйственныхъ расчетовъ. Хозяйства ихъ не такъ устроены, чтобы возможно было имѣть постоянную осѣдность. Пахати обыкновенно располагаются близъ зимнихъ жилищъ и ничѣмъ отъ нихъ не отгораживаются, такъ что въ случаѣ выхода изъ зимнихъ кочевьевъ, скотъ уничтожилъ бы посявы. Лѣтнія же кочевья отдѣляются отъ зимнихъ, тянущейся иногда на десятки верстъ, поскотиной. Такая поскотина отдѣляетъ между прочимъ кочевья хойготцевъ отъ с. Шимковъ, которыя отъ границы этихъ кочевьевъ, т. е. отъ поскотины, отстоятъ въ пяти верстахъ, а отъ Кыренскаго дацана въ девяти. Поскотина эта протянута отъ верховьевъ склона горъ до самаго берега р. Иркуты. Миновавъ поскотину, открывается видъ на с. Шимки, видъ, впрочемъ, не имѣющій ничего привлекательнаго: во первыхъ и дорога къ деревушкѣ идетъ по болоту, между безобразныхъ обнаженныхъ кочекъ, а во-вторыхъ и сами Шимки со своими постройками тоже ни больше, ни меньше какъ куча кочекъ, какія представляютъ изъ себя въ безобразномъ беспорядкѣ разбросанныя, полуразрушившіяся отъ времени и небрежности хозяевъ постройки. Но о Шимкахъ послѣ,—теперь сдѣлаемъ общій обзоръ трактовой дороги отъ Тунки до Шимковъ.

Мы уже знаемъ, что она, какъ и долина р. Иркуты, тянется на протяженіи 40 верстъ и совершенно ровная, не каменистая: въ сухое время года очень удобна, и ремонтируется ежегодно на счетъ земской натуральной повинности. На улучшение этой дороги много потрачено и тратится каждый годъ дорогое для инородцевъ время и еще болѣе дорогое здоровье, но, къ сожалѣнію, безъ толку, не производительно. Въ сухое время дорога прекрасна и была бы такою и безъ тяжелой дорожной повинности; но въ дожди, въ ненастье, эта же дорога—мерзость. Хотя на болотистыхъ мѣстахъ и сдѣланы

гати, но такъ «практично», что во время грязи ѣздить по нимъ нельзя: хворостъ, вмѣсто щебня, заваленъ глиной и экинажи и лошади вязнутъ въ гати, какъ и въ болотѣ, съ тою только ухудшающею дѣло разницею, что лошади, завязивъ ноги въ грязь, попадають еще въ щели между хворостомъ и не рѣдко некалѣчиваются. Къ тому же, кромѣ одного русла Хорбятъ, ни чрезъ одинъ ручей и рѣку нѣтъ устроенныхъ мостовъ, вслѣдствіе чего путникъ попадаетъ иногда въ самыя мерзѣйшія условія. Застигнутый дождемъ, путникъ иногда «запирается водой». Вода въ рѣкахъ прибываетъ изумительно быстро и лишаетъ возможности переѣхать даже чрезъ сухой — тому назадъ нѣсколько часовъ, ручей. Отчего нерѣдко бывають случаи, что путникъ, въ несчастье, сидитъ дня по два у берега бунующей рѣки, ожидая убыли воды. Въ продолжительно же дождливое время сообщеніе между Тункой и Шимками совершенно прекращается. Затруднительно также сообщеніе и осенью, во время рѣкостава, и весной — въ періодъ прохода льда. Карбаза въ это время не ходять, а бродовъ нѣтъ. Нужно замѣтить, что Иркутъ какъ становится, такъ и проходить не въ одно и тоже время въ разныхъ своихъ пунктахъ. Отъ верховьевъ и до Туранскаго караула онъ окончательно покрывается льдомъ только съ 6—го декабря; отъ Турана и до урочища Синтъ замерзаетъ въ послѣднихъ числахъ октября, а отъ Синтъ и дальше внизъ — среднихъ числахъ ноября. Точно также и вскрывается въ верховьяхъ раньше, чѣмъ внизу и въ среднемъ своемъ теченіи. Почему осенью и весной, изъ Шимковъ въ Тунку, ѣздить не прямой дорогой, а чрезъ урочище Синты, лѣвымъ берегомъ Иркутъ.

Обратимся теперь къ Шимкамъ, по внѣшнему виду представляющимъ изъ себя, какъ замѣчено, кучу полугнилыхъ, полуразрушившихся демишекъ, не лучше той, про которую Кольцовъ сказалъ, что она «согнувшись.... какъ старушка стоитъ». Что въ Шимкахъ есть порядочнаго изъ строеній — это какъ и слѣдовало ожидать, дома двухъ торгашей, да миссіонерскій домъ, построенные на «сборную сумму» — казачья же избытки выглядываютъ обветшалыми, дырявыми, грязными лачугами, ободравши-

мися на счетъ красоты выше поименованныхъ зданій. Какъ ни всматривайтесь — нигдѣ вы не увидите признаковъ, по которымъ можно было бы заключить, что лачуги, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, вздумаютъ пообчиститься и подтянуть свои бока — всматриваясь, вы скорѣй натолкнетесь на признаки прогрессивнаго разрушенія, чѣмъ возможности обновленія. И если ужъ Тунка, по словамъ ученаго наблюдателя, одно изъ самыхъ «захудалыхъ и плачевныхъ мѣстечекъ», то Шимки, просто таки, безъ преувеличенія, помойная яма, поверхность которой въ видѣ лачугъ, завалена всякимъ гнилымъ мусоромъ. Такую характеристику носить въ себѣ и самое названіе деревни: «Шимхи» въ переводѣ монгольскаго буквально значитъ «щепотка». Гнилыя по внѣшнему виду, Шимки положительно нищи духомъ и не носятъ, даже и въ зародышѣ, никакихъ идей, не то что къ стремленію «къ культурному воздѣйствію на другихъ» — нѣтъ — куда имъ, а просто — на осмысленное отношеніе къ своему горемычному быту, на желаніе приискать средства выбиться изъ царящей нищеты и воспользоваться для этого тѣми экономически благоприятными условіями, въ какихъ находятся Шимки, какъ-то: при обилии земли, воздѣлываніемъ ея, рыбными богатыми ловлями, добычей пушнаго звѣря, извозомъ, прогономъ десятковъ тысячъ скота изъ Китая и Монголіи и пр., все это очень доходныя статьи при умѣншіи и желаніи ими пользоваться. Но кабакъ засосалъ шимковца, взялъ его въ свою кабалу и направляетъ всю дѣятельность его на добычу гривенниковъ на косушки и четушки. Жизнь шимковцевъ до того безцвѣтна, что ученый путешественникъ Г. Н. П., проѣзжая чрезъ село, не нашелся ничего сказать о немъ. Въ Шимкахъ живутъ преимущественно казаки, и только лишь къ юго-восточной окраинѣ деревни, слившись съ нею, примкнули ясачные инородцы — эта часть деревни называется «Шактоятъ». Всѣхъ жителей мужскаго и женскаго пола около 300 душъ. Село это было когда то пограничнымъ карауломъ. Какъ караулъ — онъ уже давно уничтоженъ — именно въ началѣ этого столѣтія, когда русскіе двинулись вверхъ по Иркуту къ Турану и Мондамъ. Мы вовсе не скажемъ

ничего лишняго и ни на іоту не преувеличимъ положенія дѣла, если назовемъ шимковцевъ народомъ безнадежно оголтѣлымъ, пропойцами. Не смотря на то, что въ деревнѣ немногимъ болѣе ста дворовъ, считая въ томъ числѣ и дома ясачныхъ, въ ней двѣ лавки и два кабака; изъ послѣднихъ народъ буквально не вылазитъ. Въ праздничные же дни, кабатчики не успѣваютъ навозиться водки изъ Тунки. Пьютъ отъ мала до велика и пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ для выпивки. Подражалъ ли кто — въ кабакъ на мировую, укралъ ли что, обманулъ кого, промоталъ ли общественный хлѣбъ — въ кабакъ, откупайся водкой и т. д.

Промышленности, кромѣ извоза и шляпнѣ, по Монголіи съ кускомъ желѣза и обрѣзками матерій, въ Шимкахъ нѣтъ никакой; хлѣбопашество въ самыхъ скупулезныхъ размѣрахъ. Первостатейный богачъ шимкинецъ засѣваетъ максимумъ 10 десятинъ и то половину, кое какъ, съ грѣхомъ пополамъ. Г. Н. Потанинъ называетъ казаковъ «плохими земледѣльцами», немогущими дать «хорошаго примѣра»*) своимъ сосѣдямъ бурятамъ. Казачество развратило шимковца. Испорченный въ нестроевой службѣ, онъ нечестивъ, дѣлтай и пьяница. Повѣритъ ему что-нибудь, значитъ навѣрняка проститься съ вещью, а тѣмъ болѣе съ деньгами. Праздный, онъ такъ и наровитъ, чтобы «сорвать» съ когонибудь, чтонибудь и напиться на чужой счетъ. Стоитъ только услышать шимковцу, что гдѣнибудь пьютъ водку, онъ сейчасъ же броситъ все, самое горячее, безотложное дѣло и потянется къ «даровщинѣ», какъ волкъ на падалъ. Что это не преувеличенія, не фразы для краснаго словца — вотъ фактическія доказательства. Осенью въ страду, въ самую горячую рабочую пору земледѣльца, когда нужно напрягать всѣ усилія, чтобы успѣть сжать хлѣбъ и не допустить его погибнуть подъ завалами снѣга, что бываетъ нерѣдко, такъ какъ снѣгъ начинаетъ падать съ августа мѣсяца и заваливаетъ посѣвы; — въ эту то кипучую пору, казакъ бросаетъ свою пашню, чтобы по первому же оклику, идти пьянствовать на чужой счетъ; а случаи къ этому есть и

нерѣдки. Алтайскіе скотогоны, какъ разъ въ страдную пору, приходятъ со своимъ скотомъ въ долину Иркутка — спустившись въ эту роскошную долину, откармливаютъ свой скотъ и выжидаютъ пріѣзда иркутскихъ мясниковъ, закупающихъ гурты. Съ Алтая скотогоны выходятъ въ концѣ марта и идутъ все Монголіей до августа мѣсяца. Скотогоны, какъ говорятъ тунчане, «все урви головы» и «на счетъ выпивки губа у нихъ не дура». Блудчи же Монголіей они «вывизываются» — водки взять негдѣ, такъ что, и безъ того волчій ихъ аппетитъ за дорогу увеличивается crescendo. Но вотъ они близъ границы... чуютъ уже специфическій запахъ Руси... Наконецъ переваливаютъ границу и... проголодавшаяся эта алчущая стая, чуть только ввалится въ «родименькія Шимки», какъ сейчасъ же и начинается «разливанное море», «отводъ душеньки», т. е. повальное, безшабашное пьянство, вечерки... однимъ словомъ все село ходуномъ заходитъ и прощай страда. Все село «крутитъ». Казаки и казачки бросаютъ, говоря малороссійской пословицей, «печене и варене» и принимаютъ самое дѣятельное участіе въ оргіяхъ. А поля и жниво? «неубѣжиштъ!» гогочетъ хриплымъ голосомъ пьяный казакъ. Довелось мнѣ быть свидѣтелемъ и такихъ возмутительныхъ случаевъ. Разгуливавшемуся, неимѣющему удержу въ своихъ желаніяхъ скотогону, вдругъ явится желаніе послушать такихъ то именно пѣсенниковъ, а они какъ разъ на пашнѣ. Чтобы «потрафить нраву благопріятеля» услужливыми на этотъ разъ шимковцами, сейчасъ же шлются нарочные — за «любезными» скотогону людьми; пѣсенники же, получивъ приглашеніе, незадумываясь бросаютъ не дожатый снопъ и идутъ тѣшить музыкальное ухо расходившагося кулака. О развратѣ, какой бываетъ во время этихъ оргій и говорить нечего, — онъ совершается до наглаго цинизма открыто. И такъ изодня въ день, изъ недѣли въ недѣлю, покуда скотогоны не отпразднуютъ приходъ свой «во благополучіяхъ» въ «родименькія Шимки», а затѣмъ не «оттрезвонятъ» и «фартовой» продажи скота. Вообще Шимки представляютъ изъ себя пунктъ схода для пьяныхъ компаній. Добравшись до Тунки, какъ первой русской деревни съ кабакомъ,

*) Поѣздка въ Дархаты Г. Н. Потанина Журналъ Русское Богатство за 1881 г. ст. 123.

пьянствуют алтайцы; въ Шимкахъ же пьянствуютъ «на послѣдяхъ», вѣдушіе «торговаться» въ Монголію и возвращающіеся обратно отъ «мунгаловъ»; пьянствуютъ выѣхавшіе на встрѣчу имъ «благотріатели и сродственники»; пьянствуютъ выѣхавшіе изъ далекихъ окраинъ буряты и монголы—пу какже не пить самимъ шимковцамъ?.... Все захватывающій пьяный вихрь «проѣзжающихъ» увлекаетъ и ихъ въ свой одуряющій потокъ.... И шимковецъ—неисправимый пьяница. Помню разъ—проходя мимо кабака, я увидѣлъ мальчишку, сидящаго у порога этого значнаго мѣста — на вопросъ мой, что онъ тутъ дѣлаетъ? «да вотъ смотрю, какъ старики пьютъ» было отвѣтомъ мальчугана. Выводъ изъ этого краснорѣчиваго отвѣта предоставляю право сдѣлать самому читателю — отъ себя же скажу, что изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что мальчишка, любитель кабацкихъ сценъ, сидитъ въ «питейномъ» съ утра, а же проходилъ позже полудня!

При такой, постоянно пьяной жизни—когда же думать объ улучшеніи хозяйства? И шимковцы рѣшительно не заботятся о немъ. При такомъ положеніи дѣла нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ, несмотря на естественныя богатства края, находится на пути экономическаго истощенія и нравственной деморализаціи. Испорченные сами, шимковцы растлѣвающе вліяютъ и на окружающихъ ихъ инородцевъ, которые покуда еще гораздо трудолюбивѣе ихъ и несравненно честнѣе. Но кабаки, кабаки и пьяный, безнравственный казакъ,—не въ далекомъ будущемъ развратятъ и этихъ дѣтей природы. Нѣтъ ничего, чтобы могло задержать вліяніе развращающей силы. Русская жизнь на этой окраинѣ еще не успѣла или не сумѣла создать разумнаго противувѣса.

Площадь, занимаемая Шимками, не широка; южнымъ своимъ концемъ она упирается въ правый берегъ Иркуты, а сѣвернымъ жметъ къ подошвѣ Саянскаго хребта, съ запада же ее ограничиваютъ отроги горъ — такъ что за Шимками собственно и оканчивается долина Иркуты, который, начиная съ Шимковъ, въ верховьяхъ своихъ течетъ уже не широкимъ мѣстомъ, а бѣетъ между горъ и скалъ. На

этой то площади, въ безпорядкѣ, безъ всякаго плана, просто кучками набросано, какъ мы уже говорили, болѣе сотни домовъ. Вся деревня грязна: кучи навоза, мусора, дохлятина—валяются вездѣ. Въ данное время, въ ненастную погоду рѣшительно нельзя было пройти пѣшкомъ по улицѣ, не опасаясь завязнуть или въ навозѣ или въ болотѣ. Даже во дворахъ близъ самихъ сѣней хотъ въ лодкѣ плавай! Въ Шимки мы пріѣхали вечеромъ, шель дождь и деревня представляла изъ себя сплошное болото. Съ 24 ч. утра и до 25 шель сильный снѣгъ и 25 не стаялъ до полудня. Саянскій хребетъ и альпы, точно зимой, были покрыты толстыми завалами снѣга, хотя горы, исключая вершинъ, и были передъ этимъ обнажены отъ снѣга.

25 снѣгъ и дождь помѣшали намъ выѣхать изъ Шимковъ и мы поневолѣ должны были днествовать.

Прежде чѣмъ проститься съ Шимками, скажемъ еще нѣсколько словъ о мѣстности лѣваго берега Иркуты, примыкающей къ Шимкамъ. Иркутъ, прижавъ долину праваго своего берега къ Саянскому хребту, въ то же время отошелъ отъ Тункинскихъ альпъ, которые противъ Шимковъ круто повертели на югъ; такъ что на лѣвомъ берегу Иркуты образовалась громадная долина, извѣстная подъ именемъ *Елатей* (обладающая мошкой). Долина эта занята кочевьями Челдаровскаго и Куркутскаго рода. Въ Елатей прекрасныя пастбища и хорошіе сѣнокосные дуга. Озера ея, какъ и самый Иркутъ—изобилуютъ рыбой: тайменями, харіузами, окунями, щукой, налимами и пр.; но несмотря на изобиліе, рыба въ обиходѣ шимковцевъ такая же рѣдкость, какъ и трезвый день въ его жизни. На всю деревню водится одинъ только неводъ у казака Тер. Кот—кова, да и тотъ, въ послѣднее время, перешелъ подъ спасительный покровъ мѣстнаго духовенства. Рыбный промыселъ,—очень выгодный при обиліи рыбы—не занятіе шимковцевъ! нужно бродить «маяться», не лучше ли, соображаетъ шимкинецъ, осѣдлатъ коня, да и «махни драга» по улусамъ архидачить (бур. сл. пьянствовать). Проводя такъ жизнь шимкинцы сплошь бѣднота. Во всей деревнѣ только три семьи и живутъ зажиточно,

но представители этих семей «заядые» кулаки мѣрѣды. Я думаю, что и безъ упоминанія понятно, что въ Шимкахъ такого учрежденія, какъ школа, нѣтъ.

ГЛАВА III.

ОТЪ ШИМКОВЪ ДО ТУРАНСКАГО КАРАУЛА.

Туранъ.

Утромъ 26 Мая, мы, обвѣсивъ нанятыхъ до Мондъ лошадей, выѣхали изъ Шимковъ. Церковью и домомъ миссіонера ованчиваются постройки деревни къ западу. Дорога идетъ тележная ровная, слѣва окаймляютъ ее пахати шимковцевъ, а справа близъ дороги, крутой обрывъ, заросшій ельникомъ, кустами тальника и березы. Видно, что это, въ болѣе или менѣе отдаленную эпоху, былъ берегъ р. Иркуты, отошедшаго теперь на югъ къ подошвѣ Тункивскихъ альпъ. Сейчасъ же за деревней, примыкая къ постройкамъ, расположены «поповскія пашни»; пашни эти, усердіемъ «доброхотныхъ дателей» — прихотливъ, обнесены хорошей огородью. За поповскими пашнями, перерѣзывая дорогу съ сѣвера на югъ, тянется общественная поскотина. Поскотина отдѣляетъ пахати и покосы шимковцевъ. Скотскій же выгонъ примыкаетъ къ бурятскимъ дачамъ, что на восточномъ концѣ деревни. За воротами поскотины — на разстояніи версты отъ нее, дорогу пересѣкаетъ, съ сѣвера, сухое русло р. Тайтурки — рѣка эта такъ и извѣстна подъ именемъ «сухой Тайтурки». Русло ея наполняется водой только въ дождливое время года. Черезъ версту опять другая, а еще черезъ двѣ — третья *Тайтурка*. Три эти Тайтурки берутъ начало съ южнаго склона Саянскаго хребта и справа впадаютъ въ Иркутъ. Рѣки эти очень небольшія; устланное мелкимъ щебнемъ русло ихъ идетъ ровомъ и оба берега укутаны роскошною зеленью кустовъ тальника и черемхи. Цвѣтъ воды буро-желтый; рыбы нѣтъ, по верхнему теченію Тайтурокъ устроены водяныя мельницы, а у дороги, черезъ двѣ послѣднія, перекинуты мостики. Долина трехъ этихъ тайтурокъ сплошь распахана и лѣсъ, почти до самой подошвы Саяна, расчищенъ —

земля чистый суглинокъ, безъ удобренія дающій хорошей сборъ съ посѣвовъ. Проѣхавъ нѣсколько болѣе версты отъ послѣдней Тайтурки, и поднявшись на буторокъ, взору путника открывается видъ на роскошную равнину «*Тамхи баряше*». Ширина Тамхи-баряше версты двѣ, а длина болѣе трехъ. Равнина эта, окаймленная кругомъ лѣсомъ — точно въѣскомъ, роскошна еще тѣмъ, что вся площадь ея культивирована и на ней каждый годъ сѣются яровые и озимые хлѣба. Названіе «Тамхи-баряше» въ переводѣ съ монгольскаго, значитъ «курить табакъ» — происхожденіе этого названія равнины имѣетъ смыслъ. Кто только ни выѣзжаетъ изъ Шимковъ — русскій ли съ торгомъ въ Монголію, буряты ли съ хлѣбомъ, — непременно остановится на концѣ равнины, даетъ «передышку» конямъ, посидитъ подъ тѣнью кустовъ березы и черемхи и покурить трубку. Тутъ же осматриваетъ — хорошо-ли положенъ вьюкъ на коня, — не покосился ли, не нужно ли измѣнить, поправить что нибудь, вообще, какъ говорятъ здѣсь, въ Тамхи-баряше — «на очистку налаживаются въ дорогу». Тутъ же и финалъ всякихъ проводивъ — послѣдній пунктъ безшабашнаго пьянства, которое подъ кустами Тамхи-баряше — длится иногда сутокъ по двое. Буряты здѣсь также приносятъ — не бахусу, а духамъ жертву, прося у нихъ милости — быть снисходительными къ нимъ въ дорогѣ. Для чего, какъ жертву, къ вѣтвямъ молодыхъ березокъ привязываютъ лентообразные кусочки миткаля — это отъ своего имени, а отъ имени лошадей волосы, вырванные изъ ихъ гривы и хвоста. Вместе съ этимъ обязательно, хоть въ пузырьѣ, привозятъ водку чтобы побрызгать ею въ честь духовъ. Велѣдствіи этого обряда, березки у западнаго конца Тамхи-баряше — точно празднично убранныя елки все унижены разноцвѣтными жертвенными ленточками, хадаками*) и конскимъ волосомъ. Праздничнаго своего вида кусты эти не теряютъ и зимой, постоянно подновляясь все новыми и новыми жертвами усердныхъ въ дѣлахъ жертвъ — буряты.

Отъ Тамхи-баряше небольшой спускъ и дорога идетъ громадной ложбиной, бывшей когда то ложемъ

*) Священный платъ.

Иркута. Ложбина эта называется «Яма». «Яма» заросла березникомъ, ельникомъ, сосной, лиственницею и ближе къ Иркуту — кустарниками. Отсюда собственно и начинается царство сплошного лѣса и оканчивается ровная долина р. Иркут. Дальше пойдутъ уже горы. Въ прогалинахъ лѣса, довольно широкихъ, лѣтомъ растетъ хорошая, сочная трава, но я не помню, чтобы ктонибудь, когданибудь ее скшивалъ. Отъ «Яма» дорога идетъ мѣстностию, называемую *Бальдеруны*. Бальдеруны — по монгольски, значить холмики. Дѣйствительно мѣстность эта — по самой дорогѣ, справа и слева отъ нея, волнообразна, холмиста. Часть холмиковъ расчищена, подъ пахати, остальные же покрыты березнякомъ и молодой сосной. Лѣтомъ Бальдеруны очень привлекательное мѣстечко. Холмики нестрѣютъ самой разнообразной флорой. Глядя на нихъ такъ и кажется, будто они покрыты хитро разбузвереннымъ ковромъ. Вообще это самое красивое мѣстечко между Тураномъ и Шимками.

Миновавъ Бальдеруны, дорога спускается въ узкую ложбину *Андріанкинъ горхонъ*, въ центрѣ прорѣзанную небольшимъ, тихо журчащимъ ручейкомъ, но каменному ложу несущимъ свои малыя воды въ Иркутъ, вливаясь въ него справа. Ручей и мѣстность названы Андріановскимъ горхономъ вотъ по какому, не безынтересному случаю. Спусти не много лѣтъ тому назадъ, осенью, какой то торгошъ гналъ изъ Монголіи стадо овецъ — между прочимъ одно изъ осеннихъ занятій шимковцевъ — это воровство скота у скотороновъ. Такъ вотъ — никто Андріанка (Андріанъ) вздумалъ позакомиться баранной и для этого придумалъ такую воровски хитрую штуку. Получивъ заранѣе свѣдѣніи, что въ известное время должна будетъ проходить масса овецъ, онъ, вмѣстѣ съ товарищемъ, залѣзъ подъ перекинутый чрезъ горхонъ (ручей) мостъ и терпѣливо ожидалъ прогона стада. Дождался. Овцы, непомѣтившия себѣ зараза на узенькомъ мосту, разбрелись въ стороны и часть ихъ, минуя мостикъ, бросилась переходить чрезъ ручей. Сидящій подъ мостомъ Андріанка, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ воспользовались этимъ моментомъ, начали хватать овецъ; схвативъ, скручивали имъ шею и, задушен-

ныхъ, складывали подъ мостомъ; «механику» эту они продѣлывали въ продолженіи всего перехода овецъ чрезъ горхонъ и, такимъ способомъ, какъ говорить преданіе, успѣли изловить до десятка овецъ. Крикъ предсмертной агоніи Андріанкиныхъ жертвъ заглушался бленіемъ громаднаго стада и не доносился до ушей, ничего не подозревавшаго овчара. Впоследствии хитрый промыселъ Андріанки былъ узнавъ и шимковцы, въ честь подвига своего товарища, увѣковѣчили его имя, назвавъ ручей «Андріанкинъ горхонъ» *).

Андріанкинымъ горхономъ оканчиваются пахати и покосы шимковцевъ. Дальше уже идетъ сплошной густой лѣсъ, мѣстность становится гористой съ каменнымъ грунтомъ, неудобнымъ ни для пахати, ни для покосовъ.

Верстахъ въ четырехъ отъ Андріанкина горхона дорогу пересѣкаетъ быстро бѣшенно ревущая горная рѣка «*Зангясанъ*». Рѣка эта служитъ межовой гранью между владѣніями шимковскихъ казаковъ и туранскихъ — инородческихъ же дачъ на всемъ протяженіи между Шимками и Тураномъ и тѣ. Спускъ въ долину рѣки крутой и узкій грунтъ его глинистый, не твердый. Дождевые ручьи размываютъ дорогу и, послѣ ненастья, дѣлаютъ ее не проѣзжей для экипажей. За переѣздомъ, узкаго крупнымъ булыжникомъ ложа *Зангясана*, начинается незначительный подъемъ на гору, на верховьяхъ которой расположены пашни туранскихъ казаковъ. Площади пашень не широка, бугриста и окружена сплошнымъ строевымъ лѣсомъ — лиственницею и сосной. Дорогу окаймляетъ масса кустовъ черемухи, въ низкихъ же мѣстахъ растетъ черная (ухыри шодынъ) и красная смородина. Миновавъ пашни, идетъ спускъ подъ гору, а затѣмъ вновь переѣздъ бродомъ чрезъ такой же ужасно быстрый, ревушій, второй *Зангясан*. Оба *Зангясана* берутъ начало изъ самыхъ отдаленныхъ верховьевъ Саянскаго хребта, въ вершинахъ своихъ сходятся съ верховьями знаковой уже намъ р. Ули лѣваго притока р. Селенги и по направленію къ Иркуту текутъ параллельно. Разстояніе между ними небагѣе пяти верстъ. Въ

*) Горхонъ съ монгольскаго значить ручей.

своемъ теченіи Зангясаны чрезвычайно быстры, такъ что во время прибыли стремительная сила паденія воды порочаетъ громадные камни; въ прибыль водъ, по Зангясанамъ, по мѣстному выраженію, «стукотокъ идетъ». Зангясаны—это гроза путниковъ. Въ дождливое лѣто только и разговоровъ, что объ нихъ.

Руслу Зангясановъ и ихъ забережья усѣяны крупнымъ булыжникомъ — почему и ѣзда по нимъ затруднительна даже верхомъ, а въ экипажахъ просто мучительна.

Вверхъ по Зангясанамъ есть прямая дорога въ Монголію. Она ведетъ къ верховьямъ р. Ури. Если мы вспомнимъ, что и по р. Хорбиятамъ дорога выходитъ на устье же Ури, то намъ будетъ понятно, что верховья Хорбиятъ и Зангясановъ сходятся, затѣмъ уже, въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи, Хорбияты уходятъ на юго-востокъ, а Зангясаны на юго-западъ и при устьѣ ихъ, площадь, разъединяющая эти рѣки, равняется тридцати сличкомъ верстамъ причемъ ее изрѣзываютъ четыре рѣчки, тоже вышедшія изъ Саянскаго хребта—именно: а) Кирень; б) три Тайгурки и небольшой ручеекъ «Андіришкинъ горхонъ». Переваль черезъ Саянскій хребетъ вверхъ по Зангясанамъ не крутъ, не грязенъ и былъ бы удобнымъ, если-бы берега рѣки не сопровождали груды каменныхъ россыпей. Переваль этотъ и не длиненъ: отъ устья Зангясановъ можно свободно доѣхать въ одинъ сутки до первыхъ монгольскихъ кочевьевъ, разбросанныхъ по верховьямъ р. Ури. Близъ истока Зангясановъ есть замѣчательно хорошій сѣрный горячій минеральный источникъ *Аршіянъ* по монгольски. Во время посѣщенія моего этого источника въ Іюнь мѣсяцѣ 1880 года, температура источника была $40^{\circ}+$ по R. Для пользованія этимъ аршіяномъ съѣзжается много монголовъ и бурятъ. Въ Іюнь и Іюль мѣсяцѣ каждый годъ ихъ собирается заразъ до сорока палатокъ. Ванны принимаются самымъ примитивнымъ способомъ. Просто на просто—по теченію источника вырываютъ ямы, выжидаютъ, покада наполнившая ихъ вода не устоится, а затѣмъ, нестѣсняясь никого и ничего, раздѣвшись до нага, ложатся въ нихъ. А кто по богаче—обкладываетъ бока вмѣ деревяннымъ срубомъ; надъ

поверхностію ямы устраииваетъ русанъ т. е. конусообразный шалашикъ, который, во время приема ванны, чтобы защититься, не отъ любопытныхъ глазъ, а отъ сквознаго вѣтра, снаружи обиваютъ собственнымъ своимъ *дегилломъ* т. е. верхнимъ халатомъ. Лечатся отъ ревматизма, желудочныхъ катарровъ, сифилиса и всякихъ кожныхъ болѣзней. Лечебный сезонъ продолжается съ мая по сентябрь. Во время приема ваннъ монголы не пьютъ ничего спиртнаго, не ѣдятъ рыбы, а до отвалу жрутъ мясо,—для чего и пригоняютъ съ собой скотъ и овецъ. Описываемый нами источникъ называется *Имыхэ аршіянъ*. Не вдалекѣ отъ Имыхэ-аршіяна, немного выше истока зангясановъ, изъ подъ скалы бьетъ другой аршіянъ *Гужирай арзанъ*. Источникъ этотъ очень холодный, по моему измѣренію температура его была ниже нуля по R. Холодную эту воду—монголы пьютъ отъ желудочныхъ болѣй и промываютъ ею больные глаза.

По предположенію монголовъ, минеральныя воды есть особый даръ божій, цѣлительный нектаръ, нѣчто вроде евангельской сілоамовой купели. Какъ воды сілоамской купели дѣлались цѣлительными послѣ «возмущенія» ихъ ангеломъ—хранителемъ водъ; точно также и аршіянъ охраняетъ особый духъ и поддерживаетъ въ немъ цѣлительную силу. Исходя изъ такого взгляда на аршіянъ, номады—принимая ли ванны, проходя ли случайно мимо аршіяна, считаютъ религіозною своею обязанностию принести что нибудь въ жертву духу хранителю цѣлебной силы водъ. Близъ источниковъ минеральныхъ водъ, въ честь духа хранителя, строятъ обоны (кучи). Въ нихъ обонь обращенной на югъ—ставятъ бурхановъ, мани *). Въ самый источникъ, какъ жертву, бросаютъ свинцовыя пули, спускаютъ мелкія монеты серебряныя и мѣдныя, драгоценныя камни, однимъ словомъ, частицы всего, что монголы считаютъ драгоценнымъ. Кусты же тальника и карликовой березы, окружающіе аршіянъ буквально съ верху до низу увѣшаны разноцвѣтнымъ тряпьемъ, хадаками и конскимъ волосомъ, который они приносятъ въ жертву отъ имени лошадей. Къ стати, монголы,

*) Дождики съ вырѣзанными на нихъ молитвами *ал-ма-ни-бай-ме-гомъ*.

пользуясь самими целебными свойствами минеральных вод, пригоняют к источникам для излечения и больной скотъ, поятъ его и обливаютъ аршиномъ, чѣмъ и излѣчиваютъ отъ разныхъ паршей, кожныхъ болѣзней и всякихъ есадинъ. Я знаю случаи, что больная сапомъ лошадь, пивши воду, въ продолженіи недѣли совершенно излѣчилась отъ этой болѣзни. Скотъ и лошади сначала съ трудомъ привыкаютъ пить аршинъ, но потомъ пристращаются къ нему.

По Зангясанамъ, текущимъ вдоль глухой тайги, водятся въ изобиліи медвѣди, изюбри, лоси, дикія козы, олени, косули, изрѣдка рыси, соболи и росомахи; годами бываетъ и бѣлка массами; также множество дикихъ кабановъ. Тайга состоитъ преимущественно изъ лиственницъ, тополей и ельника, сосны же мало. Собственно же берега Зангясановъ заросли громаднымъ по росту тальникомъ, кустами черемухи въ низовьяхъ и массой черной смородины и кислицы. Зангясанскій лѣсъ почему то считается сравнительно болѣе крѣпкимъ и годнымъ для построекъ, чѣмъ растущій въ другихъ мѣстахъ. Точно также и тополи достигаютъ такой толщины — какъ нигдѣ въ близлежащихъ мѣстахъ. Толстыя бревна тополей идутъ на подѣлку кадюшекъ, ночовокъ, сѣльницъ и всякой другой деревянной посуды. Устье Зангясановъ недалеко отъ дороги — не болѣе какъ въ двухъ верстахъ. Мы уже упоминали, что переѣздъ черезъ обѣ эти рѣки, въ особенности въ экипажѣ, очень затруднителенъ, а зачастую и невозможенъ. Берега какъ и самыя русла покрыты громаднымъ булыжникомъ и глыбами поздреватаго камня*). При переѣздѣ черезъ Зангясаны зачастую бываютъ случаи, что стремительный потокъ ихъ сноситъ телѣгу, сбиваетъ коней и путники съ опасностію жизни выходить на берегъ. Поэтому проѣзжіе бываютъ осторожны и при малѣйшей прибыли воды не рискуютъ переѣзжать черезъ рѣку — живутъ по два, по три дня въ ожиданіи, покуда вода не войдетъ въ свою норму. Благодаря такой осторожности — несчастныхъ случаевъ не бываетъ, а бываютъ только «приключенія», т. е. конь, сдѣлавъ невѣрный шагъ, споткнется, и испукаетъ сѣдока, телѣгу снесетъ и пр....

*) И разбивая глыбы поздреватаго камня и находя въ нихъ окаменѣлости.

Говоря о Зангясанахъ, вспоминаются мнѣ картины перевоза черезъ нихъ громоздкихъ начальническихъ экипажей. Толпа бурятъ... безтолковый ихъ крикъ... суета... покрикиванье изъ экипажа... шумъ воды... Но вотъ буряты наладились, привязали длинныя волосяныя арканы къ дрогамъ экипажа, сѣли на лошадей верховыхъ и, гикая что есть мочи, тащатъ, вмѣстѣ съ впряженными лошадьми, экипажъ. Все это дѣлается въ такой суматохѣ и толкотнѣ, что если бы сразу, безъ подготовки, взглянуть на эту картину, то едва ли возможно было бы понять, о чемъ это такъ крикливо суетится народъ, столпившись въ руслѣ рѣки!...

Мѣстное бурятское преданіе говоритъ, что Зангясаны названы этимъ именемъ вотъ по какому случаю. У береговъ оз. Кубегула, жилъ былъ одинъ богатый старикъ монголь, со своей красавицей женой, на которую всѣ, встрѣчающіеся съ нею, заглядывались. Изъ ревности и опасенія, чтобы ктонибудь не похитилъ красавицу — жену, старикъ мужъ держалъ ее въ ежевыхъ рукавицахъ, слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, не давалъ ей свободы, не пускалъ къ роднымъ и сильно (берхе) жестоко обращался съ нею, придираясь ко всякому пустынному случаю, чтобы побить ее. Невыносимо жестокое обращеніе «не милаго, мужа стараго» заставило красавицу задуматься надъ принскиваніемъ способа — какъ бы избавиться отъ напрасныхъ жестокихъ обидъ. Другаго средства, кромѣ побѣга, не было. Рѣшившись бѣжать, она намѣтила лучшаго коня и исподволь, незаметно для «немилаго» снарядилась къ побѣгу, выжидая только случая привести его въ исполненіе. Удобный случай не замедлил представиться. Однажды извергъ мужъ уѣхалъ осматривать свои многочисленныя табуны, разбѣившіеся по широкому полю и горнымъ уваламъ — и нельзя было предположить, что онъ скоро воротится. Въ это время красавица жена осѣдлала давно приготовленнаго коня, заторочила въ сѣдло*) лучшую часть своего имущества и помчалась внизъ по р. Иркуту. Дорогу Иркутомъ бѣглянка выбрала потому, что

*) Заторочить — значитъ привязать съ заду сѣдла чтонибудь, для чего по обѣ стороны задней луки и имѣются ремешки, которыя называются «торока».

она идетъ лѣсной чащей, а значитъ велучаѣ погони есть надежда укрыться. Нужно замѣтить, что красавица была въ послѣднемъ періодѣ беременности. Возвратившійся съ осмотра табуновъ мужъ, сразу замѣтилъ исчезновеніе жены, почему-то смекнулъ, что она убѣжала къ Иркуту, не медля снарядить погоню и со своими барлуками*) въ яростномъ гнѣвѣ (берхе урлажи байна) поскакали въ догоню за женой. Красавица выѣхала изъ дому утромъ — и конь у нея былъ быстрый (хурдан морѣ). мужъ же только вечеромъ погнался за нею, за то кони его были быстры «какъ вѣтеръ» (хальтин адали), такъ что не смотря на значительную разницу во времени выѣзда, мужъ началъ догонять бѣглянку.... Вдали ей уже слышался гулъ погони. Что дѣлать?... Она сильно изнурилась, проголодалась (исе, улдо) къ тому же и беременность мучительно заявляла свои права. Изнуренная до изнеможенія — несчастная женщина, переѣхавъ, и то съ трудомъ, быструю, пѣнящуюся рѣку, не могла дальше двигаться — и что будь — то будь (тима — има больджи байна), еле живая, слѣзла съ коня и остановилась на берегу рѣки, рѣшившись нищей подкрѣпить свои силы. Только что успѣла она развести огонь, налить водой ямбу (китайскій желѣзный котелокъ) и поставить ее на огонь, какъ уже близко, вотъ — вотъ раздались яростные крики настигшей ее погони. Какъ быть? Думала было она бросить ямбу и мчаться дальше, но силы оставили красавицу, попробовала подняться съ мѣста и не могла, а погоня вотъ-вотъ нагрянетъ! Очувившись въ такомъ безвыходно-критическомъ положеніи, что называется ни взадъ, ни впередъ, бѣглянка сильно испугалась и родила. Не успѣла красавица, застигнутая бѣдой, опомниться отъ случившагося съ нею, какъ гнѣвный (уртай) мужъ былъ уже у берега рѣки. И только что съ проклятіями и угрозой хотѣлъ онъ броситься въ русло рѣки, чтобы, переплывъ, схватить безпомощную женщину, обмершую отъ страха, какъ въ этотъ мигъ новорожденное дитя махнуло рученкой, и вода въ рѣкѣ моментально на столько прибывла, и такъ сердито зашумѣла, что не было никакой физической

возможности перебрѣсти чрезъ нее, и мужъ жертвы, въ безсильной злобѣ, изрыгая проклятія, долженъ былъ отказаться отъ возможности схватить свою жену. Мать замѣтила мановеніе ручки дитяти, поняла, что это какъ бы по его повелѣнію прибывла вода и не допустила злаго мужа схватить ее беззащитную. Въ порывѣ чувства благодарности за чудесное спасеніе она прильнула къ дитяти и тутъ только замѣтила, что рожденное ею дитя — мальчикъ. «Ты будешь Зангя!» воскликнула она. Истинно вѣря въ могущество своего сына, она спокойно, не тревожась угрозами и проклятіями яростнаго мужа, жила у берега рѣки, медленно оправляясь отъ послѣродовой болѣзни. Дѣйствительно — сколько времени мужъ ее ни жилъ у берега рѣки, онъ не могъ дождаться убыли бушующей воды, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможности перебраться на тотъ берегъ рѣки. Истощивъ же свои запасы и мучимый голодомъ, онъ долженъ былъ, отказавшись отъ всякой мысли о возможности схватить красавицу бѣглянку жену, — уѣхать домой. Мать же съ дитей, куда болѣла, не терпѣла голода. Сорока приносила имъ пищу: куски мяса и корешки мыхыра*). Оправившись совершенно отъ болѣзни, мать съ сыномъ принесли жертву «Лу» (духу воды) и отправились дальше. Гдѣ они поселились жить, легенда не говоритъ. Съ тѣхъ поръ рѣка эта, спасающая женщину, и названа ею «Зангя-усу» вода занги: Усу — вода и Зангя — извѣстный монгольскій титулъ чиновника. Отсюда *Зангясун-сан*. Въ такую то поэтическую форму облечено названіе этой единственной въ Тункѣ по быстринѣ рѣки.

Противъ устья Зангясановъ (русскіе произносятъ «Зангисанъ») принявшій ихъ Иркутъ прибитъ къ самой подошвѣ Тункинскихъ альпъ, и лѣвый берегъ его скалистъ. На этомъ берегу Иркутъ, отъ Шимковъ и до устья Зангясана, по склонамъ альпъ много солончакowychъ мѣстъ, до которыхъ такъ недалеко изюбрь, лось, косули и дикія козы. Нализавшись солонцевъ, звѣри спускаются къ Иркуту на водоной. Шимковскіе казаки и буриты воспользовались этимъ и нарыли близъ солонечныхъ мѣстъ ямъ,

*) Барлукъ — въ переводѣ значитъ работникъ — отсюда наше «барлакъ».

*) Такъ называется растеніе названное Паллсомъ. *Polygonum viviparum*.

какъ что зѣбри, идучи на озонцы или водоной, иногда попадають въ нихъ и дѣлаются добычей промышленниковъ.

Отъ Зангясановъ, въ которыхъ, благодаря быстрѣ, не водится рыба, дорога тянется подъемомъ на Дабанъ. Дабанъ этотъ—отрогъ Саянскаго хребта, не высокъ, пологъ, и подъемъ на него тянется на протяженіи двухъ верстъ. Точно такой же по характеру и равстоянію и спускъ съ Дабана, велѣдъ въ которомъ открывается не широкая, безлѣсная площадь, занятая покосами туранскихъ казаковъ, почему и обнесена поскотиной.

По сию сторону дороги берегъ Иркута высокъ и обрывистъ, теченіе рѣки «ушираетъ» въ него, подмываетъ, и Иркутъ, изъ года въ годъ, все ближе и ближе подходит къ подошвѣ Саяна, оставляя раамытую равнину лѣваго берега. Такъ какъ отклоненіе Иркута къ сѣверу поступательное, то и понятно, что лѣвый его берегъ,—какъ смытая площадь, далеко ниже праваго. И какъ низкое и сырое мѣсто—сплошь заросъ ельникомъ.

Миновавъ покосы туранцевъ, дорога отходить отъ берега р. Иркута на с.-западъ и раздвоится. На юго-западъ, держась праваго берега Иркута—пролегають дорога въ Турано-Нилову пустынь—гдѣ есть сѣрныя горячія минеральныя воды; а на сѣверо-западъ—въ Туранскій караулъ, куда мы, предъ закатомъ солнца, и прѣехали.

27 мая. *Туранскій караулъ.* Отъ Турана до с. Шимковъ считается 27 верстъ. Прежде чѣмъ сказать что нибудь о Туранѣ, воротимся нѣсколько назадъ и укажемъ на подмѣченную нами характеристическую особенность лѣсныхъ растений. Начиная отъ Шимковъ и до самыхъ Зангясановъ, не смотря на то, что мѣсто открытое, широкое, привольное, съ не особенно высокими горами,—лѣсъ какъ то корявъ, не высокъ и мало годъ для построекъ, сравнительно съ лѣсомъ площади Зангясановъ—гдѣ онъ рослъ, высокъ, толстъ и вполнѣ «годной». Даже такая самая по величинѣ лѣсна, срубленная только у береговъ Зангясановъ, цѣнится дороже, но вовсе не потому, что тутъ берется въ расчетъ стоимость перевозки, а единственно въ силу доброты, крѣпости, вообще пригодности дерева для постройки. Затѣмъ—

чѣмъ дальше отъ Зангясановъ къ Турану, тѣмъ лѣсъ значительно рослѣе, прямѣе и толще. Отъ Турана же до границы и дальше, лѣсъ опять ухудшается. Хотя онъ и продолжаетъ быть густымъ, но деревья мельчаютъ и менѣе годны для хорошихъ большихъ построекъ; для рубки онѣ мягки и, высыхая, даютъ сквозныя трещины. Стволъ растетъ конусообразно; отрубъ очень толстъ, но, отступя немного, суживается, такъ что изъ самаго рослаго лучшаго дерева на постройку идетъ только, максимумъ, три сажени и то, въ верхнемъ отрубѣ, также бревно теряетъ треть толщины сравнительно съ корневою частью. Благодаря каменистой почвѣ корни деревьевъ стелятся по поверхности земли, не проникая въ глубь ея, почему стволы и не имѣють крѣпкаго устоя, не выдерживаютъ напора бури и валятся вмѣстѣ съ корнями, такъ что въ лѣсу всегда масса валежнику, затрудняющаго ѣзду тайгой. Нѣрѣдко увидѣть громадное пространство, сплошь заваленное вывороченными бурей стволами деревьевъ—это особенно замѣчается по западнымъ склонамъ горъ. Во время лѣсныхъ пожаровъ (паль, туймуръ м.) высохшій валежникъ увеличиваетъ силу пала. Еще особенность. Стволъ дерева у корня чашеобразенъ и на разстояніи полуаршина отъ земли, сразу, какъ мы уже замѣтили, суживается. Это явленіе, по моему мнѣнію, обуславливается слѣдующими причинами: 1) оттого что корни, задержанные глыбами камня, не проникають въ глубь земли, а стелятся на поверхности ея: горизонтально «растягиваютъ» стволъ; 2) подъ стволъ попадають большіе булыжники, которые, такъ сказать, распирають лѣсину у корня. Конечно, нечего упоминать о томъ, что чѣмъ выше по склону горъ подымается растительность, тѣмъ она дѣлается все меньше и корявѣе, покуда не переходитъ, въ едва отросшую отъ земли, карликовую березу;—но стоитъ упомянуть о томъ, что лѣсъ, стоящій на лѣвомъ берегу Иркута, предпочтается растущему на правомъ берегу. Мѣстные жители считаютъ его болѣе крѣпкимъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что во время нашего прѣзда лиственъ и не думала еще распускаться, береза начала только развертывать почку, а у черемхи и тальника, послѣдняя только начала разбухать. Вообще расти-

тельное царство здесь позже пробуждается от зимней спячки, чем близъ Тунки.

Обратимся теперь къ Турану.

Туранскій караулъ до начала настоящаго столѣтiя былъ пограничнымъ—и до закрытiя его—въ немъ не было осѣлости: казаки, отправившие пограничную службу, жили въ казармахъ. Остатки этихъ казармъ въ видѣ гнилыхъ, разрушившихся зданiй, остались и теперь и находятся выше, къ западу теперешняго жилья казаковъ. Въ двадцатыхъ годахъ забайкальскiе казаки *Тюменцевъ* и *Пежемскiй*, назначенные для отбытiя поставой службы на границѣ Монголии, пришли въ Туранскiй караулъ со своими семьями, поселились домами на возвышенномъ берегу р. *Халаууна* (горячая вода) и тѣмъ положили начало существующему теперь поселку. Близъ казармъ же пришланы эти не обосѣдлись потому, что тамъ болотистое мѣсто, мало удобное для жилья. Потомки этихъ двухъ семей и составляютъ теперь населенiе Туранскаго караула—въ числѣ десяти дворовъ и до 50 душъ обою пола. Жилища казаковъ, по внѣшнему своему виду, дѣйствительно не привлекательны и плохе экземпляры для «знакомства съ русскимъ бытомъ»; но плачевнымъ, ободрааннымъ внѣшнимъ своимъ видомъ они только обманутъ путника, если этотъ послѣднiй, на основанiи бѣдности внѣшнiаго вида избушекъ, съ заклеенными бумагой окнами, сдѣластъ выводъ о «бѣдности» и самихъ жителей поселка и ихъ пассивномъ подчиненiи своему «будто бы», плохому экономическому положенiю. Напротивъ туранцы далеко не бѣдный народъ и «для знакомства съ русскимъ бытомъ», гораздо «лучше экземпляры», чемъ жители Тунки, а въ особенности Шимковъ. Маленькая казачья община туранцевъ тѣсно между собой сплочена, трудолюбива и изъ году въ годъ улучшаетъ свой экономическiй бытъ. Послѣ 1881 года, времени проѣзда Г. Н. Потанина, она почти все заново обстроилась и выгладитъ довольно чистенькимъ хуторкомъ. Положимъ, что жители мало занимаются земледѣлiемъ, но не потому чтобы они были лѣнивы, а потому что въ ихъ распоряженiи малоудобныхъ земель—равнины нѣтъ—все горные крутые, каменистые скаты. Это развѣ; а во вторыхъ и значительная высота мѣст-

ности Туранскаго караула—именно по вычисленiю кн. Крапоткина—2,502 ф. абсолютной высоты—мало способствуетъ развитiю земледѣлiя. Весходы, зачастую, мерзнуть, а раннiе инеи не даютъ хорошо вызрѣвать хлѣбу. Такъ что трудолюбивые туранцы, оставивъ свои пахати, кортомятъ земли у шимковскихъ казаковъ, къ которымъ, къ слову сказать, они и причислены. Главная же доходная статья туранцевъ—это извозъ. Они, ведя свое хозяйство въ порядкѣ, имѣютъ достаточно, даже въ излишкѣ, лошадей и берутъ подряды по доставкѣ купеческихъ товаровъ въ Монголию и въ частности въ Дархаты. Не мало средствъ добываютъ также звѣроловствомъ, рыбнымъ промысломъ, сбытомъ продуктовъ: молока, сыру, яицъ, куръ и пр. Эти послѣднiе они доставляютъ въ изобилiи въ Турано-Нилову пустыню, куда во время лѣтняго сезона стекается, для пользованiя минеральными водами до 50 человекъ. Все это, вмѣстѣ взятое, приноситъ не малый доходъ, годъ отъ году улучшающiй хозяйство. Къ тому же туранцы зарабатываютъ не мало и осенью, во время прогона алтайцами скота. Для скотогоновъ они готовятъ сухари, поступаютъ къ нимъ въ работники въ качествѣ караульныхъ скота съ платою отъ 25 до 30 руб. въ мѣсяцъ, продаютъ сѣно и содержатъ для хозяевъ-скотогоновъ квартиры. Такъ что туранцы, если и небогаты, то живутъ, по мѣстному выраженiю, «ровненько» безбѣдно и не терпятъ ни въ чемъ нужды, сплотивъ и рядомъ посѣщающую шимковцевъ. Но экономическое ихъ благосостоянiе обуславливается главнымъ образомъ—отсутствiемъ кабаковъ и лавочекъ. Нѣтъ этихъ заманчивыхъ, и туранцу некуда тащить свой грошъ, который никогда не бываетъ лишнимъ въ обиходѣ сельскаго обывателя, такъ сказать завалавшимся. Ему нѣтъ ни случая, ни возможности пропить женить сарафанъ и прочее—«что по домашности». Отбывая же одну только калачью службу, туранецъ, какъ и вообще казакъ, не несетъ никакихъ другихъ повинностей, исключая одной чистки дороги между Шимками и Ниловою пустынею. Но повинность эта легка, такъ какъ она относится всегдѣ наличнымъ составомъ казачьяго народонаселенiя, такъ что каждому

въ отдѣльности, на эту «чиетку» приходится затрачивать не болѣе сутокъ въ теченіе года.

Сравнительно съ жителями Шимковъ—туранцы народъ честный, трудолюбивый, не развратникъ и не пьяница.

Казаки живутъ въ самой тѣсной связи съ бурятами и по нравамъ своимъ и суевѣріямъ ближе подходятъ къномадамъ. Такъ—дома, между собою, туранцы всегда говорятъ по бурятски, вѣрятъ въ теңгріевъ, почитаютъ бурхановъ и ихъ представителей—ламъ и къ послѣднимъ часто обращаются для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей; обращаются также и къ шаманамъ—въ случаяхъ желанія узнать свою судьбу или же розыскать потерю; лечатся же исключительно у ламъ и тибетскими лекарствомъ. Складъ ума и міровоззрѣніе у туранца чисто бурятское; въ религіозныхъ его представленіяхъ больше буддйскаго, чѣмъ христіанскаго, христіанинъ онъ только по имени, и исполняетъ одни лишь необходимые обряды своей религіи. Нравственность поступковъ онъ оцѣниваетъ буддйскимъ кодексомъ. Такъ что въ общемъ туранецъ плохой представитель «русскаго». Будучи же въ душѣ, по всемъ своимъ духовнымъ отправленіямъ буддистомъ, онъ разнится отъ бурята только домашней, чисто русской своей обстановкой,—живетъ въ домѣ и несравненно чище, чѣмъ бурята и не дошолъ еще до того, чтобы жениться на буряткахъ. Хотя самъ по высшему обряду «братсковать», какъ говорятъ о туранцѣ тунгчане; бурятскій типъ преобладаетъ особенно между женщинами.

Туранскій казачій поселокъ разбросалъ свои домишки по обѣ стороны дороги, значительно поднимающейся къ западу, такъ что всѣ постройки стоятъ подъ горой, какъ бы на косогорѣ. Весь выселокъ окруженъ лѣсомъ, расчищена только западная окраина деревни, гдѣ и расположены пашни туранцевъ—съ сѣверо-запада выселокъ омываетъ правый притокъ р. Иркуты, р. Хала-угунъ. Рѣка эта—по ширинѣ русла и обилію водъ равняется р. Иркуту и верховьями своими касается монгольской границы. Приблизившись къ Турану, р. Хала-угунъ разбивается на три русла, которыя только лишь близъ мѣста впаденія соединяются вмѣстѣ и уже однимъ

русломъ вливаются въ р. Иркутъ. Русло рѣки усѣяно мелкой галькой, и уровень воды доходитъ мѣстами до сажени. Въ общемъ же Хала-угунъ удобенъ для бродовъ. Рыба въ немъ водится въ изобиліи, преимущественно хариузы, сипи, щука, окуни, таймени, линки и налимы. Теченіе тише чѣмъ Иркуты и площадь его вся, безъ прогалинъ, покрыта лѣсомъ, ельникомъ по преимуществу; растетъ и сосна, но только до средняго его теченія, въ верховьяхъ же исключительно лиственны. Не будетъ, думается, лишнимъ, если мы, прежде чѣмъ продолжитъ описаніе дальнѣйшаго пути, обратимъ вниманіе и на окрестности Туранскаго караула, тѣмъ болѣе, что тутъ оканчивается послѣднее, по густотѣ, населеніе подвластное Россіи. Дальше уже нѣтъ русскаго населенія, нѣтъ также и бурятскихъ поселеній, а есть юрты, стоящія въ одиночку и разбросанныя другъ отъ друга на болѣе или менѣе значительное разстояніе; и такъ, что въ иныхъ мѣстахъ даже трудно опредѣлить, есть ли жилье.

Туранскій караулъ съ запада, юга и юго-востока окруженъ лѣтними кочевьями бурятъ Хойтогольскаго улуса, — численность которыхъ доходитъ до 300 душъ обоого пола. Ближайшія къ Турану кочевья, съ запада—примыкаютъ къ самой деревнѣ. Кочевья эти называются *Урдогалъ* (передняя рѣка). Они занимаютъ ровную, мало лѣсистую площадь, примыкающую къ правому берегу р. Хала-угуна. Затѣмъ по ту сторону Хала-угуна,—между имъ и р. Иркутомъ, расположены кочевья, извѣстныя подъ названіемъ *Деде-бори* и *Додо-бори* (верхніе и нижніе пригорки). Мѣстность эта болотиста и малоудобна для жилья, такъ что ни въ какомъ случаѣ нельзя предположить, чтобы тутъ могла образоваться осѣдлость. Лѣвый берегъ р. Иркуты занятъ улусомъ *Бори*, — улусъ этотъ небольшой; въ немъ не болѣе десяти юртъ; — мѣстность также болотиста, къ югу отъ Бори протекаетъ р. Ехе-угунъ, лѣвый притокъ р. Иркуты. Въ пятнадцати верстахъ отъ Турана, къ юго-западу, р. Ехе-угунъ (большая вода) протекаетъ довольно широкой равниной называемой «*Хойтоголъ*» — на этой то равнинѣ, и сосредоточены всѣ зимнія кочевья бурятъ, живущихъ лѣтомъ вокругъ Турана. Буряты, хойтогольцы—мало занимаютъ

земледѣлемъ; главнѣйшій источникъ ихъ доходовъ, это звѣроловство и скотоводство; русскаго они досихъ поръ еще ничего не восприняли: живутъ въ юртахъ, хлѣбъ же хотя «по малости» и сѣютъ, но не учились еще его печь, а просто въ видѣ муки или же толченаго зерна (курша) употребляютъ въ сухомъ видѣ съ чаемъ. Въ общемъ народъ очень бѣдный; среди ихъ есть одинъ только зажиточный бурятъ—Хамаганъ Кунхаевъ.

Остается сказать о дорогахъ, какія идутъ изъ Турана въ другія мѣста.

Ученый путешественникъ, Г. Н. Потанинъ, упоминая о существующей въ Тункинскомъ вѣдомствѣ продажѣ дѣтей, говоритъ: «замѣчательно, что тункинцы везутъ предназначенныхъ продажѣ дѣтей чрезъ Иркутскъ, гдѣ сосредоточена главная администрація края.—*другой дороги изъ Тунки въ Аларское вѣдомство нѣтъ*»). Последнее замѣчаніе далеко невѣрно. Тункинскіе буряты никогда не ѣздятъ чрезъ Иркутскъ въ Аларское инородческое вѣдомство, расположенное по обѣ стороны Московскаго тракта, между с. Черемхово и Листвянкой. А вотъ ихъ дороги, мало извѣстныя географамъ. 1) *Изъ Торской стени*: переваливаютъ чрезъ Тункинскія альпы въ мѣстности называемой Красный яръ, а затѣмъ, внизъ по р. Китою, лѣвому притоку р. Анггары, выходятъ на Московскій трактъ. Дорога эта удобна, переваль чрезъ гольцы незначительный и путь далеко короче, чѣмъ чрезъ Иркутскъ.

2) Буряты, кочующіе по Хандагаю, Хорбятамъ, близъ Шимковъ и Турана—выѣзжаютъ на р. *Ехе-угунь*. Послѣ двадцати верстъ прохода Ехе-угуномъ, сворачиваютъ на югъ и поднимаются вверхъ

*.) Поѣздка въ Дархаты. „Рус. Богатство“ ст. 122. Фактъ продажи замѣчательнъ, по этому ми, не имѣя возможности говорить о немъ теперь, позволяемъ себѣ сдѣлать выписку того, что сказалъ объ этой продажѣ Г. Н. П. Какъ свидѣтельство болѣе бѣдности, ишетъ изслѣдователь, тункинцевъ, можно привести рассказъ о существованіи продажи дѣтей въ Тункинскомъ вѣдомствѣ. Эта продажа дѣтей ведется постоянно, иногда сами родители везутъ свое дитя въ Аларское вѣдомство, иногда поручаютъ это дѣло другому, являются барышники изъ буряты же, которые берутся свезти ребенка изъ Тунки въ Аларское вѣдомство и сбить тамъ. Въ то время, какъ я былъ въ Аларскомъ вѣдомствѣ, мнѣ рассказывали о недавно совершенной сдѣлкѣ: тункинская дѣвочка лѣтъ семи была куплена однимъ аларцемъ за 115 р. сер. „Рус. Бог.“ поѣздка въ Дархаты ст. 122.

по лѣвому притоку р. Ехе-ухуна—р. *Хонхолою* (звоняцій); потомъ дѣлаютъ небольшой перепаль и спускаются—либо по рѣкѣ *Китою*—либо по р. *Бълой* и выходятъ въ Аларское вѣдомство.

3) Всѣ буряты, кочующіе на западной окраинѣ Тункинскаго вѣдомства, выходятъ въ Аларъ по р. *Бълой* и внизъ по р. *Окъ* лѣвому притоку р. Анггары. Съ приисковъ же Алибера, что въ мѣстности *Бутоголъ* среди кочевьевъ Соеть, была устроена, сохранившаяся и доселѣ, прекрасная дорога съ мостиками и гатями; дорога эта выходитъ въ село Голуметь близъ московскаго тракта—это любимая дорога буряты, живущихъ въ Норин-хоройскомъ караулѣ.

4) Кромѣ этихъ дорогъ—изъ Тункинскаго вѣдомства, чрезъ Окнинскій караулъ—есть прямое сообщеніе съ г. *Нижнеудинскомъ* и *Бирюсинскими* золотыми приисками. Дорога эта гораздо короче, чѣмъ Московскимъ трактомъ. Буряты считаютъ, что этой дороги отъ Иркутска до Нижнеудинска около 400 верстъ, но ни какъ не болѣе.

ГЛАВА IV.

ОТЪ ТУРАНА ДО МОНДИНСКАГО ПОГРАНИЧНАГО КАРАУЛА.

Утромъ 27 Мая пошелъ сильный снѣгъ, затѣмъ дождь, снѣгъ, опять дождь и т. д. Погода была наимерзѣйшая, холодъ и слякоть, такъ что мы рѣшились лучше передневать, чѣмъ безъ толку мокнуть. Къ полночи буря разогнала облака и мы, въ надеждѣ безпрепятственнаго на завтра выѣзда, предались въ объятія благодѣтеля Морфея.

Утро 28 Мая дѣйствительно было ясное; за то слякоть невообразимая, но что дѣлать? лучше по грязи шлепаться, чѣмъ безцѣльно отляживать бока, и мы, распростившись съ привѣтливыми туранцами, обовьючили лошадей и отправились дальше.

Изъ Турана въ Монды есть двѣ дороги: 1) на юго-западъ,—бродомъ чрезъ р. Хала-угунъ и р. Иркутъ, выходя уже съ Деде-бори, затѣмъ лѣвымъ берегомъ р. Иркуты до урочища Нур-Хутуль, отъ котораго прямо на западъ въ Монды.

2) *Тужами*; (лѣсомъ) вдоль праваго берега р. Хала-угуна и выходъ также въ урочище Нур-Хутуль. Эта дорога хотя и грязновата, за то прямѣе первой.

3) Есть еще одинъ путь: чрезъ Нилову пустынь, Хойтоголъ — къ Нур-Хутулу. Этотъ путь самый дальний, но преимущество его то, что одинъ только бродъ чрезъ р. Иркутъ, тогда какъ по первой дорогѣ два брода чрезъ Хала-угунъ и два же чрезъ р. Иркутъ; а по второму два перехода чрезъ рѣки. Мы избрали среднй путь, именно по р. *Хала-угуну* прямо на западъ.

Отъ Туранскаго караула мы поѣхали сначала лѣтними стойбищами *Урдоюльскихъ* бурятъ; юрты были пусты, такъ какъ буряты, благодаря холодной веснѣ, не выкочевывали еще съ зимниковъ. Минувавъ стойбища, мы спустились къ руслу р. *Туранъ*.

Верховья р. Туранъ сходятся верховьями р. Зангясановъ — теченіе р. Турана не большое, по каменистому ложу, маловодное, и впадаетъ эта рѣка не въ Иркутъ, а, правымъ притокомъ, въ р. Хала-угунъ. По Турану есть прямая дорога въ кочевья монголовъ, живущихъ по р. Ури. Дорога эта очень близка; по ней доѣзжаютъ до монголовъ въ одни сутки. Но одно ея неудобство — это то, что она сильно каменистая, почему ей и предпочитаютъ болѣе дальнюю — именно чрезъ Мондинскій караулъ*). Рѣка Туранъ пересѣкаетъ мондинскую дорогу. Переводомъ чрезъ нее дорога тянется мимо старыхъ, разрушенныхъ временемъ, казачьихъ казармъ. Близъ этихъ казармъ стоитъ ветхая, заброшенная часовня, вокругъ которой кладбище русскихъ. Кстати замѣтимъ, что буряты и до сихъ поръ не смотря на всѣ настоянія какъ духовнаго, такъ и гражданскаго начальства, не имѣютъ кладбищъ, а зарывають тѣла умершихъ въ отдѣльныхъ отъ жилья уголкахъ лѣса, кому гдѣ вздумается. Намъ бы казалось, что не слѣдовало бы насиловать этого вполне гигиеническаго обычая бурятъ.

*) Г. Н. Потанинъ ошибочно считаетъ Мондинскую дорогу самою прямою въ Монголію — мы уже знали, что въ Монголію идутъ двѣ прямыя дороги: а) Хорьбиты, б) Зангясаны, а теперь оказывается, что и по Турану ближе въ Монголію, чѣмъ чрезъ Мовды.

За казармами и кладбищемъ дорога идетъ лѣсомъ — ровная и мѣстами болотистая. Лѣсъ преимущественно состоитъ изъ березняка, лиственни и ели; изрѣдка есть сосна и осина, а кой гдѣ попадаются и кусты черемхи, тальника, смородины и багульника. Верстахъ въ шести отъ казармъ нужно переѣхать чрезъ р. Хала-угунъ, а затѣмъ вскорѣ и чрезъ Иркутъ. Пройденная дорога, какъ было уже замѣчено, называется *тужинской* т. е. таежной. По лѣвому берегу Иркуты верховая тропинка тянется версты три параллельно съ самимъ Иркутомъ, близъ него. Этотъ берегъ рѣки заросъ исключительно сосной и грунтъ его песчаный. По рѣкѣ есть островки, на которыхъ растетъ, рѣдкая въ другихъ мѣстахъ Иркутской губерніи, облеиха, — русскіе и буряты собираютъ массу ягодъ облеихи и сбываютъ ее частью въ Тункѣ, а частью въ Иркутскѣ на водочные заводы. Дорогой по берегу Иркуты то и дѣло приходится перебродить чрезъ ручейки — сухіе и песчаные въ сухую погоду и наполненные водой въ дождливое время; но въ общемъ дорога все таки удобна и нескучна — тишина лѣса, а при ней неизбежная монотонность ѣзды, нарушается шумомъ р. Иркуты, не теряющей изъ вида. Послѣ пятиверстнаго перехода отъ берега р. Иркуты — подъемъ на крутой дабанъ «*Комарыкъ*». Комарыкъ не высокъ, но, почти отвѣсная крутизна его, затрудняетъ подъемъ со выюками, въ особенности осенью, когда обледенѣвается земля. Въ эту пору съ Камарыка скотогоны спускаютъ свой скотъ на веревкахъ; но и то скотъ не сходить съ горы, а падая, скатывается, при чемъ случается, что ломаетъ себѣ ребра, ноги, бываетъ же, что и убивается.

Послѣ подъема на Комарыкъ, дорога тянется все въ гору и въ гору между лиственничнымъ и березовымъ лѣсомъ; такъ версты три. Затѣмъ, спускъ въ Нур-Хутуль. Спускъ въ Нур-Хутуль сначала идетъ между пашень хойтогольскихъ бурятъ, а потомъ тонкимъ кочковатымъ болотомъ. Среди этого-то болота ученый путешественникъ и «выдѣлывалъ гимнастику» «прыгая по кочкамъ». Дѣйствительно равнина Нур-Хутула вся покрыта болотомъ, исключая нѣсколькихъ буторковъ, на которыхъ и торчатъ шесть юрточекъ бурятскихъ, нуж-

ныхъ хозяевамъ весной во время распашки пашень и осенью при уборкѣ хлѣба и сѣна. Зимой же въ этихъ юртахъ живутъ барлуки (рабочіе) и караулятъ скоть, стоящій тутъ на кормежкѣ. Только лишь восточная сторона Нур-Хутула суха, съ отличнымъ суглинкомъ, ее то буряты расчистили отъ лѣса и распахиваютъ подъ пашни. Лѣтъ шесть тому назадъ—выгодами Нур-хутульской равнины пользовался одинъ только Хойтогольскій бурятъ богачъ Хамаганъ Купхоевъ и захватилъ себѣ лучшую часть ея. Хорошій урожай хлѣба, какой давали всегда пашати Купхоева сманилъ и другихъ бурятъ взяться за расчистку лѣса; и вотъ теперь, изъ года въ годъ, все больше и больше буряты прилагаютъ труда и культивируютъ дикую первобытную мѣстность; уничтожаютъ вѣковой лѣсъ, замѣняя его плодородными полями. Сѣютъ преимущественно рожь, пшеницу и ячмень.

Мѣстность Нур-Хутульская окружена тайгой и въ ней водится масса всякаго звѣря, который зачастую пользуется трудами рукъ человека, и любить лакомиться сжатымъ хлѣбомъ. Кабаны, лоси, козы уничтожаютъ иногда цѣлыя скирды. Чтобы лишить «звѣря» возможности раззорять скирды, буряты складываютъ хлѣбъ на высокихъ подставкахъ, для чего врываютъ въ землю в рядѣ нѣсколько столбовъ, около сажени возвышающихся надъ поверхностью земли; оконечности столбовъ устилаютъ толстыми плахами. Постройки эти прочны, и, въ данномъ случаѣ, незамѣнимы. Нужно замѣтить, что Нур-хутульской равниной оканчивается земледѣльческая лннiя; дальше идутъ все горы и горы, а съ ними каменистая почва; эта значительная возвышенность, вмѣстѣ съ другими причинами, земледѣліе дѣлаетъ невозможнымъ,—кругомъ наступаетъ царство мховъ и корявыхъ деревьевъ.

Западный конецъ Нур-хутульской площади покрытъ цѣлою системой маленькихъ и большихъ озеръ. Эти то озера и дали, кажется, названіе мѣстности: *Нуръ* съ бурятскаго, значитъ озеро, а *Хутулз* (хутулъ м.) *переходъ, перевалъ*; отсюда: *Нур-Хутулз*—*переходъ черезъ озера*. Съ Нур-Хутула идетъ прямая дорога на югъ въ кочевья Хойтогола, а на юго-западъ, переваломъ черезъ гольцы, въ кочевья Со-

емъ; прямо же на западъ къ Мондинскому караулу и въ Монголію. Кроме того, какъ помнитъ читатель, въ Нур-Хутулзъ сходятся всѣ три дороги, идущія изъ Туранскаго караула въ Монды.

За Нур-Хутуломъ дальше къ Мондѣ, дорога еще съ версту продолжаетъ идти болотомъ и едва возможна для ѣзды: кони визнутъ по колѣно. Черезъ одно изъ самыхъ топкихъ болотъ, по распоряженію земской власти была когда-то сдѣлана гать въ видѣ поперегъ насланныхъ, расколотыхъ по поламъ бревенъ. Но бревна эти—частію погрузили въ болото, частію въ безпорядкѣ нагромодились другъ на друга, такъ что по гати нѣтъ никакой возможности ѣхать, если не опасаться—или искалчить коня, или же самому попасть подъ бревно и завязнуть въ болотѣ. Лучшей «фортификаціонной мѣры, какъ эти гати, для затрудненія возможности ѣзды» и придумать нельзя. Ѣздить по этимъ мостикамъ никто не рѣшается—и предпочитаютъ «выдѣлывать гимнастику по кочкамъ», невозможную по бревнамъ болота. Мясники, прогоняя свой скоть черезъ Нурхутульскую трясиину сплошь и рядомъ, вытаскиваютъ веревками быковъ, завязшихъ въ няшѣ. Мучаются каждый годъ, затрачиваютъ много времени, зачастую и средствъ, проклиная себя и болото, но не додумаются до необходимости исправить гать и тѣмъ избавить себя и скоть отъ мученій. Мы проѣхали это болото безъ особыхъ затрудненій; сильные холода, какіе были въ продолженіи весны, и стояли и теперь, не способствовали оттаиванію болотной грязи и кони наши, не погружаясь, прошли болото.

Миновавъ Нур-Хутулзъ и его грязи, дорога выходитъ на берегъ р. Иркута, который имѣетъ для путниковъ такое же значеніе, какъ и равнина «*Тамхи-бараше*». Тутъ каждый ѣдущій, выбравшись изъ болотъ, считаетъ какъ бы своею обязанностию остановиться и дать роздыхъ конямъ. Берегъ ровный, сухой, нѣсколько песчаный, заросъ толстыми стволами сосны—есть гдѣ укрыться—и отъ непогоды, и отъ лѣтняго зноя, къ тому же площадь берега—последнее ровное мѣсто, а дальше то и дѣло, что переѣздъ съ одной горы на другую; нужно значить, и себѣ и конямъ дать возможность

запаслись силами—и эта мѣстность путниками обращена какъ бы въ промежуточную станцію. Кто бы ни ѣхалъ въ Монголію, непременно, минуя Нур-Хутуль, остановится на берегу Иркута, сварить себѣ чаекъ и покормить лошадей, а если это буряты, то тутъ же принесетъ жертву горнымъ духамъ, привѣсивъ къ вѣточкѣ дерева какой нибудь лоскутокъ, такъ что все кусты, растущіе въ окружности, увѣшаны разноцвѣтнымъ тряпьемъ.

Отъ берега р. Иркута сейчасъ же начинается подъемъ на гору, и тропинка висится надъ отвѣснымъ береговымъ обрывомъ. Неболѣе какъ чрезъ версту тропинка оставляетъ берегъ Иркута, отклоняется на юго-западъ и уходитъ въ царство безпорядочно толпящихся горъ. Въ сухое время проходъ горами удобенъ, но въ ненастье большія грязи затрудняютъ ѣзду—кони, увязая въ размокшей глинѣ, сильно изнуряются и еле волокутъ ноги.

Въ семи верстахъ отъ Нур-Хутула, между горъ,—есть широкій болотистый распадокъ—«Борто», въ которомъ зимой живетъ три бурятскихъ семейства. Грязная дорога истомила лошадей, да и насъ порядкомъ умила, такъ что мы, не смотря на то, что еще не было поздно, всего 3 часа по полудни, рѣшились остановиться на ночлегъ.

Мѣстность «Бортой» представляетъ изъ себя сплошное болото, окруженное съ трехъ сторонъ горами; сѣверная же часть открыта и примыкаетъ къ берегу р. Иркута. Болото это, съ юга-запада на сѣверо-востокъ, прорѣзываетъ горный ручей; въ центрѣ же, между кочками, возвышается пригорокъ съ неширокой площадкой, на которой и стоятъ три юрты. Пригорокъ въ переводѣ на бурятскій языкъ значитъ *борто* — этимъ именемъ и названа какъ мѣстность, такъ равно и ручей, впавшій справа въ Иркутъ. Живущія здѣсь три семейства—самая отчаянная бѣднота. Каждое изъ нихъ имѣетъ не болѣе двухъ коней, двухъ коровъ и съ полъ десятка овецъ и больше никакихъ средствъ къ жизни нѣтъ. Существуютъ почти однимъ чаемъ—лѣтомъ съ приправой молока, а зимой и этого нѣтъ. Мясомъ же лакомятся, въ тѣ лишь, рѣдко счастливые дни, когда удастся убить звѣря: козу, оленя, изюбря, рѣдко—лося и медвѣдя. Быютъ такъ же много рябчиковъ,

но эта роскошь стола гастронома не понадаетъ въ котель бурята. Рябчиковъ обмѣниваютъ въ Тункѣ на чай и соль, при чемъ стоимость пары опредѣляется въ 15 коп. Между прочимъ въ Борто живетъ одна старуха—лѣтъ ей уже около семидесяти; при ней внучекъ, пятнадцатилѣтній мальчикъ. Какъ они существуютъ—трудно понять. У нихъ не всегда есть даже чай, — его въ нуждѣ замѣняетъ наваръ листовничной коры, съ примѣсю раствора гуджира. Старуха и мальчикъ ходятъ чуть ли не нагишомъ. Помню я разъ, года два тому назадъ, проѣзжая въ Мондинскій караулъ, остановился не въ далека отъ юрты этой старухи. Завидѣвъ палатку, она пришла ко мнѣ. Я попотчивалъ ее чаемъ съ сухарями. Вскорѣ послѣ прихода старухи, посиѣлъ и котелокъ съ мясомъ. Сядясь обѣдать, я пригласилъ и бурятку; далъ ей кусокъ мяса, но голодная номадка не стала сама ѣсть его а схвативъ, буквально, умчалась въ свою юрту, чтобы отдать полученный отъ меня кусокъ своему внуку; оказалось, что вотъ ужъ больше недѣли, какъ она со своимъ внукомъ питаются однимъ лишь листовничнымъ наваромъ, приправленнымъ микроскопическими дозами муки!

Какъ образецъ наглости и безстыдства въ обращеніи съ бѣдными номадами, я позволю себѣ рассказать случай, какой продѣлали тункинскіе казаки надъ упомянутой нами старухой. Случай этотъ между прочимъ интересенъ и тѣмъ, что въ известной степени служитъ характеристикой отношенія русскихъ къ бурятамъ.

Зимой, вечеромъ, три казака ѣхали изъ Мондинскаго караула и остановились на «ночеву» въ юртѣ старухи. Морозъ былъ сильный. Чтобы ночью не мерзнуть, казаки, предъ тѣмъ какъ лечь спать, наклали на очагъ много дровъ, улеглись. Лягла близъ очага и старуха. Нужно замѣтить, что буряты, зимой ли, лѣтомъ ли, все равно, спятъ совершенно нагими, покрываясь той одеждой, въ какой ходятъ днемъ. Разгорѣвшійся огонь разлилъ по холодной юртѣ благотворную теплоту, особенно пріятную во время зимней стужи, и старуха, почувствовавъ это благотворное вліяніе теплоты, сдернула съ себя набокъ свою дырявую, закорузлую шубенку, оголила

спину и поворотилась ею къ очату. Одинъ изъ казаковъ, увидѣвъ такую не «сполитичность» бурятки, всталъ; взялъ горящую головню и, съ возмутительнымъ спокойствіемъ, провелъ ею вдоль спины бѣдной старухи. Продѣлавши такую «штуку», какъ называлъ свой поступокъ казакъ, онъ, не обращая вниманія на дикій вой и испугъ бѣдной бурятки, преспокойно улегся и, какъ ни въ чемъ не бывало, подсмѣивался вмѣстѣ со своими товарищами надъ проклятiями и болѣзненными стонами старухи, мучившейся отъ боли обжога..... Казакъ впоследствии не только не стыдился своего поступка, напротивъ еще съ хвастовствомъ вездѣ разсказывалъ, какъ онъ ловко наказалъ тварь за «неуваженіе къ русскимъ».....

Урочище «Борьто» служитъ границей между землями туранскихъ (хойтогальскихъ) и мондинскихъ бурятъ.

Хотя май былъ уже и на исходѣ, но въ Борьто трава и не думала еще расти, такъ что лошади наши паслись на прошлогодней ветоши (хакъ б.). Береза едва начала развертывать почку, тальникъ же и осина еще и не думали; листвягъ былъ покрытъ цвѣтомъ, и едва покрывающоюся хвоей.

Пройденный нами сегодня день, въ общемъ, былъ хорошій; хоть по горизонту и носились тучи, но дня не омрачали, солнце ярко свѣтило весь день; и снѣгъ, выпавшій вчера, растаялъ. Но все таки вечеромъ, предъ началомъ заката солнца, до того было холодно, что мы принуждены были сидѣть въ шубахъ и грѣться у огонька.

29 Мая, отъ Борьто въ Монды. Ночь была чрезвычайно холодна, до того холодна, что, укрывшись одной шубой, нельзя было спать. Утро, какъ и ночь, тоже «морозное»; иней толстымъ, серебрянымъ покровомъ укуталъ вѣтви деревьевъ и ветошь (хакъ) и блестялъ тысячами брилльянтовыхъ искръ, отражая игру лучей пышно выходящаго свѣтила. День обѣщавъ быть хорошимъ. Утренній морозъ, какъ ни направлялъ свои силы въ борьбѣ съ животворными лучами солнца, долженъ былъ уступить, ступешаваться, и онъ, гонимый своимъ врагомъ—теплыми лучами солнца, сходилъ съ травы, съ вѣтокъ деревьевъ, заползалъ все выше и выше, на вер-

шины голицовъ, гдѣ вѣчные ледники служатъ ему надежнымъ приютомъ, толстую кору которыхъ—не прошибить сибирскому солнцу!.... Подождавъ, покуда солнышко согнало слѣды мороза и начало обогрѣвать, мы тронулись въ путь.

По сырой и болотистой мѣстности Борьто, дорога идетъ только до подъема на гору, отдѣляющую эту мѣстность отъ «Шулая»—что будетъ не болѣе одной версты. Подъемъ не крутъ и въ не дождливое время сухъ; теперь же былъ грязень. Послѣ подъема на Дабанъ—сейчасъ же спускъ прямо въ Шулай—такую же болотистую и не широкую горную впадину, какъ и Борьто. Въ впадинѣ этой живутъ въ отдѣльныхъ юртахъ два брата Ухаевы. Буриты эти сравнительно зажиточнѣе, чѣмъ кочевники Борьто. У одного изъ нихъ—Осташки Ухаева, выстроена русская изба точно игрушечка: маленькая, низенькая, бревна стѣнъ тщательно выструганы, внутри миниатюрная печь, лавочки, столики, вездѣ чисто... избушка обнесена новымъ дворикомъ... все это среди лѣсныхъ гигантовъ—листвяни, гдѣ избушка, наряднымъ своимъ видомъ такъ и кажется какимъ то чудомъ, повисшимъ въ дикую, суровую, грязную, непривѣтливую природу, загромодившую все вокругъ толпой неприступныхъ горъ... Но культура положила уже свое начало и, быть можетъ въ скоромъ времени, горы измѣнятъ свой неприступный видъ, дикая и первобытная природа смягчится подъ вліяніемъ силы и умѣнья культурнаго человѣка.....

Два семейства бурятъ живутъ въ Шулаѣ только зимой, на лѣто же выкочевываютъ въ Мондинскій караулъ.

Осташка Ухаевъ, по моему совѣту, пробовалъ сѣять на бугрѣ дворика картофель. Опытъ удался, и теперь вотъ уже третій годъ, какъ сѣется картофель, вполне замѣняя не прихотливымъ бурятамъ хлѣбъ.

Отъ Шулая мы поѣхали горнымъ, узкимъ распадкомъ, въ данное время до того грязнымъ и болотистымъ, что кони едва волочили ноги въ жиждѣ грязи. Къ тому же по дорогѣ вездѣ разбросаны острорубые камни; лошади, спотыкаясь объ нихъ, скользили по грязи, падали на переднія ноги, об-

даная насъ брызгами грязи; ѣхать было трудно. Дѣломъ, эта же самая дорога, совсѣмъ не то: грязь высыхаетъ, кони по твердому грунту свободно ла-вируютъ между ребрами камней и ѣхать нѣтъ ни-какого труда.

По дорогѣ встрѣтились намъ семь человѣкъ бурить, это два семейства, потерявъ весь скотъ, павшій отъ зимней безкормицы, перекочевывали изъ Окнискаго караула въ долину р. Иркута, въ надеждѣ заняться тамъ земледѣліемъ. Буряты на изуренныхъ коншикахъ тащились вмѣстѣ съ дѣтьми и скарбомъ... Послѣ двухчасоваго перехода гор-нымъ распадкомъ, по грязи, изурившей нашихъ лошадей, мы подъѣхали къ одной изъ подошвъ хребта *Хара-Дабанъ* (Черная гора). Хребетъ этотъ картографы почему то переименовали въ *Хамаръ-Дабанъ*, тогда какъ послѣдній тянется вовсе не вдоль Иркута или около него, а проходитъ близъ Байкала, поперекъ Амурскаго тракта, который, на-чиная отъ Муриной станицы, и пересѣкаетъ этотъ горный хребетъ; дорога же въ Мондинскій караулъ проходитъ чрезъ вершину *Хара-Дабана* — одного изъ вѣтвейшихъ отроговъ тункинскихъ альпъ, не имѣющаго никакой связи съ Хамаръ-Дабаномъ, какъ частію Саянскаго хребта. *Хара-Дабанъ* служи-тъ между прочимъ линіей границы сосны; съ середины подъема на *Дабанъ* сосна уже не растетъ, равно исчезаетъ и черемха. На *Хара-Дабанъ* нѣ-колько подъемовъ. Первый изъ нихъ только въ на-чалѣ крутъ, дальше же, какъ говорятъ сибиряки, «*шаникусъ*». Подъемъ этотъ, среди мѣстнаго на-селенія извѣстенъ подъ именемъ «*Воронина дабанъ*». Такое названіе получилъ онъ вотъ по какому не безынтересному случаю: дѣтъ тридцать тому на-задъ, каторжные, какъ говорятъ тункинскія дѣто-писи, бѣжавшіе изъ Кары, Нерчинскихъ и Петров-скаго заводовъ, добравшись до Култука, не шли на Иркутскъ, а сворачивали въ Торскую степь; изъ Тор-ской степи одинъ изъ нихъ, чрезъ *Красный пръ* (см. выше) и Кытой выходили на Московскій трактъ; дру-гіе подымались вверхъ по Иркуту, затѣмъ внизъ по Окѣ, либо въ деревню Зиму, что на московскомъ трактѣ, либо отворачивали отъ Оки и выходили на *Нижнеудинскъ*; третьи же чрезъ *Саянское*

отдомство выходили въ Монголію, потомъ верховья-ми р. Ури и Дархатами спускались или внизъ по р. Енисею или же, тоже чрезъ Шижки, Туранъ и Монду, оз. Кубегудомъ, верховьями Шижкита и такъ выходили въ Минусинскій округъ, а те, не доходя его, селились вдоль монгольской границы. Монголы не трогали бѣглецовъ. Такъ вотъ, дѣтъ 20 тому на-задъ, завѣдывавшій не упраздненнымъ еще тогда Мондинскимъ карауломъ, урядникъ Воронинъ од-нажды примѣтилъ шлюющихся въ дѣсу бродягъ и отрядилъ для поимки ихъ, находящихся подъ его командой, казаковъ. Казаки переловили беззащит-ныхъ бродягъ. Поиманныхъ нужно было отравить въ Тунку. Урядникъ Софронъ Воронинъ былъ силачъ и, конвоируя бродягъ, не захотѣлъ взять съ собою казаковъ, а, скрутивъ «варнакамъ» руки, пере-вязалъ ихъ между собою, сѣлъ на коня и погналъ ихъ въ Тунку, какъ стадо барановъ, «спонужая» сзади пагайкой. Такъ догнавъ онъ «варнаковъ» до послѣдняго спуска съ *Хара-Дабана*. Не доходя этого спуска, одному изъ бродягъ какъ то удалось раз-вязать себѣ руку. Освободившись самъ, онъ помогъ и товарищамъ сдѣлать тоже самое. Воронинъ этого не замѣтилъ и только что, опередивъ бродягъ, подѣ-ѣхалъ къ спуску, какъ эти послѣдніе напали на него, свали съ коня; привязали Воронина къ де-реву, взяли у него винтовку, лошадь съ сѣдломъ, провизію, однимъ словомъ отобрали у храбраго ка-зака все, что было у него, оставивъ ему только нижнее бѣлье и, наругавшись надъ Воронинымъ, ушли. Случилось это около обѣденной поры и только лишь вечеромъ, ѣхавшіе изъ Турана буриты, оты-зали Воронина. Казусъ этотъ увѣковѣчилъ имя хра-браго урядника, и буряты теперь и не зовутъ иначе спускъ этотъ, какъ «*Ворониной дабанъ*». Кстати за-мѣтимъ, что казакъ этотъ живъ еще и теперь. На Ворониной дабанѣ и дальше, не только что береза и другія деревья, даже лиственъ и не думалъ еще показывать хвои, и только лишь начали распус-каться цвѣточки, которые, какъ извѣстно, у листвен-ницы нарастаютъ раньше, чѣмъ хвои. Листвъ, едва едва былъ оживленъ тамъ и самъ, какъ бы не хоти, дѣлливо чирикающимъ дѣсными воробьемъ. Хотя утро было и привѣтливое, но къ полудню солнце

стыдливо выглядывало изъ за обрывковъ глинистыхъ грязныхъ облаковъ и вновь пряталось за нихъ.

Спускъ съ Воронина дабана крутъ; у подошвы его журчатъ горные ручьи съ неосвободившимися еще отъ ледяной коры берегами. Вода въ ручьяхъ чиста, безцвѣтна и очень пріятна на вкусъ. Незадолго предъ нашимъ проѣздомъ, у подошвы спуска, пронесся ураганъ, что видно по массѣ, въ безпорядкѣ набросаннаго, свѣжаго валежника, сучьямъ, исковерканнымъ стволамъ и вывороченнымъ съ корнями деревьямъ.

За Воронинымъ дабаномъ еще четыре болѣе или менѣе значительныхъ спуска и подъема по отрогамъ Хара-дабана, а пятый, самый высокій и крутой, идетъ черезъ главную цѣпь его. Равнинъ нигдѣ нѣтъ, встрѣчаются однѣ только лишь небольшія котловины самихъ причудливыхъ формъ и очертаній боковъ ихъ: одни изъ нихъ точно воронки, другіе четырехъугольны, трехъугольны съ отвѣсными стѣнами, и такъ далѣе. Котловины эти хотя и разнообразятъ мѣсто, зато, увеличивая число подъемовъ, затрудняютъ дорогу; къ тому же они служатъ стокомъ воды, болотисты, а у другихъ въ центрѣ дна есть и озера. На одной изъ вершинъ Хара-дабана стоитъ обо (куча), между прочимъ историческій. Одинъ миссіонеръ ежегъ обо. Случилось такъ, что послѣ этого онъ заболѣлъ и насилу могъ доѣхать до Монды. Болѣзнь усилилась и ретивый миссіонеръ долженъ былъ отказаться отъ продолженія дальнѣйшаго пути и воротиться домой. Между прочимъ, буряты узнали, что немочь постигла именно виновника уничтоженія обона и, какъ всегда бываетъ въ данныхъ случаяхъ, болѣзнь Хора ламы (такъ буряты и монголы называютъ русскихъ священниковъ) объяснили по своему, приписавъ ее мести тенгриевъ, оскорбленныхъ уничтоженіемъ обона. Остановившись на этомъ очевидномъ для нихъ фактѣ, доказывающемъ могущество тенгриевъ и безсиліе борьбы съ ними представителей православія, они еще болѣе увѣривали въ карающую силу своихъ духовъ; возстановили обонъ и начали съ особеннымъ почитаніемъ обращаться къ духамъ, живущимъ въ немъ. Такимъ образомъ, получились какъ разъ обратные результаты. Уничтожая обонъ, мис-

сіонеръ думалъ доказать, что всѣ эти кучи и вѣра въ присутствіе въ нихъ духовъ, равно и предполагаемая мечь за разрушеніе ихъ жилищъ—чепуха. Въмѣсто же этого случилось такъ, что буряты получили новое очевидное доказательство силы своихъ тенгриевъ и еще на одинъ шагъ отодвинулись отъ вѣры въ силу христіанства.

По правую сторону четвертаго спуска съ Хара-дабана, въ котловинѣ есть озеро, занявшее всю ее площадь. Съ высоты спуска видъ на это озеро прелестенъ. Представьте себѣ громадную круглую пропасть съ отвѣсными, скалистыми боками, точно щетиной, поросшими лѣсомъ, а дно этой пропасти будто устлано блестящимъ прозрачнымъ стекломъ. Съ этого стекляннаго дна, сконцентрированные, точно въ фокусѣ, лучи солнца поднимаютъ, въ видѣ кудреватыхъ тонкихъ облачковъ, испаренія, разстилающіяся нѣжнымъ флеромъ по склонамъ горъ... Такою картиной мы теперь любовались. Дорога, по переваламъ чрезъ вершины Хара-дабана, не особенно камениста; зато обнажившіеся толстые корни листвяга затрудняютъ ѣзду: ковы то и дѣло задираютъ за корни копытами и свотыкаются. На одномъ изъ послѣднихъ склоновъ Хара-дабана встрѣчается грязное и очень тонкое болото, образовавшееся изъ множества горныхъ ключей, вышедшихъ изъ разныхъ направлений. Картина болота чрезвычайно мрачна: кочки, безобразно торчащіе камни, захудалый, корявый листвягъ и кедровникъ, съ верху до низу покрытый висащими клочьями свѣтло-зеленаго мха, деревья покривились набокъ; тутъ же валяются сгнившія и гниющія колоды, торчатъ пни, грязь, слякоть... таковъ видъ болота. Черезъ болото была когда то настлана гать,—но она, «обратилась въ фортификаціонную мѣру» сгнила, покрыта иломъ и, увеличивая мрачность болота, рѣшительно не годится для ѣзды. Миновавъ это болото, дорога идетъ очень крутымъ и каменистымъ послѣднимъ спускомъ съ Хара-дабана. Всѣ пять переваловъ чрезъ Хара-дабанъ мы проѣхали въ теченіи двухъ съ половиною часовъ и спустились въ горную равнину *Шолу саншана*, перерѣзываемую горнымъ быстрымъ ручьемъ того же имени. Берега р. Шолу саншана еще не оттаяли и потому, переѣздъ чрезъ него сравнительно

быль удобенъ. Въ другое же время бродъ затрудняютъ глыбы булыжника, омывая который, ручей съ ревомъ катитъ свои воды въ Иркутъ. Перебравшись на ту сторону ручья, мы дали роздыхъ конямъ и для себя вскипятили котелокъ чаю.

Шолу сапшаа имѣетъ свою легенду. «*Хушии сакта*» т. е. въ прежнее время изъ Ури по р. Иркуту бѣжалъ отъ преслѣдованія богатырь. На его дорогѣ встрѣтилось препятствіе въ видѣ большой скалы; чрезъ эту скалу конь богатыря не могъ перескочить, объѣзжать же онъ было далеко, да и некогда, сзади уже слышался шумъ погони, настигающей богатыря. Тогда богатырь выхватилъ изъ *Хуи* (пожель) *Сальме* (саблю), взмахнулъ богатырской рукой, ударивъ поперегъ скалы, разрубилъ ее пополамъ и проскочилъ разщелиной. Съ тѣхъ поръ мѣсто это, какъ говоритъ легенда, и стала называться «*Шолу сапшаа*», что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ—*разрубленный камень*. Дѣйствительно, поперегъ русла рѣки Шолу сапшаа, близъ ея впаденія въ р. Иркутъ, стоитъ одиноко громадный камень, сажени въ двѣ вышиной; камень этотъ, по срединѣ, далъ трещину, довольно широкую, такъ какъ будто бы его разрубилъ кто нибудь пополамъ. Въ данномъ случаѣ сама природа, какъ бы такъ сказать, создала легенду.

На берегу р. Шолу сапшаа хотѣлось бы отдохнуть, но масса комаровъ и мошки, ни намъ, ни конямъ не давая покоя, заставила поторопиться отъѣздомъ, къ тому же и близость Мондинскаго караула манила поскорѣй тронуться въ путь и добраться до жилого мѣста.

Не вдалекѣ отъ Шолу сапшаа расположена падь (схинъ) называемая *Шабартей* (грязная), въ эту падь мы и въѣхали. По Шабартей разбросано нѣсколько зимнихъ юртъ бурятскихъ. Само названіе пади — *шабартей* т. е., въ переводѣ, грязная — опредѣляетъ характеръ мѣстности — тонкой и болотистой. Съ этой пади слышенъ шумъ р. Иркутъ, который мы, съ самаго Нур-Хутула, оставили въ лѣво и потеряли изъ виду. Вскорѣ открылся видъ и на самый Иркутъ, а также и на остроконечныя вершины покрытаго снѣгомъ величественнаго *Мунку-Сардыка*, пресловутаго и въ легендахъ и въ описа-

ніяхъ путешественниковъ, видѣвшихъ и не видѣвшихъ его причудливыя, грандіозныя очертанія. Послѣ вѣды тайгой, болотами, перевалами чрезъ гору, гдѣ нѣтъ простора глазу, утомленному скучнымъ однообразіемъ: куда ни взглянешь—взоръ упрется либо въ пень, либо въ колоду, либо въ глыбу камня, кочку, ободранный склонъ горы,—такъ кругомъ—и больше ничего. Но вотъ ровное мѣсто— глазу есть гдѣ разгуляться и взоръ, какъ бы вырвавшись на волю, долго не останавливается на одномъ, а какъ бы жадно перебѣгаетъ съ одного на другой, развлекаемый разнообразіемъ картинъ....

Въ центрѣ Шабартей есть небольшое озеро *Холбо-нуръ*. Миновавъ равнину, мы переѣхали чрезъ небольшой безымянный ручей, поднялись на гору *Дабани-Ама* (ротъ горы) и вскорѣ выѣхали на большую, ровную, чистую, безлѣсную площадь, когда-то прежде занятую казарменными постройками бывшихъ пограничныхъ казаковъ. Казармы эти теперь совершенно разрушены, стоятъ одни лишь покосившіеся остовы прежнихъ зданій и, своимъ гнилымъ ободранымъ видомъ, омрачаютъ фонъ чистенькой, нарядной равнины. Площадь эта довольно широка; однимъ своимъ концемъ она упирается въ горы, а другимъ составляетъ отвѣсный берегъ р. Иркутъ. На площади, вмѣсто упраздненной военной крѣпости, миссіонеры строятъ теперь духовную, и въ этомъ году начата уже постройка дома и церкви. Послѣ окончанія построекъ здѣсь будетъ постоянно жить миссіонеръ съ обязанностями «присмотрѣть», чтобы не въѣзжали изъ Монголіи ламы для сбора подаяній и доносить земскому начальству, если такіе случаи будутъ замѣчены, смѣчь или разобратъ какое нибудь шаманское обо (свищенную грудку камней)*) и т. д. Такъ что это уже не будетъ географическій знакъ распространенія миссіи, какимъ Г. Н. Потанинъ назвалъ часовню, стоящую близъ казармъ.

Спустившись съ площади къ р. Иркуту, мы должны были перебраться на лѣвый его берегъ, но близъ мѣста спуска мы не могли этого сдѣлать—Иркутъ былъ «на приблѣяхъ»: уровень воды зна-

*) „Русс. Богатство“ 1881 годъ. Поѣздка въ Дархаты, стр. 123 Г. Н. Потанина.

чительно поднялся, вода была мутна и пѣнилась, къ тому же русло рѣки каменисто, усыяно крупнымъ булыжникомъ; такъ что, ввиду всего этого, трудно было рѣшиться переѣзжать чрезъ р. Иркутъ, и мы поѣхали внизъ по берегу рѣки искать болѣе удобнаго брода. Такимъ оказалось русло рѣки близъ юрты бурята Самбу Гыргенова, гдѣ Иркутъ развѣтвился на два рукава, и дно его, хотя и каменисто, но устлано не остроребрими камнями, а мелкимъ щебнемъ. Заѣхавъ въ юрту, мы попросили Гыргенова проводить насъ. Обязательный бурякъ безъ всякихъ отговорокъ согласился исполнить нашу просьбу, такъ что мы, не смотря на то, что бродъ былъ глубокъ — вода хватала выше груди коня, благодаря проводнику, переѣхали благополучно. Зато подъемъ на гору праваго берега р. Иркуты не обошелся безъ приключенія. На гору, по которой намъ нужно было подыматься, никакой тропинки не было предложено, при томъ же гора была чуть ли не отвѣсна, такъ что сами лошади, безъ посторонней помощи, не могли взойти на нее. Одинъ изъ насъ велъ выючнаго коня подъ уздцы, а другой поддерживалъ его сзади. — такъ провели одну лошадь, а другая, тоже выючная, загнулась, упала и скатилась бы въ р. Иркутъ, если бы выюкъ, зацѣпившись за каменный выступъ, не удержалъ ее. Пришлось развьючить коня и выюкъ самимъ снести на гору. Послѣ такого труднаго карабканья на гору, мы, отдохнувъ немножко, начали спускаться въ долину р. Иркуты и у оз. *Сагань-Нуръ* остановились ночевать. Въ долину, на которой мы остановились, расположены лѣтники мондинцевъ, но въ нихъ, не смотря на конецъ весны, еще и не думалъ никто жить, юрты стояли пустыми. Причина тому та, что въ Мондѣ какъ и въ Тункѣ, всю весну стояли холода; трава не выросла и настолько, чтобы даже и овца могла досыта наѣсться; изнуренный скотъ, точно скелеты, понуро ходилъ по голой долине. У мондинцевъ, въ эту зиму, пропало отъ безкормицы много скота и остатки его, еще и теперь существовали чуть ли не одной надеждой на скорое появленіе травы, такъ какъ, срывая ту, которая выросла въ данное время на сырыхъ мѣстахъ,

тонкій скотъ могъ только лишь не умереть съ голода, и кое какъ поддерживать свое существованіе.

Все пройденное нами сегодня пространство равняется, приблизительно, тридцати пяти верстамъ, да плюсъ вчерашнихъ двадцать верстъ, то и будетъ, что отъ Турана до Монды пятьдесятъ пять верстъ*). Какъ видитъ читатель изъ нашего описанія—дорога изъ Турана въ Монду, далеко такъ неудобна, и тележной долго, долго еще не будетъ, развѣ сильно разовьется наша торговля съ Монголіей, тогда быть можетъ купцы и вздумаютъ проложить дорогу, но съ нею будетъ не меньше хлопотъ, чѣмъ въ свое время съ кяхтинскимъ трактомъ, и если проведеніе дороги попадетъ не въ надлежащія руки, то не одинъ десятокъ тысячъ безъ толку увязнетъ—въ разныхъ Нур-Хутульскихъ болотахъ, и фортификаціонныя преграды долго еще будутъ существовать. А пожелать улучшенія дороги нужно; край этотъ изъ году въ годъ все болѣе и болѣе начинаетъ приобрѣтать значеніе, какъ въ торговомъ, такъ и въ административномъ отношеніи.

ГЛАВА V.

МОНДИНСКІЙ КАРАУЛЬ.

(Мойгу тожь)

«Меномъ» называется часть долины р. Иркуты, на которой помѣщается не болѣе 70 бурятскихъ дворовъ; и выше и ниже этого мѣста долина Иркуты превращается въ узкое ущелье и неудобна для жилья; куда бы ни вздумалось выбраться изъ этой ямы, вездѣ нужно перелѣзть чрезъ высокія горы**). Такъ знаменитый нашъ путешественникъ Г. Н. Потанинъ опредѣляетъ топографическое положеніе Мондинскаго караула; при этомъ, касательно названія мѣстности, впадаетъ въ очень значительную ошибку совершенно не основательно называя карауль «меномъ»; точно также ошибочно и замѣчаніе его, что будто бы названіе «менъ» русскіе неправильно произ-

*) Г. Н. Потанинъ ошибочно считаетъ отъ Монды до Турана только около 40 верстъ. «Поѣздка въ Дархаты».

***) Поѣздка въ Дархаты Г. Н. Потанина «Русс. Богат.» стр. 118.

носить, сказавъ его въ «менды». Называя вездѣ досихъ поръ караулъ этотъ «Мондами, монды», мы точно придерживались русскаго произношенія названія этого караула. Сами же буряты, равно и монголы, названіе мѣстности караула называютъ не «монды», а тѣмъ болѣе «менды», а «мойгу» (т. е. черемуха), что, навѣрно, извѣстно и такому наблюдательному ученому, какъ Г. Н. Потанинъ; и мы положительнo утверждаемъ, что собственнаго имени «мен», относящагося къ этой мѣстности, ученый не слышалъ и не могъ слышать, такъ какъ его въ действительности не существуетъ.

Возстановимъ же действительное названіе караула. «Монды» — русское, какъ и Г. Н. Потанинъ «Менъ» — навѣрно, мы теперь и забудемъ про нихъ, а удержимъ подлинное мѣстное названіе «Мойгу». Недавно караулъ такое свое названіе получилъ отъ имени скалы, стоящей у самаго р. Иркутта, на лѣвомъ его берегу близъ казачьихъ казармъ; скала же эта носитъ названіе *Мойгу-байса* (байса — скала) и служитъ предметомъ священнаго почитанія у буритъ. Въ скалѣ этой есть мышиныя норы (хулганай нуху). Живущій здѣсь звѣрекъ этотъ, считается такъ же священнымъ, и буряты собираютъ его пометъ и употребляютъ какъ лекарство; кромѣ этого близъ подошвы скалы валяются конгломераты, ихъ буриты собираютъ и хранятъ какъ талисманъ.

Въ отдаленнѣйшую историческую эпоху, въ описываемой нами мѣстности — «Мойгу» жили, какъ говоритъ преданіе, китайцы. Насколько вѣрно это преданіе, мы не рѣшаемся судить. Одно только лишь несомнѣнно, что эта часть долины р. Иркутта до прихода монголовъ была заселена какимъ то народомъ, знакомымъ съ каменными постройками, который исчезнувъ, оставилъ послѣ себя остатки отъ этихъ построекъ въ видѣ громадныхъ кучъ камня съ хорошо сохранившимися признаками круглой ограды. Кучи эти расположены на равнинѣ праваго берега р. Иркутта и извѣстны среди бурятъ подъ именемъ «китайскихъ городищъ».

Болѣе же вѣрныя историческія свѣдѣнія, хотя тоже устные, но вполне согласныя съ письменными памятниками, говорятъ, что съ незапамятныхъ временъ и до прихода русскихъ, Мойгу, какъ

и вся долина рѣки Иркутта, была въ вѣдѣніи монголовъ, подвластныхъ *Сайн-ноён-дана*. Преданіе говоритъ, что въ Мойгу были расположены только зимніе кочевья части орды этого хана, кочевавшей лѣтомъ по сѣверо-западному берегу оз. Кубсгули, гдѣ теперь Хангинскій курень, и верхонимъ р. Ури, — лѣваго притока р. Иги. Есть и объясненіе, почему урочище Мойгу было избрано подъ зимніе кочевья — именно: топографическое положеніе мѣстности, представляющее всѣ выгоды для зимовки. Весь районъ нынѣшняго караула Мойгу, начиная отъ *Шиле-дабана* т. е. пограничной горы и внизъ по р. Иркутту — до отмѣченной уже нами равнины Шабартей, равно и по обѣимъ берегамъ р. Иркутта, не имѣетъ широкихъ равнинъ и загромождено отовсюду столпившимися отрогами Саянскаго хребта и Тункинскихъ альпъ. Сравнительно большія площади — это на лѣвомъ берегу Иркутта, мѣсто, занятое подъ казармы, имѣющее не болѣе полуверсты ширины, и на правомъ берегу долина близъ оз. Саган-нур, тоже не шире первой. Остальное же пространство караула Мойгу, — все горы и горы, разной величины и очертаній, — ущелья, отроги, тѣсины, котловины — даже широкихъ распадковъ нѣтъ, — однимъ словомъ Мойгу такое мѣсто, изъ котораго, по мѣткому замѣчанію Г. Н. Потанина, «куда бы не вздумалось выбраться, вездѣ нужно перелѣзть чрезъ высокія горы». Какъ ни гдѣ въ другомъ мѣстѣ тункинскаго края, здѣсь горы въ безпорядкѣ столпились и это потому, что Мойгу есть начало узла соединенія Саянскаго хребта съ Тункинскими альпами. Собственно побережья р. Иркутта не представляютъ изъ себя удобствъ для заселенія; вѣтеръ, вырывающійся изъ ущелій, вѣчно завываетъ въ распадкѣ, служащемъ берегомъ Иркутта. Тихой погоды почти никогда не бываетъ; напротивъ, особенно весной и осенью, бури постоянныя; эти же бури, зимой, до клочка и пылилки выдуваютъ снѣгъ, не оставляя и признаковъ его. Зато на ущельяхъ, въ котловинахъ, на горнымъ распадкамъ, надымъ — постоянное затишье; мѣста эти влзвнѣ изолированы отъ зимнихъ вьюговъ и буряновъ — и представляютъ изъ себя *дулан-юлар*, какъ говорятъ буриты, т. е. теплое мѣсто; къ тому же и лѣсъ надъ бокомъ. Эти

то удобства, защищенность горных распадковъ отъ зимнихъ бурь, и заставили номадовъ выкочевывать на зиму изъ береговъ р. Ури и оз. Кубсугула, и прятаться въ горныхъ норахъ караула Мойгу. Такихъ удобствъ, какъ норы Мойгу не представляетъ плоскогорье береговъ озера Кубсугула, возвышающееся надъ уровнемъ моря на 5,000 фут. *) Мѣсто плоскогорья совершенно открытое, свободное для ничѣмъ не задерживаемаго разгула зимнихъ вьюговъ; къ тому же оно заносится снѣгомъ, такъ что нѣтъ никакихъ удобствъ устраивать зимнія стоябища. Вотъ тѣ причины, въ силу которыхъ часть орды Сайн-ноен-хана предпочитала Мойгу для зимнихъ своихъ кочевьевъ. Здѣсь ущелья защищали отъ вѣтра, а раздуваемый въ прибрежьяхъ Иркуты снѣгъ, не закрывалъ подножнаго корма. Эти же причины заставляютъ теперь и буряты — не жить многолюдными улусами, а прятать свои юрточки какъ можно подалеже въ глубь ущелий, гдѣ тепло и уютно.

Послѣ занятія русскими всей долины р. Иркуты, урочище Мойгу осталось пустымъ. Номады, оставшіеся вѣрными подданству Сайн-ноен-хана, бросили свои зимнія кочевья, а тѣ изъ нихъ, которые перешли въ подданство Россіи, нашими управителями края, въ виду вѣроятно политическихъ соображеній, дабы не было перебѣжчиковъ, выселены были, по словамъ преданій, въ Торскую степь, гдѣ теперь стенная дума—центръ управленія тункинскими бурятами. Въ замѣнъ выгнанныхъ изъ своихъ кочевьевъ номадовъ, были присланы русскіе казаки, для жилища которыхъ и соорудили деревянныя казармы, что на лѣвомъ берегу р. Иркуты. Обязанность казаковъ была а) охранять границу отъ вторженія орды Сайн-ноен-хана и б) предупреждать случаи перебѣга номадовъ изъ нашихъ предѣловъ. Впослѣдствіи, когда пограничныя дѣла утихивались — урегулировались, — Буринскимъ трактатомъ, заключеннымъ Саввою Владиславичемъ Рагузинскимъ съ представителями отъ китайскаго императора, между которыми, какъ главный, былъ по преданію, Сайн-ноен-ханъ, была точно указана, опредѣлена и про-

ведена граница, равно и урегулированы отношенія между подданными обѣихъ государствъ, было дозволено и бурятамъ селиться вдоль границы, начиная съ Монды и дальше внизъ на юго-западъ. Въ то же время, послѣ этого трактата, русское правительство, основывая вдоль монгольской границы, въ разныхъ пунктахъ ея, караулы, обязанныя наблюдать за вѣрностію исполненія статей договора, рѣшилось укомплектовать малочисленный составъ русской пограничной стражи, привлеченіемъ къ отбыванію этой службы и буряты, давно принявшіе подданство Россіи и «*окрѣпавшіе на своихъ мѣстахъ*» таковыми оказались номады кочующіе въ нынѣшнемъ Иркутскомъ округѣ — въ Идинскомъ, Аларскомъ и Балаганскомъ вѣдомствахъ. Для этой цѣли, известное число буряты и было вызвано изъ поименованныхъ мѣстностей въ пограничныя караулы. Для русскихъ казаковъ, какъ мы уже сказали, были выстроены казармы, буряты же должны были жить въ юртахъ, вмѣстѣ казармъ. Назначенные на пограничную постовую службу, буряты выкочевывали изъ своихъ мѣстъ вмѣстѣ съ семействомъ и скотомъ и окончательно водворялись на новомъ мѣстѣ; только лишь рѣдкіе изъ нихъ, отбывъ сроки службы, шли назадъ въ свои мѣста. Такимъ образомъ, пришлыми изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ кочевьевъ и заселились пограничныя караулы и въ частности Мойгу. Главная обязанность, какъ русскихъ, такъ и буряты, поселившихся вдоль пограничной линіи, была та же самая, но кромѣ военнаго осмотра границы, вмѣнилось въ обязанность наблюденіе за провозомъ контрабанды, такъ какъ, въ силу трактата, ни монголы, ни русскіе не могли вести между собой ни какой торговли и переходить, для какихъ бы то ни было надобностей чрезъ черту границы.

Не безъ-интересно заглянуть въ прошлое и узнать, какъ охранители границы вели свое дѣло; сдѣлаемъ же это — насколько позволяетъ мѣсто и будемъ кратки, такъ какъ это вопросъ спеціальнаго изслѣдованія.

Для торговыхъ сношеній вся монгольская граница была безусловно «заперта», переходить чрезъ нее никто ни подъ какимъ предлогомъ не могъ. Эти строгія постановленія служили неисчерпаемымъ

*) По Венькову.

источникомъ дохода для пограничной стражи. Кромѣ этого, права, предоставленныя этой стражѣ, давали ей возможность злоупотреблять своею властью до *pas plus ultra*. И теперь еще буряты, равно и сами казаки, отбывавшіе когда то постовую службу просто чудеса рассказываютъ объ этомъ золотомъ времени съ безстыдствомъ извращенной совѣсти, открыто сожалѣя о минувшей «лохвѣ». Во время «закрѣтыя границы» торговля все-таки велась съ монголами, но только съ нелегальнаго разрѣшенія пограничной стражи, которая за это дозволеніе брала съ торгующихъ половину барышей—ввидѣ третьей части всего «выгоняемаго» (скота) и «вывозимаго» (масла, кожи) изъ Монголіи. вмѣстѣ съ этимъ казаки, буквально, занимались грабежомъ и веровствомъ скота у монголовъ, достаточно табуну было перейти за черту границы, чтобы казаки, «за нарушение правилъ» присвоили себѣ извѣстную его часть: грабили казаки и буряты, изображая изъ себя начальство послѣднихъ. Вообще, пограничная стража была истинной разбойничьей грозой всей пограничной линіи и оставила послѣ себя самыя тяжелыя воспоминанія; а нѣкоторыхъ изъ нихъ напр. Т.... К.... и проч. буряты не могутъ безъ содраганія и вспомнить. Сотенные же командиры, прѣзжавшіе для осмотра границы, въ алчности на чужое не уступали казакамъ и заставляли прятаться номадовъ по самымъ укромнымъ уголкамъ тайги, лишь бы избавиться отъ незаконныхъ поборовъ.... Но въ концѣ шестидесятыхъ годовъ караулы были упразднены, граница открылась для свободной торговли, и пограничные жители вздохнули свободнѣй, сбросили со своихъ плечъ тяжело давящую гору — казачество, которое въ большинствѣ, къ радости буряты, оставило караулы и выселилось частью въ Шамки, а больше въ Тунку; теперь же изъ всѣхъ этихъ «шоновъ» (волковъ—такъ буряты называли пограничныхъ казаковъ) остался одинъ только, совершенно обурятившійся, казакъ въ Окинскомъ караулѣ; въ Мойгу же живутъ исключительно буряты.

Характеръ расселенія мойгунскихъ буряты чрезвычайно мѣтко и правдиво очерченъ нашимъ ученымъ, сказавшимъ послѣднее слово объ этомъ

краѣ. (См. поѣздка въ Дархаты, Г. Н. Потанина 118—119).

Всѣ зимнія юрты стоятъ въ одиночку, и къ нимъ не проложены даже тропинки; всѣ расселились по самымъ укромнымъ уголкамъ распадковъ Зимой-Мойгу производить впечатлѣніе какого-то вымершаго поселка—видны одни лишь пустыя, ободранныя лѣтнія юрты, въ которыхъ вмѣсто жителей хозяевъ, дико завывая, разгулываетъ вьюга, сердито врываясь въ нихъ черезъ дымовыя отверстія. Прибрежья р. Иркуты наполняются жизнью только лишь лѣтомъ, и то на короткое время — съ Мая до Сентября; съ сентября же буряты вновь, какъ будто подтвержденные зимней спячкѣ, оставляютъ загалуны (лѣтники) и прячутся въ горныя норы.

Всѣ жители Мойгу, 62 муж. и 57 ж., управляются однимъ выборнымъ старшиной и въ административномъ отношеніи дѣлятся на двѣ половины: «*Деде мойгу* и «*Додо мойгу*» (верхняя и нижняя мойгу). Исходнымъ пунктомъ дѣленія служить сѣла *Мойгу-байса*; обѣ половины имѣютъ своего особаго *Бошко* (десятника); бошко есть какъ бы помощникъ старшины (Занга). Подати и всякія другія повинности, въ размѣрѣ отъ 12 до 15 руб. въ годъ съ души, вносятся въ стенную думу, что въ Торской стени. Исключая двухъ, Сайхана и Чаллана, всѣ жители Мойгу сплошь бѣдность—скотоводство упало, ремесла нѣтъ никакихъ, промысломъ рыбнымъ не занимаются, звѣринымъ изрѣдка, но не потому что нѣтъ звѣря, а просто лѣнятся. — будучи народомъ празднымъ, они почти за безцѣнокъ, именно за 15 руб. въ мѣсяцъ и притомъ съ конемъ, нанимаются, въ качествѣ работниковъ, къ кунеческимъ торговымъ транспортамъ, отправляющимся въ Монголію и проводятъ тамъ время до Августа мѣсяца, съ Августа по Октябрь поступаютъ въ караульщики и пастухи скота алтайцевъ, а съ Октября и по Апрель—или шляются по Монголіи, или же занимаются перекупомъ бѣлки, въ массѣ добываемой бурятами Окинскаго караула. Причемъ, для этого торговаго оборота, берутъ у кунцовъ, въ видѣ задатка, половину часть платы, какая имъ будетъ сдѣлывать за будущее сопровожденіе транспортовъ. Есть у мойговцевъ и своеобразный промыселъ—это

воровство скота у скотогоновъ. Для этого промысла у нихъ есть цѣлая правильная организація. Воруютъ всѣ—отъ маза и до велика, мужчины и женщины. Наворованный скотъ убиваютъ и прячутъ въ самыхъ отдаленнѣйшихъ ледникахъ Саянскаго хребта такъ, что нѣтъ никакой возможности розыскать пропавшаго. Нечего и говорить о томъ, что никто изъ корпораціи воровъ не выдастъ ни кого. Такимъ промысломъ жители Мойгу добываютъ себѣ мясо чуть ли не на всю зиму; въ общемъ кочевники Мойгу своимъ мошенничествомъ, воровствомъ и нравственною испорченностію—превосходятъ всѣхъ бурятъ тункинскаго вѣдомства, зато и самые бѣдные.

Въ караулѣ Мойгу мы пробыли цѣлыя лишнія сутки, благодаря суровой зимѣ и весенней безкормицѣ, скотъ и лошади сильно истощали, такъ что мы съ трудомъ могли нанять себѣ лошадей до Дархатскаго куреня, предлагали все скелетовъ, на которыхъ, не то что ѣхать, даже смотрѣть было жалко. Изъ этого затруднительнаго положенія вывелъ насъ крестьянинъ Т., при торговомъ транспортѣ котораго, были свободныя лошади, ихъ то онъ и предложилъ намъ такъ, что мы, къ утру слѣдующаго дня, имѣли возможность спарядиться въ путь. На прощаніе съ Мойгу и р. Иркутомъ скажемъ нѣсколько словъ объ этой рѣкѣ.

Объ р. Иркутѣ. У К. Риттера мы читаемъ: «выемку Иркуты и продольную его долину можно считать первою, параллельною Байкальскому углубленію долиною на сѣверѣ. Отъ этой рѣки Иркуты получили названіе городъ и вся губернія. Начало свое беретъ она въ Гурбинскихъ горахъ Тункинскаго округа въ озерѣ Ильчирзань, имѣющемъ не болѣе трехъ верстъ длины и течетъ очень быстро по кремнистому руслу, прямо къ востоку. Ниже, при ширинѣ сорока сажени, Иркутъ усѣянъ островами, лежащими между плодоносными, часто наводняемыми берегами. На берегахъ его живутъ преимущественно буряты. Шестью географическими милями (40 верстъ) ниже истока, Иркутъ принимаетъ справа Тунку, по которой названъ Тункинскій острогъ, и еще нѣсколько рѣчекъ слѣва. Потомъ близъ паденія Иркуты въ Амгару у Смолянки въ него впадаетъ Ольга, вытекающая изъ узкой,

сѣверной гранитной прибрежной цѣпи, съ сѣвернаго склона ея, совершенно близъ западной оконечности Байкала»^{*)}).

Это послѣднее слово науки объ Иркутѣ и его системѣ—не совсемъ точно; во первыхъ названо не вѣрно озеро *Ильчирзаномъ*;—озеро это именуется *Ильчир-мур*—(озеро посла). Длина его «не болѣе трехъ верстъ», а отъ пяти до шести верстъ. Расположено оно на вершинѣ Тункинскихъ альпъ,—какъ разъ на югъ противъ караула Мойгу. Затѣмъ, вытекающая изъ западнаго конца озера рѣка, не есть «начало Иркуты», а только одинъ изъ рукавовъ его. Иркутъ же беретъ начало вовсе не изъ *Гурбинскихъ горъ*,—какъ говоритъ Георгіи, совсемъ не извѣстныхъ во всемъ Тункинскомъ краѣ, а изъ вершины Саянскаго хребта, въ точкѣ его соединенія съ Тункинскими альпами, называемой «Ишунты». На этой вершинѣ расположено озеро, тоже называемое *Ишунты*. Съ западнаго конца этого озера и беретъ начала р. *Иркутъ*, а изъ восточнаго р. *Ока*—по бурятски Аха. Обѣ эти рѣки въ легендахъ извѣстны какъ братъ и сестра, причемъ «Аха» (Ока по русскому произношенію) старшая. Рукавъ р. Иркуты, вытекающій изъ оз. Ишунты слѣдуетъ считать главнымъ, такъ какъ онъ длиннѣе и выше другихъ. Принявъ его за главный, т. е. за начало рѣки, перечислимъ и другіе: а) на сѣверѣ отъ оз. Ишунты и ниже его другое оз. *Ирхун-муръ*, отдѣленное отъ перваго небольшою гривой; изъ этого озера выналь рукавъ, называемый *Саган-Ирхун*—бѣлый Иркутъ; б) на сѣверѣ отъ возвышенности *Нухунъ-даба* (яма въ горѣ), изъ вершины Саянскаго хребта, выналь горный ручей *Хушин-Ирхун*—старый Иркутъ; в) параллельно съ нимъ еще ручей—*Хурай-Ирхун*; д) съ запада, параллельно съ рукавомъ, идущимъ изъ оз. Ишунты, нѣсколько ниже его выналь еще одинъ ручей *Тыменькъ* и е) и съ юго-запада течетъ упомянутый уже нами ручей изъ оз. *Эмжер-муръ*. Всѣ эти четыре ручья съ разными наименованіями сходятся у подошвы Нухун-дабана, называемой *Билчиръ*, соединяются съ главнымъ рукавомъ, иду-

^{*)} Землеуказніе Аліи Кар. Риттера Геогр. стран. вѣст. въ составъ Аз. Росс. Вост. Сиб. озера Байкала и прибайкальской страны Т. III. Вып. I. 1879 г.

щимъ изъ оз. *Ишунты* и, начиная отъ пункта соединенія, получаютъ одно общее названіе *Ирку-ла* т. е. р. *Иркутъ*. Второе — у К. Риттера не только не перечислены притоки этой важной исторической рѣки*), но и упомянутый одинъ изъ нихъ р. Тука, слишкомъ ужъ близко придвинуть къ верховьямъ Иркута. Но перечислимъ сначала притоки р. Иркута — считая ихъ отъ Бильчира, т. е. отъ соединенія всѣхъ верховьевъ этой рѣки.

Правые притоки: отъ верховьевъ и не доходя до Туранскаго караула семи—восми верстъ, что равняется пятидесяти слишкомъ верстамъ, считая по прямой линіи, Иркутъ течетъ плотно прижавшись правымъ своимъ берегомъ къ скалистой подошвѣ Саянскаго хребта и не принимаетъ въ себя ни одной рѣки, кромѣ безымянныхъ горныхъ ручейковъ; отъ Турана же — верстахъ въ двухъ отъ него, въ р. Иркутъ впадаетъ: Хала-угунъ, затѣмъ дальше; 1) Зангасанъ 1-й, 2) Зангасанъ 2-й, 3) Андріанкинъ горхонъ, 4) Тайтурки, 5) Курень, 6) Хорбиты, 7) Хара-угунъ, 8) Бо-горхонъ, 9) Улан-горхонъ, 10) Зон-мурин, 11) Тибильти, 12) Быстрая, 13) Ильчи. Это до с. Култука. Дальше же теченіе р. Иркута мнѣ хорошо неизвѣстно — поэтому я и обхожу его молчаніемъ.

Лѣвые притоки: 1) Шулу Сапшана, 2) Шулай, 3) Борьто, 4) Ехе-угунъ, 5) Тунка, 6) Ахалыкъ, 7) Еловка. Дальше отъ торской стени притоки Иркута мнѣ тоже достоверно неизвѣстны. Что же касается до р. *Тунки*, будто бы шестью географическими милями (40 вер.) ниже истока р. Иркута, впавшей въ него, то это значительная ошибка—отъ устья р. Тунки до истоковъ р. Иркута можно опредѣлить разстояніе не въ 40 верстъ, а въ *сто тридцать*.

Сплавной рѣкой Иркутъ дѣлается только отъ Тибильтинскихъ пороговъ — называемыхъ «семь домовъ». Иркутъ, даже и въ верховьяхъ, очень рыбная рѣка, въ немъ водятся: таймени, сига, харіузы, щуки, линки, налимы, сорожина, окуни и

*) Монголы и буряты р. Иркутъ считаютъ священною. По ней будто-бы бурханы, смалшившись падъ буртани, оторванными отъ монголовъ, пришли въ ихъ кочевья и поселились по вгорьямъ Саяна, такъ пришелъ Буха-ноинъ, Алтан-шарга-ноинъ и другіе.

другая мелкая рыба. Въ прибыль Иркутъ очень бурливъ. Одна изъ подошвъ лѣваго берега Иркута близъ Монды содержитъ въ себѣ розсыпи вохры. Во время большой прибыли, теченіе Иркута захватываетъ залежи вохры, уноситъ ихъ и, растворивъ, окрашиваетъ свою воду. Суевѣрные буряты, примѣтивъ красную воду р. Иркута, объясняютъ это явленіе тѣмъ, что будто-бы добрые духи, въ борьбѣ съ злыми, поранены и кровью своею окрасили священную рѣку.

ГЛАВА VI.

ОТЪ МОЙГУ ДО ДАРХАТСКАГО КУРЕНЯ.

Ночь и утро, проведенныя нами у берега оз. *Самъ-нуръ*—были чрезвычайно холодны, а уже июнь мѣсяць. Согрѣтые нѣсколько утренними лучами ярко взшедшаго солнца, мы, по обычаю, завяючили своихъ лошадей, попрощались съ русской границей и двинулись въ путь, принявъ направленіе прямо на юго-западъ.

Ночевка наша была какъ разъ у подошвы пограничнаго горнаго хребта, называемаго *Обо-сарымъ*. Сѣверный склонъ Обо-сарыма, отъ самой подошвы и до изголовій, представляетъ изъ себя сплошное болото—вязкое и довольно трудное для ѣзды. Благодаря же тому, что въ продолженіи всей весны и до настоящаго времени стояли сильные холода,—болото еще не размерзлось, такъ что подъемъ на Обо-сарымъ былъ, сравнительно, удобенъ и незатруднителенъ, — тонкой, всасывающей грязи не было. Болота Обо-сарыма пересыхаютъ, т. е. покрываются твердымъ слоемъ земли и бываютъ удобны для переѣзда, только въ сильныя засухи,—но малѣйшій дождикъ—и болото вновь обращается въ непроходимую густую кашню. И такъ, пользуясь холоднымъ временемъ, мы безъ затрудненія изобразили на верховья Обо-сарыма. А холода дѣйствительно были сильные,—хоть бы и не въ июнь мѣсяць! Въ теченіи всей весны, какъ говорятъ буряты, не было ни одного теплаго дня; рѣзкій, зимній вѣтеръ дулъ все время; вотъ причина, почему трава, не смотря на июнь мѣсяць, начала только лишь показываться,

а береза еще не думала распускаться, лиственнь едва дала цвѣтъ, а тальникъ и не думалъ показывать почки, это у подошвы горы, что же касается вершинъ Обо-сарыма, то тамъ трава и не думала еще пробивать свою щетину, сквозь не оттаявшую еще землю. Видъ вершины скорѣй напоминалъ собою глубокую осень, чѣмъ начало лѣта.... Едва только мы поднялись на гору, какъ были встрѣчены свистящимъ и воющимъ, пронизывающимъ до костей рѣзкимъ вѣтромъ. Вѣтеръ до того былъ холодно-рѣзкимъ, что я, не смотря на то, что былъ одѣтъ далеко такъ не по лѣтнему: въ драповой, теплой чепаркѣ и пальто,—все-таки сильно продрогъ; руки же и ноги просто коченѣли. День былъ облачный, и изрѣдка, изъ за тучъ выглядывавшее солнце, рѣшительно не давало теплоты. Не говори календарь что сегодня 1-е Юня, судя по состоянію погоды и общему ландшафту, трудно было бы опредѣлить—въ какое это время года мы поднялись на вершину Обо-сарыма? Глубокая ли это осень—или ранняя весна?

На самомъ гребнѣ Обо-сарыма, который служить пограничною линіей, набросано двѣ большихъ кучи (обо). Кучи эти служатъ пограничными знаками. На верхушкѣ одной изъ нихъ,—первой отъ дороги, укрѣпленъ деревянный крестъ. Въ прежнее время, т. е. до открытія границы для свободной торговли, вдоль всей пограничной линіи были вбиты колушки, менѣе чѣмъ на аршинъ разстояніемъ другъ отъ друга, поверхъ колушкѣвъ былъ протянутъ волосяной арканъ. Методичные въ своихъ поступкахъ китайцы, чтобы точно опредѣлить каждую видъ своей земли, велѣли монголамъ вбить эти колушки и монгольскіе воины строго слѣдили за цѣлостію ихъ, приказывая пограничной стражѣ, въ навѣстное время года, обновлять ихъ. Послѣ же открытія границы и снятія пограничныхъ сторожевыхъ пикетовъ какъ съ нашей, такъ равно и со стороны монголовъ, колушки уничтожились и существованіе ихъ, равно какъ и тяжелая работа о цѣлостности ихъ, отошло въ область преданія, хотя и свѣжаго. Мѣстные жители ихъ помнятъ, какъ помнятъ и то, что, слишкомъ ужъ точные въ исполненіи своихъ обязанностей, наши казаки «арестовывали» скотъ и

лошадей, перешагнувшихъ черезъ линію колушкѣвъ. Теперь же скотъ «ходить и переходить» свободно—колушкѣвъ нѣтъ, а «дозоромъ» служатъ двѣ кучи. Кучи, въ особенности та, что съ крестомъ, увѣшаны разноцвѣтными ленточками и хадаками, какъ жертвой духамъ, чтобы они могли благополучно съѣздить въ Монголію и съ успѣхомъ «поторговаться». Нужно замѣтить, что тряпочки и хадаки вѣшаютъ не одни буряты, но и русскіе.

Въ данное время, какъ мы уже замѣтили, видъ пограничной линіи былъ очень плачевенъ. Ни признака травки, ни листочка на деревѣ; день мрачный, холодный; выжженная же палами мѣстность, съ обнаженными черными кочками, увеличивала мрачность картины—черная обгорѣлая земля, торчашіе и въ безпорядкѣ разбросанные камни—вотъ фонъ картины. Желаніе мое—собрать коллекцію травъ, какъ не осуществимое при такомъ состояніи погоды, прійдется, кажется, отложить въ долгій и долгій ящикъ.

Отъ Обо-сарыма есть три дороги въ Дархатскій курень. *Первая*—прямо на югъ. Миновавъ Обо-сарымъ,—поворотъ на право, переходъ черезъ верховья рѣки *Саган-сарь*, праваго притока р. Хаанги; потомъ черезъ р. *Хуху-мусунъ*,—то же притокъ Хаанги; затѣмъ подъемъ на отрогъ Мунку-сардыка—гору *Уктурукъ*. Съ горы Уктурукъ спускъ въ долину р. *Урим-сарь*, притокъ оз. Кубегула. Въ долиніи этой рѣки сходятся все три дороги. Сейчасъ указанная нами дорога самая кратчайшая, но неудобна и ею рѣдко кто ѣздитъ, потому что подъемъ на г. Уктурукъ слишкомъ крутъ, грязенъ и каменистъ, въ особенности же противоположный спускъ сплошь болотистъ. Замѣтимъ тутъ же, что р. *Хуху-мусунъ* (синій ледъ) и *Урим-сарь* берутъ начало изъ болотъ пограничной горы. На само повѣйшей картѣ, какая только издана до сихъ поръ касательно сѣверо-западной Монголіи—именно картѣ поручика Рафаилова; ни отрога Уктурукъ, ни обѣихъ упомянутыхъ нами рѣкъ не значится. Есть какія то р. *Нарин-хоро* и *Иги-хоро*. Но такихъ рѣкъ въ данной мѣстности вовсе нѣтъ, что намъ хорошо извѣстно. Если подъ р. Нарин-хоро—составитель карты имѣлъ въ виду Хороты, то не тамъ имѣ отведенъ мѣсто. Рѣка эта протекаетъ гораздо южнѣе, чѣмъ

показано на картѣ, къ тому же не имѣеть притоковъ.

Вторая дорога. Отъ Обо-сарь — чрезъ среднее течение р. *Саган-сарь*; проходъ юго-западной подошвой горъ *Уктурукъ*, потомъ незначительный подъемъ на одну изъ его вершинъ и спускъ въ притокъ оз. *Кубегула*, рѣку *Уктурукъ*; бродъ чрезъ него, затѣмъ небольшой подъемъ и спускъ къ устью р. *Уримъ-сарь*. Эта дорога средняя и самая удобная; грязны лишь оба берега р. *Саганъ-сарь*. Рѣка *Уктурукъ* также не показана на картѣ г. Рафилова.

Третья дорога. Отъ Обо-сарымъ — вдоль правого берега р. *Хангай* (духъ хозяинъ лѣса и горъ) до устья р. *Хуху-мусуна*, и затѣмъ ровнымъ сухимъ мѣстомъ до *Хангинскаго куреня*, что у сѣвернаго берега о. *Кубегула*, или, вѣрнѣе, у залива его; отъ куреня дорога идетъ вдоль сѣверо-западнаго берега оз. *Кубегула* и, еслибы не скалистая оконечность отрога г. *Уктурукъ*, то дорога проходила бы берегомъ до устья р. *Урим-сарь*, а такъ какъ скала г. *Уктурука*, вдаваясь въ о. *Кубегуль*, мѣшаетъ пройти по берегу, то дѣлають подъемъ на помощь вершину г. *Уктурука*; на вершинѣ же эта дорога сходится со второй. Это самая дальняя дорога и ея ѣздить только лишь въ случаѣ нужды побывать въ *Хангинскомъ куренѣ*, или же ужъ слишкомъ грязны бываютъ обѣ первыя дороги.

Кромѣ этого, отъ Обо-сарымъ есть еще своротъ въ лѣво, на юго-востокъ въ кочевья монголовъ, живущихъ по берегу р. *Ури*.

Мы поѣхали по средней дорогѣ, такъ какъ заблудить въ *Хангинскій курень*, давно намъ извѣстный, не было резона.

О мѣстности отъ пограничной линіи до устья р. *Уримъ-сарь* рѣшительно нечего сказать — обгорѣлая, дика, мрачна, пустыня, ни малѣйшимъ признакомъ не напоминающая, что уже июнь мѣсяцъ; лѣсъ низкій, уродливый, корявый, — еще болѣе казался жалкимъ, при воспоминаніи, что даже и въ столь отдаленныхъ мѣстахъ, онъ ужъ покрылся зеленью. Къ тому же и древесная растительность слишкомъ однообразна. За Обо-сарымомъ все листовень, листовень и листовень, нигдѣ вокругъ, на далекое пространство, вѣтъ уже ни березы, ни со-

сны, ни осины. Проходъ этой мрачной мѣстностью кончился спускомъ въ долину р. *Урим-сарь*. Тутъ картина перемѣняется и получается со всею другое впечатлѣніе. Начиная отъ Турана и до г. *Уктурукъ* то и дѣло приходилось, то залѣзть на горы, то спускаться съ нихъ, то по колѣно брести въ болотѣ, шлепаться въ грязи, то переходить горныя ручейки и спотыкаться о громадные булыжники, усеявшіе вхъ русла, то идти непривѣтливой глухой тайгой, утомительно и скучно.... Со спускомъ же въ долину р. *Уримъ-сарь* — все это отходить въ область неприятныхъ воспоминаній. Начиная отъ р. *Урим-сарь*, *Саянскій хребетъ* отодвигается къ сѣверу и отрогами своими не загоразживають прибрежной равнины оз. *Кубегула*, такъ что взору открывается — съ одной стороны широкая, ровная, гладкая степь, окаймленная съ запада величественнымъ *Саяномъ* и притомъ грандіознѣйшею частію его — бѣлоснѣжной возвышенностію *Мунку-сардыка*; а съ востока, насколько глазъ хватить, поверхностію оз. *Кубегула*. Во время нашего проѣзда озеро *Кубегуль* не было еще свободно отъ льда: ледяная кора была еще крѣпка, такъ что въ иныхъ мѣстахъ ледъ не оттаявалъ даже и отъ береговъ.... какъ то плохо вѣрилось, что настало уже лѣто.

Отъ устья *Уримъ-саря* мы проѣхали только одну версту и перешли бродомъ рѣку *Джаргалантей* (имѣющая наслажденіе), рѣка *Джаргалантей* беретъ начало изъ вершины *Мунку-сардыка*. Все течение ея простирается не болѣе 28 верствъ, при устьѣ рѣка развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ. Берега ее пологи, русло же усѣяно мелкимъ щебнемъ; не глубоко. Во время метанія икры въ *Джаргаланту*, какъ и все другія рѣки, внавшія въ *Кубегуль*, заходитъ изъ этого послѣдняго, масса разной мелкой рыбы. Въ верховьяхъ *Джаргаланты* есть зимнія кочевья монголовъ, лѣтомъ же, по причинѣ сырости мѣста, никто не живетъ, выкочевывая въ *Хангинскую долину*.

Отъ р. *Джаргалантей* дорога отгибаетъ сѣверо-западный уголъ о. *Кубегула* и потомъ, подъемомъ на небольшой возвышенности, идетъ прямо на югъ къ урочищу *Хореты*. На всемъ протяженіи, отъ р. *Уримъ-сарь*, до подъема, дорога не отходить отъ

берега оз. Кубегула; отъ подъема же тропинка нѣсколько отклоняется отъ озера, хотя послѣднее и не теряется изъ виду.

Въ Хореты мы прѣехали вечеромъ и остановились на ночлегъ у гостеприимнаго Г. Ив. Посылина. Весь пройденный сегодня путь отъ Мойгу до Хоретъ равняется 40 верстамъ.

Хореты 2 Юля. Само по себѣ Хореты, какъ мѣстность, ничѣмъ не выдѣляется отъ другихъ прибрежій оз. Кубегула, это горная равнина, прорѣзываемая съ сѣвера на югъ рѣкой Хоретъ. Равнина бугристая, только лишь въ горныхъ своихъ изголовьяхъ покрыта древесной растительностію; почва сплошь каменная. Прорѣзывающая ее рѣка Хоретъ, верховьями своими вышла изъ склона Мукусардыка. Хореты до нижняго своего теченія имѣютъ одно не широкое русло, усыпанное крупными булыжниками. Въ низовьяхъ же своихъ теченіе развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ и образуетъ острова. Рѣка эта рыбная; въ ней массою водятся хариузы, линки и болгонъ; послѣдней рыбы, въ періодъ метанія икры, такая гибель, что во время брода чрезъ рѣку конь душитъ болгонъ коньками. Все теченіе Хоретъ тянется на разстояніи двухъ съ половиною дней ѣзды. Вверхъ по Хоротамъ есть дорога въ пограничный *Норинъ-Хорійскій* караулъ, извѣстный на картахъ болѣе подъ именемъ *Гаранскаго*. Легенды говорятъ, что этою дорогою бѣжалъ знаменитый Шадар-Ванъ, желая укрыться въ предѣлахъ Россіи отъ преслѣдованія китайскаго императора, но въ верховьяхъ рѣки Хоретъ былъ постигнутъ, отвезенъ въ Пекинъ и казненъ*). Тоже преданіе

говоритъ, что вверхъ по Хоротамъ же выѣхалъ на встрѣчу нашему послу Саввѣ Рагузинскому, уполномоченный отъ китайскаго императора, *Сысын-Бан* (тоже Сайн-Нонн-Ханъ); и что будто бы въ верховьяхъ рѣки и доселѣ еще сохранились остатки телги, на которой ѣхалъ Сысын-Ванъ. Дорога въ Хоретамъ удобна и давно извѣстна, какъ монголамъ такъ и нашимъ бурятамъ, и замѣчаніе бр. Бутиныхъ, что будто бы дархатцы, не сочувствуя Шадар-Вану, «умышленно указали ему» совершенно не проходимае въ Сайнахъ мѣсто по Хороту («не-вѣрно»)*).

Долина р. Хоретъ со своими роскошными настищами очень удобна для кочевья и недавно еще была, сравнительно, густо заселена. Но такъ какъ въ 1881 году она сдана въ аренду торгующему въ Монголіи купцу Гр. Ив. Посылину, то номяды, согласно договору, должны были выкочевать. Нельзя сказать, чтобы монголы добровольно уступили Посылину свою землю. Желая занять мѣсто, Г. И. Посылинъ обратился объ этомъ съ просьбой къ *Да-ноину*, подъ властію котораго находятся монголы — *Урянхай*. Къ просьбѣ были приложены убѣдительные документы, въ видѣ соборей; а такъ какъ власть *Да-ноина* раздѣляется и настоятель Хангинскаго курена *Да-лама*, то такая же просьба и съ такими же приложениями была обращена и къ *Да-ламѣ*. Оба эти начальника урянхайцевъ соизволи сходку, которой и заявили желаніе Посылина поселиться въ долину р. Хоретъ и, за плату, арендовать ее на десять лѣтъ. Общество долго не соглашалось, но соборы и деньги, данные начальству, оказали давленіе на рѣшеніе общества, такъ что послѣднее, помимо воли согласилось уступить желанію Посылина. Составленъ былъ общественный приговоръ, по которому урянхайцы отдають свою землю на десять верстъ въ квадратѣ, по теченію рѣки Хоретъ въ полное безконтрольное распоряженіе Г. Посылина на десять лѣтъ, за что Посылинъ и долженъ заплатить двѣ тысячи руб. сразу за весь годъ. Урянхайцы же обязываются, выкочевать изъ отданной въ аренду земли, безъ разрѣшенія арен-

* *Цаганъ-жалъ* — *Шадар-Ванъ* — былъ монгольскій князь — халховецъ. Ему подвластны были монголы, находившіеся теперь въ владѣніи Дамсаняту-Вана Шадар-Вана — князя, сдѣлавъ Монголію независимую отъ Китайской имперіи, для чего и заключилъ союзъ со всѣми Халхаскими князьями, организовавши было войско, имѣющее планъ дѣйствій, и союзъ князей былъ скрѣпленъ клятвенно надъ кровью чернаго козла. Но союзники князя Шадар-Вана — дѣло освобожденія Монголіи было проиграно. Довоенный *Джамъ-Джунъ* выдалъ китайскому *Бодо-Хану* весь планъ заговора. И допущенный князьями Шадар-Ванъ, спасаясь отъ преслѣдованія, рѣшился бѣжать въ предѣлы Россіи, но дорогой былъ пойманъ и въ Пекинѣ преданъ жестокой казни. Монголы помянутъ Шадар-Вана и съ благоговѣніемъ относятся къ его имени, создавъ жалуу легенду.

* Описание пути съ грав. Пер. ок. въ Тянь-шань — бр. Бут. Изв. Сиб. От. П. Об. 1871 г. ст. 19.

датора не пускать свой скоть въ его землю и ни въ какомъ случаѣ не ставить своихъ юртъ. Деньги шьты; приговоръ подписанъ; начальство довольно—значить и дѣлу конецъ. Но въ томъ то и дѣло, что сами то монголы не были довольны—и, причины разныя неспрiятности и «ушербы» Г. И. Посылину, думали и думаютъ этими мѣрами выжить его изъ своихъ владѣній. Когда Посылинъ началъ строить себѣ домъ, то наивные урянхайцы, чтобы отклонить его отъ этого намѣренiя, пустили въ ходъ сначала застрашиванiя чертовщиной. Приходили къ нему цѣлой гурьбой и, какъ будто желая ему добра, убѣдительно предостерегали не строить себѣ жилища, такъ какъ, на избранномъ для этого мѣстѣ, много было похоронено шамановъ, а они де мстительны, злы и опасны для тѣхъ, кто, не зная какъ обращаться съ ними, нарушаетъ ихъ покой; «на-вѣрно» если не изведутъ тебя вовсе, то причинятъ много горечей, вѣдь ты не умѣешь молиться имъ, заканчивали урянхайцы свои убѣдительные доводы, не строить дома. Но видя, что Г. Ив. Посылинъ, не боится ихъ застрашиванiй, не обращаетъ вниманiя на предостереженiя, не вѣрится въ возможность мести со стороны шамановъ и продолжаетъ строить домъ, урянхайцы, не теряя надежды выжить ненавистнаго имъ ороса (русскаго), перемѣнили тактику, и начали дѣлать ему «шакости»: одинъ разъ изорвали въ клочки рыболовную сѣть, въ другой разъ разбили въ щепки лодку; потомъ уничтожили приготовленный кирпичъ, воровали лошадей, скоть и такъ далѣе; собирались даже побить его. Въ последнее же время остановились на мысли обжаловать Улсутаюскому амбану дѣйствiя Да-ноина и Да-Дамы и доказать, что чиновники эти насильно заставили общество подписать приговоръ объ отдачѣ Посылину земли въ аренду и арендные деньги будто бы взяли себѣ, не давъ ни гроша на общественныя нужды. Чѣмъ дѣло кончится, неизвѣстно, но энергичный Г. И. Посылинъ не унываетъ; построилъ себѣ прекрасный домъ и при немъ прочныя и основательныя надворныя постройки; и хоть нельзя сказать, чтобы его не беспокоили продѣлки урянхайцевъ, но онъ увѣренъ, что они не въ силахъ будутъ выжить его изъ Хореть. Мы со своей сто-

роны пожелаемъ Г. И. вкорениться въ Монголию, такъ какъ онъ лучший изъ кушцовъ, бывшихъ когда либо въ Монголии: энергичный, правдивый, интеллигентный, но главная его заслуга въ томъ, что онъ не «бракъ преть въ мунгалы», а старается ознакомить монголовъ съ предметами потребностей культурнаго человѣка, примѣвными и къ быту монголовъ, знакомить съ употребленiемъ косы, серпа; для лѣтнихъ юртъ хочетъ доказать пользу брезента, пропандируетъ замѣну войлочныхъ юртъ деревянными постройками и проч.; само собой понятно, что гуманнымъ своимъ обращенiемъ съ монголами, доказываетъ послѣднимъ, что и среди оросей *фанза* (русскихъ кушцовъ) *сайн хун байна* (есть хорошия люди), хоть, къ слову сказать, ихъ и рѣдко приходится видѣть монголамъ. У Гр. Ивановича мы съ удовольствиемъ провели время, и запасшись его свѣтами, какъ знатока Монголии и условiй странствованiя по ней, распростились съ радушнымъ хозяиномъ.

Не теряя изъ виду о. Кубегула, мы шли прямо на югъ, западнымъ берегомъ озера. День съ самаго утра былъ облачный, тучи все болѣе и болѣе надвигались съ запада, къ полудню нависли темной свинцовой массой, подулъ западный вѣтеръ и тучи разрядились крупнымъ дождемъ въ перемежку со снѣгомъ. Непогода эта застигла насъ сейчасъ же послѣ брода чрезъ рѣку *Дельмур-Булуку*; рѣка эта небольшая; все ея теченiе не болѣе 10 верстъ; берега ея сопровождаются топкимъ, кочковатымъ болотомъ, такъ что по ней нѣтъ жилья, намъ же хотѣлось добраться до жилища мѣста. Поэтому то мы, не смотря на дождь, прошли еще пять верстъ, перебрали рѣку *Хонхорбоша* и разбили свою палатку близъ юрты *Заланъ-Ноина*. Чивъ «*Заланъ*» второй послѣ *Да-Ноина* и отличiе его — мѣдная шишка на верхушкѣ шапки, у Да-Ноина же мѣдную шишку замѣняетъ крупный красныя коралль. Чиновничья шишка по монгольски называется *дынзе*. Залана мы не застали дома: онъ ѣздилъ собирать подати (*алба*).

Дождь, въ перемежку со снѣгомъ, не переставалъ идти до самаго вечера и не позволилъ намъ двинуться далѣе, такъ что мы, отъ Хореть до ставки Залана, прошли только десять верстъ.

3 Июня. Ненястье продолжается: маловодная въ обыкновенное время р. Хонхорбоша «разыгралась», забушевала. Волей неволей, подъ дождемъ и стужей, пришлось намъ и этотъ день просидѣть на одномъ мѣстѣ — дождь... снѣгъ... холодъ — скука невыносимая. Непосѣды въ хорошую погоду, номады ни за что не выльзутъ изъ юрты въ дождливое время, и кочевья монголовъ въ эту пору рѣшительно точно мертвыя, нигдѣ ни одной души не видно: что дѣлать? Нужно было раздѣлять скуку съ несловоохотливой старухой — женой залана; да и ту насилу удалось упросить разсказать намъ хоть сказку. Сказка, между прочимъ, съ исторической подкладкой, и не безынтересна. Вотъ дословный переводъ ея отрывка:

Ан-Дулма-Хан.

Въ стародавнее время (иртышсын сакта) жилъ и царствовалъ Ан-Дулма-Хан. Жадный, завистливый, онъ не довольствовался обширными предѣлами своего царства: ему все больше и больше хотѣлось захватить чужихъ земель и, разоряя жителей, покорять другія ханства. Удовлетворя такой безумной своей жадности, онъ, между прочимъ, покорилъ пять сосѣднихъ племенъ, живущихъ въ землѣ «Тан». Давно уже ненасытная душа Ан-Дулма-Хана завидывала благополучію, богатству, довольству и могуществу этихъ племенъ; давно уже онъ рѣшилъ во чтобы то ни стало покорить эти пять племенъ, но все опасался, не надеясь на свою силу. Но вотъ въ одно время, хитрый и злой ханъ наваль на нихъ въ распахъ, пронесся какъ все уничтожающій буря (буря) по кочевьямъ пяти племенъ, живущихъ въ землѣ Танъ, разорилъ ихъ, часть людей перебилъ, часть отвелъ въ свое царство, а остальныхъ сдѣлалъ своими подданными и наложилъ на нихъ тяжелую *алба* (подать); довольный же своей побѣдой, Ан-Дулма-Хан объявилъ себя самымъ могущественнымъ и сильнымъ изъ всѣхъ хановъ, такимъ сильнымъ и могущественнымъ, что и равнаго ему нѣтъ.

Пять же, покоренныхъ Ан-Дулма-Ханомъ, племенъ, раньше были подданными милоствиваго и славнаго Богдо-Гесеръ-Хана; управленіемъ

этого хана были довольны, любили его, почему имъ и не хотѣлось быть въ зависимости отъ злаго и завистливаго Ан-Дулма-Хана. Какъ быть? какъ извѣстить милоствиваго Богдо-Гесеръ-Хана о своемъ несчастіи? Какъ дать ему знать, чтобы онъ пришелъ на помощь и избавилъ бы ихъ отъ ненавистнаго и тяжелаго ига Ан-Дулма-Хана? Въ великой печали, князья пяти племенъ собрались вмѣстѣ на общій сугланъ (собраніе, совѣщательный съѣздъ). Думали, гадали и порѣшили отправить къ Гесеръ-Хану посольство, которое бы обсказало Хану, что де вотъ что и вотъ что случилось со всѣми нами твоими вѣрными подданными; вотъ въ какомъ мы находимся теперь бѣдственномъ положеніи, раззоренные Ан-Дулма-Ханомъ; а случилось де это безъ нами, помимо нашей воли, и ничуть не изъ желанія измѣнить тебѣ, Богдо-Гесер-Хан, такъ мудро и милоствиво управлявшій нами. Порѣшивъ такъ, князья и народъ, съ общаго совѣта, выбрали изъ всѣхъ пяти племенъ сто человѣкъ, дали имъ *мѣтырестіи копей** и посольство это отправили къ Богдо-Гесер-Хану, строго настрого приказавъ имъ, въ точности передать все то, что терпятъ пять племенъ отъ Ан-Дулма-Хана, и что общій сугланъ, въ главѣ съ пятью князьями, порѣшилъ на своемъ собраніи.

Жительство Богдо-Гесер-Хана — отъ земли Танъ было на разстояніи девяти лѣтъ пути при скорой ѣздѣ, посланникамъ же, князья и народъ, это пространство, велѣли проѣхать только въ три года. Илчи (послы) отправились. Передъ отправкой ихъ, одинъ изъ старшихъ князей, вновь повторилъ изъказъ общества и говоря имъ все это — сказалъ (тиже хелесен-хелеки байна): Мургусун-хойно (посль поклоня) Богдо-Гесер-Ханай Хурухтуй (спросите Богдо-Гесер-Хана) желаетъ ли онъ имѣть часть сво-

* Въ 1880 году по поводу нашихъ недоразумѣній съ Китайской имперіей былъ приказъ Богдо-Хана — собирать войска между прочимъ и близъ границы, примыкающей къ Тункинскому краю. Войска это должно было продовольствоваться провансомъ, на счетъ того Хошуна, который его снабжалъ — для чего хошуны, отправляя *Сурхонъ* на ихъ содержание и данало на каждого человѣка *по четыре кобылы* на годъ такъ что войска при его передвиженіи сопровождали громадные табуны кобылъ. Четыре эти кобылы должны были закипать и высушивать продукты и средства къ обмундировкѣ.

ими подданными или нѣтъ? Мы вѣрные его слуги, не могли противиться могуществу Ан-Дулма-Хана. Вѣри же въ тебя, Богдо-Гесер-Ханъ, мы не хотимъ, чтобы ты считалъ насъ измѣнниками и, вотъ мы съ великимъ трудомъ ухитрились послать къ тебѣ, Богдо-Гесер-Хан, посольство и тѣмъ доказать тебѣ любовь, преданность и вѣроподданство наше. Если ты помнишь и сожалѣешь о злой нашей судьбѣ, то, будь милостивъ, прійди къ намъ на помощь и выручай насъ изъ подъ ненавистнаго, тяжелаго ига, злаго Ан-Дулма-Хана; если же ты забылъ про насъ, или же мы тебѣ не нужны, и ты не желаешь насъ имѣть въ подданствѣ своемъ, а значить и не скажишься надъ нами, то мы, оплакивая свое прошлое счастливое время твоего владычества надъ нами, скрѣпя сердце, подчинимся ненавистному раззорителю Ан-Дулма-Хану. Но все-таки ты, любимый нами, Богдо-Гесер-Хан, не считай насъ измѣнниками и вѣри, что мы не могли противиться такой силѣ, какая была у Ан-Дулма-Хана. Ан-Дулма-Ханъ — пришелъ въ нашу землю съ тремя тысячами богатырей и десятью милліонами (уи туму тумун) войска. Самъ же Ан-Дулма-Хан претерпѣлъ уже семьдесятъ одно перерожденіе; въ *сердцѣ* у него тьма ушей (дзурханисо); имѣетъ онъ тысячу глазъ (мянган нюдусутей) и силенъ какъ *Ареха**). Сила ногъ его равняется силѣ восьми *Абарай Могоевъ***); конь у него чубарый — величиной съ гору. Какъ мы могли противиться такой страшной силѣ и такому чудовищу! Обо всемъ этомъ, кланяясь, расскажем нашему доброму и милостивому Богдо-Гесер-Хану. Такъ кончилъ свой наказъ посламъ старшій изъ князей пяти хошуновъ.

*) Ареха — злой духъ, одинъ изъ начальниковъ Штхуровъ (чертей). Замѣчательно, что и въ Малороссіи (въ Полтавской и Киевской губ.) простолюдинамъ вѣрятъ въ *Ареху*, имѣютъ о немъ такое же понятіе какъ и монголы — и есть даже интересная легенда, какъ подвизастный Арехъ чертъ, провинившись, писалъ извинительное и оправдательное письмо. Грамотный чертъ не умѣлъ красиво писать, и буквы его письма походили на безобразныя каракули. Малороссы Ареху называютъ Арехтой. Неумѣніе же чорта красиво и четко писать обрѣтилось въ пословицу, и если кто не красиво и не лено пишетъ, малороссы говорятъ: „надрыганъ якъ той лортъ до Арехты“.

***) Абарай-могой — шельзъ змѣй. Ажа-нохой — мнѣшеская собака — судьба ея вѣчно, безъ отдыха бѣгать и бѣгать постоянно голодной.

Сто пословъ (ильчи) шли быстро, безъ остановокъ, переморили своихъ лошадей и все-таки, какъ ни торопились, не могли въ назначенный срокъ прійти къ мѣсту, и не въ три года, а только лишь на четвертый, и то насилу, съ великимъ трудомъ, пришли въ царство Богдо-Гесер-Хана.

Не доѣзжая полъ-дня пути до цѣли своихъ странствованій, они увидѣли блистающій и сіяющій самоцвѣтными камнями дворецъ (урго) могущественнаго и славнаго Богдо-Гесер-Хана. Ослѣпительное великолѣпіе дворца поразило пословъ, предъ величіемъ его они пали на землю и каждый изъ нихъ сдѣлалъ, творя молитву, по девяти земныхъ поклоновъ; не осмѣливаясь приблизиться къ *Урго* (дворецъ), они остановились среди степи и голодные, изнуренные продолжительнымъ и утомительнымъ путешествіемъ, они принялись подкрѣплять себя пицей и «пидже хуга» — бѣда-сидѣть. Войско, стоявшее на караулѣ вокругъ дворца Богдо-Гесер-Хана, увидѣло эту оборванную, точно волки (тоноаддлы), пожирающую пицу толпу и послало своихъ начальниковъ увѣдомить Богдо-Гесер-Хана, что «вотъ-де какой-то невѣдомый намъ народъ, похожій скорѣе на толпу нищихъ (гуй-ринчлжи ябадалъзон), чѣмъ на богатырей, пришелъ въ наше царство и, не доходя полъ-дня пути до дворца, остановился, поклонился до земли девять разъ, сѣлъ и началъ бѣсть — пусть-де Богдо-Гесер-Ханъ посмотритъ — что это за люди и укажетъ, что намъ съ ними дѣлать». Богдо-Гесер-Ханъ выслушалъ рассказъ начальника своего войска и потомъ послалъ богатырей царедворцевъ (тушумут) узнать въ точности, что за люди остановились близъ дворца, почему они не дошли до дворца, а остановились на полъ-дня пути, сѣли на землю и какъ Ажа-нохой (го-лодная собака) принялись пожирать пицу. Посланные съ такимъ порученіемъ царедворцы — были могучіе богатыри. Исполняя приказъ милостиваго (хайрлац) Богдо-Гесер-Хана, богатыри подошли къ сидящей оборванной и истощенной толпѣ и ласково спросили: «что вы за люди? изъ какой земли (ямаръ - хазарай), чьи подданные (хени албатай), откуда и зачѣмъ пришли». Послы — сто человекъ, поднялись съ земли и, отвѣчая на вопросы богаты-

рей, начали съ плачемъ разсказывать: «мы послан-
ные князей и народа пяти хошуновъ земли «тан»,
насъ послали спросить милостиваго и могуществен-
наго Богдо-Гесер-Хана—нужны ли мы ему или нѣтъ?
Мы жили смирно, никого не трогали, ни съ кѣмъ
не воевали и были счастливы, платя дань любимо-
му нами хану Богдо-Гесеру и подданствомъ ему
дорожили. Но вотъ постигла насъ, и сами не знаемъ
за что, страшная бѣда, раззорившая насъ въ конецъ
и мы теперь въ уничи. Пришелъ въ землю нашу
«тан» не вѣдомый, но могущественный и злой Ан-
Дулма-ханъ. Онъ 71 разъ перерождается, въ сердцѣ
у него тьма ушей, онъ съ тысячею глазами, силенъ
какъ Арха, сила ногъ его равняется силѣ восьми
абаргай могоевъ, конь же у него чубарый, вели-
чпной съ гору. Пришелъ Ан-Дулма-Ханъ въ нашу
землю съ тысячею сильными богатырями и съ де-
сятью милліонами войска. Такой ужасной силы мы
не могли противиться и подчинились странному Ан-
Дулма-хану. Оставаясь же въ душѣ вѣрно-поддан-
ными любимому нами Богдо-Гесер-хану, князья на-
ши и народъ послали насъ спросить милостиваго
хана: желаетъ ли онъ имѣть насъ своими поддан-
ными? Если же желаетъ, то пусть милостиво вы-
слушаетъ нашу просьбу, приметъ ее къ сердцу и
пошлетъ богатырей и войско прогнать изъ нашей
земли «тан» ненавидимаго, жестокаго и хвастливаго
Ан-Дулма-хана,—такъ вотъ просимъ васъ, богаты-
ри, идите и передайте наши слова и просьбу въ
уши милостиваго Богдо-Гесер-Хана», «Тяже хеле-
сенъ хой но дун ильчи, ехе мургуху унахасан боль-
чки байна»—т. е. сказавши такъ, сто послы
низко кланяясь,—пали ницъ (предъ богатырями).
Богатыри ушли къ Богдо-Гесер-Хану, чтобы пере-
дать ему все, что слышали отъ послы. *Арожи-
ире*—идучи—пришли и рассказали хану. Богдо-
Гесер-Ханъ выслушалъ внимательно разсказъ бога-
тырей и повелѣлъ передать посланнымъ, чтобы они
шли къ нему во дворецъ: богатырямъ же прика-
заль проводить ихъ. Исполнивъ волю Богдо-Гесер-
Хана, богатыри пошли въ стоянцѣ посланниковъ и
объявили имъ волю хана. Обрадованные посланники,
въ сопровожденіи богатырей, робко подошли ко
дворцу Богдо-Гесер-хана, но во дворецъ не рѣшались

войти и боязливо (айха) остановились у воротъ
(ирьинькы) его. Ожидавшій ихъ Богдо-Гесер-Ханъ—
увидалъ ихъ, понялъ ихъ беззливость и громко,
но милостиво сказалъ «наша прихтуй, наша, наша
прихтуй!»—сюда идите, сюда, сюда идите! По-
сланники ободрившись, вошли во дворецъ и прибли-
зились къ Богдо-Гесер-Хану и лишь только взгля-
нули ему въ лице, какъ ими обуялъ страхъ и, въ
страхѣ, они упали ницъ. Ласковое же слово Богдо-
Гесер-Хана привело ихъ въ чувство, они оправди-
лись отъ испуга, поднялись и низко поклонились
хану. Богдо-Гесер-Ханъ благословилъ ихъ (одиса уго)*,
а потомъ велѣлъ разсказать причины, почему пос-
лы кажутся такими забитыми, угнетенными и за-
чѣмъ пришли къ нему. Послы, отвѣчая на вопросы
хана, приложили ладони рукъ ко лбу и подробно
разсказали бѣдственное положеніе земли Тан, звѣр-
ство Ан-Дулма-хана и цѣль своего посланничества.

Выслушавъ внимательно разсказъ послы,
Богдо-Гесер-ханъ велѣлъ своимъ барабанщикамъ бить
тревогу: что есть силы колотить въ барабаны, дутьъ
въ раковины и играть въ трубы, чтобы собрался
народъ. Между тѣмъ, все старшіе военны (чиню-
ники) были уже въ сборѣ и окружили «на совѣтъ»
Богдо-Гесер-Хана. Вскорѣ на кличъ хана собралась
35 богатырей и 300 родовъ со своими родоначаль-
никами. Собраннымъ,—Богдо-Гесер-Ханъ объявилъ,
какое несчастье постигло пять хошуновъ земли
«тан»: при этомъ сказалъ, что нужно имъ помочь
и избавить эти хошуны отъ ига Ан-Дулма-Хана;
не позволять ему обижать своихъ подданныхъ и
тѣмъ не причинить худой славы своему ханству.

На званіе хана, богатыри и собравшіеся
родовичи единогласно отвѣтили: «что мы можемъ
подѣлать съ такимъ сильнымъ и чудовищнымъ
ханомъ, какъ Ан-Дулма, въ сердцѣ котораго
тьма ушей, который имѣетъ тысячу глазъ, силенъ
какъ Арха, съ такими крѣпкими ногами, какъ у
восьми абарга-могоевъ и конь котораго величпной
съ гору?»

На такой трусливый отвѣтъ собравшихся
одинъ изъ числа тридцати пяти богатырей, въ

*.) Благословеніе состоитъ въ возложеніи на голову
спичкиаго свѣчка.

имени *Шумар* разсмѣялся и проницательно отвѣтилъ: «Гмъ,—вотъ такъ бѣда!» Самъ же Шумаръ въ душѣ былъ радъ, что въ будущемъ предстоитъ война и будетъ возможность развернуть свою силу богатырскую. Стоящій же по соседству съ нимъ, богатырь *Буйдуна*, любимецъ Богдо-Гесер-Хана, обиженъ насмѣшливымъ замѣчаніемъ своего товарища, богатыря Шумара и обратился къ насмѣшнику съ такою рѣчью: «ты шутникъ Шумаръ, не дослушавъ до конца рѣчи Богдо-Гесеръ-хана, чего смѣешься! Дай прежде старшимъ вымолвить свое слово!»

Шумаръ былъ пристыженъ рѣчью Буйдуна, и, чувствуя себя виновнымъ въ томъ, что смѣхомъ нарушилъ рѣчь хана, замолчалъ и ничего не отвѣтилъ на замѣчаніе гордаго своего ненавистника, богатыря Буйдуна.

Между тѣмъ Богдо-Гесер-Ханъ обратился къ своему любимому богатырю Буйдуну и спросилъ его: «что же будемъ дѣлать?»

Буйдунъ, приложивши руки ко лбу, отвѣтилъ:

«Великій и могучій Богдо-Гесер-ханъ! Пошли пословъ къ своимъ подвластнымъ пяти ханамъ и поведи имъ собраться со своими войсками на войну».

Богдо-Гесер-Ханъ послушалъ совѣта своего любимца Буйдуна и разослалъ пословъ. После той часъ же отправились объявить волю Богдо-Гесер-Хана десяти ханамъ.

Въ это время богатырь Шумаръ и товарищъ его богатырь же *Намзар*, чувствуя въ себѣ избытокъ, просившейся на просторъ силы, заявили Богдо-Гесер-Хану: что «сила богатырская разгулилась въ нихъ, и они не (могутъ) удержать себя отъ желанія помѣриться со съ богатырями Ан-Дулма-Хана».

«Сбора десяти Хановъ, сказали богатыри, когда дождемся мы? Пусть насъ вдвоемъ на борьбу съ войсками и богатырями Ан-Дулма-Хана! *Доторо баржси каабда!* не можемъ удержать скрытой въ насъ силы. Богдо-Гесер-Ханъ! Отправляй насъ!»

На эту просьбу богатырей Гесер-Ханъ отвѣтилъ:

«Шумар! Подожди! Что торопишься? Сердце у тебя какъ бурый камень, а когти какъ у орла!

Намзар! У тебя сердце какъ черный камень, а когти какъ у ястреба!»

«Что вы торопитесь. Не насмѣшите бы вамъ людей и не посрамите бы меня,—Богдо-Гесер-Хана! Подождите, не горячитесь! Пусть соберутся все ваши богатыри и родовичи, десять хановъ съ войскомъ, мы тогда и подумаемъ, что дѣлать! какъ избавить землю «танъ» отъ чудовища Ан-Дулма-Хана».

Послѣ такого отвѣта—Шумаръ остался у Богдо-Гесер-Хана, а товарищъ его Намзаръ, опечаленный, уѣхалъ домой.

Богатыри и войско медлятъ со сборомъ. Но какъ только лишь дошла вѣсть до богатырей, что любимецъ ихъ, могучій Шумаръ, живетъ у царя, они, въ числѣ тридцати собрались идти къ Богдо-Гесер-Хану; къ нимъ присоединилась и 300 родовъ. Подступили ко дворцу. Какъ только Шумаръ увидалъ, что ко дворцу Богдо-Гесер-Хана идетъ войско съ богатырями, онъ, не узнавши, что это свои, помчался къ хану и торопливо сказалъ ему: «вотъ ханъ, ко дворцу, движется чужая сила, идетъ войско и богатыри Ан-Дулма-Хана!» Не дожидая отвѣта Богдо-Гесер-Хана, Шумаръ сѣлъ на коня и помчался на встрѣчу идущему войску, горя желаніемъ сразиться съ нимъ. Желаніе борьбы затемнило зорь Шумара, онъ, на своемъ богатырскомъ побѣгу, ничего не видѣлъ, ничего не замѣчалъ и мчался прямо на войско и богатырей. Богатырь Буйдунъ, бывшій во главѣ войска, замѣтилъ ослѣпленнаго въ своей ярости Шумара и громко вскрикнулъ: «Шумаръ! Ты что дѣлаешь? Куда лѣтшишь какъ бѣшеный? Зачѣмъ разъярился какъ левъ? Чего ради, разъяренный, мчишься съ обнаженной саблей (сазме) къ намъ на встрѣчу? Образумься!»

Громкій голосъ знакомаго богатыря Буйдуна, отрезвилъ Шумара—онъ пришелъ въ себя, узналъ войско и богатырей, сдержалъ коня, опустил сазму и громко расхохотался.

Обиженный смѣхомъ Шумара, Буйдунъ сказалъ: «что ты, Шумаръ, безъ толку смѣешься? Лучше бы ты попробовалъ выѣхать на встрѣчу войску и богатырямъ Ан-Дулма-Хана, да сразился бы съ нимъ и, сражаясь, захохоталъ—это другое

—или войско Гесер-Хана идетъ, — или же небожитель Хормуста — послалъ громъ; кромѣ этого другаго причины быть не можетъ!»

Когда Ан-Дулма-Ханъ находился въ такомъ задумьи, къ нему прибѣжали пастухи, у которыхъ были богатыри — Улан-Нгодунъ и Буйдунъ, угнали табуны бѣлыхъ лошадей. Пастухи эти повѣдали другъ о другѣ: «пришли къ намъ два страшныхъ богатыря и объявили, что въ землю твою пришелъ могучій и сильный Богдо-Гесер-Ханъ со своими тридцатью семью богатырями и требуетъ, чтобы мы, твои подданные, подчинились ему, иначе грозитъ оторвать у тебя, ханъ, шнадцать головъ твоихъ, взять себѣ твою жену Бадмару, имущество и истребить войско. Служанники Богдо-Гесер-Хана сильно страшны: глупы — будто ихъ два человѣка, а какъ закричали — раздавалась тьма темъ голосовъ, мы перепугались и не смогли противиться угону твоихъ табуновъ.»

Выслушавъ такой рассказъ своихъ пастуховъ, Ан-Дулма-Ханъ еще больше испугался, захлопалъ руками задоши.....

На этомъ старуха монголка окончила свой рассказъ.

Приведенная сказка есть почти дословный переводъ съ монгольскаго; и текстъ записанъ со словъ рассказчицы. Если бы я просто слушалъ сказку, а не записывалъ словъ ея, то, конечно, старуха успѣла бы досказать всю *Хушинъ Туши* (старую исторію), конецъ которой, между прочимъ тотъ, что Гесер-Ханъ побѣдилъ Ан-Дулма-Хана, женился на красавицѣ его женѣ Бадмарѣ, освободилъ пять хошуновъ земли «Тан», возвратился въ свое царство и благодушествовалъ.

Богдо-Гесер-Ханъ одна изъ чтимыхъ монголами личностей; про него есть множество легендъ не только среди монголовъ, но и среди бурятъ. Ханъ считается святымъ и буддисты въ честь его строятъ *буудны* (храмы) и приносятъ ему жертвы, шаманисты же совершаютъ тайлогоны.

4 Июля. Сегодня дождь хотя и прекратился, но день былъ сырой, сумрачный и нависшія грозныя тучи, тяжелой массой двигались по горизонту, то и дѣло угрожая брызнуть холоднымъ, пронизывающимъ дождемъ; неприятно было въ такую погоду

выѣзжать, какъ то не хотя, вяло вьючили мы лошадей и со всѣмъ таки не «бодро» отправились въ путь.

Отъ юрты заланки мы поѣхали къ берегу о. Кубсгула; миновали, не пробудившуюся еще отъ зимняго оцѣпененія, лиственничную рощу, называемую *Улан-модон*. По срединѣ этой рощи протекаетъ небольшая, съ узкимъ каменистымъ русломъ и пологими берегами р. *Дылыр-будукъ 2-й*. Теченіе Делгир-будука не болѣе 15 верстъ, и при впаденіи въ о. Кубсгулъ онъ теряется въ болотистыхъ берегахъ его. Въ роицѣ Улан-модон и близъ опушки ея, то и дѣло встрѣчались намъ обглоданные остовы рогатаго скота и лошадей, павшихъ весной отъ безкормицы. Суровая снѣжная зима и холодная весна причинили много горя номадамъ; по рассказамъ ихъ отъ безкормицы пропала третья часть ихъ всего наличнаго скота.

За бродомъ чрезъ р. Делгир-будукъ, мы поѣхали болотистымъ берегомъ о. Кубсгула. Озеро, какъ было уже замѣчено, не освободилось отъ льда, но въ этомъ мѣстѣ забереги уже были большія, въ нихъ столпились массы разной перелетной птицы, оглушающей воздухъ своимъ надобѣдливымъ токомъ и крикомъ. Однимъ выстрѣломъ изъ винтовки мы спугнули эту птичью массу и убили одного лебедя.

Продолжая идти болотистымъ берегомъ, мы вконецъ перебрали чрезъ р. *Шургак*. Рѣка эта, какъ и большинство притоковъ оз. Кубсгула, — не широка, маловодна, съ пологими берегами, усаженными, какъ и русло, мелкой галькой; пространство ея теченія не болѣе десяти верстъ. Слѣдующая за этой рѣкой, которую мы такъ же перѣхали въ бродѣ, называется *Мангарга*. Рѣка Мангарга одна изъ значительныхъ и по длинѣ своего теченія, — до 40 верстъ, — равняется р. Хореть. Русло ея широко, теченіе, хоть и не глубоко, зато быстро и въ прибыль опасно для перехода. Противъ устья р. Мангарга, начинается полуостровъ, омываемый водой оз. Кубсгула; извѣстный *подъ именемъ Долои-ула* (семь горъ). Какъ само названіе показываетъ, полуостровъ этотъ весь состоитъ изъ горъ, которыя густо покрыты лиственничнымъ лѣсомъ. Правый берегъ устья р. Мангарга возвышенъ и песчанъ. На одной изъ площадокъ его, монголь, по имени Хамбулай, поставилъ

свое лѣтнее стойбище. Близъ юрты, почти на самомъ берегу оз. Кубегула, онъ построилъ деревянный амбарчикъ. Мы приворотили къ Хамбулаю. Монголь этотъ старый мой знакомый. Онъ часто бывалъ въ Тункѣ съ торгомъ, т. е. привозилъ для продажи масло, кожи и рыбу. Живя у берега озера, онъ пріохотился «добывать» рыбу и ловить ее не татуромъ, а имѣть для этого большую рыболовную сѣть и осенью приготовляетъ для продажи не менѣе семидесяти пудовъ налимовъ, хайрюзовъ и др... Рыбу свозить въ Тунку и обмѣниваетъ на хлѣбъ и другіе товары: кожи выдѣланныя, сукно, миткаль и пр. Товаръ опять таки обмѣниваетъ уже монголамъ на масло и мелкій скотъ. Однимъ словомъ Хамбулай торговецъ, а не скотоводъ. Благодаря труду своему и торговлѣ, онъ живетъ безбѣдно. Въ юртѣ у него есть много предметовъ русскаго быта: мѣдныя кастрюли, котелки, чайники, чисто вычищенные, блестятъ на полкахъ юрты; водятся у него стаканы, скатерти, сапоги, русскія рубахи, шали; чаю онъ не пьетъ безъ затурану, а тѣмъ болѣе не заставляеть его нужда, какъ другихъ номадовъ, замѣнять чай листовичной корой. Знаеть Хамбулай нѣсколько русскихъ фразъ и при встрѣчѣ съ *Оросомъ*, щеголяетъ своимъ знаніемъ, безсвязно и безцѣльно передавая ему заученныя фразы. Весной и зимой Хамбулай живетъ въ войлочной юртѣ, на лѣто же остовъ юрты обтягиваетъ бѣлой бязью, чего не приходилось мнѣ встрѣчать у другихъ монголовъ. Мало также я знаю, чтобы кто нибудь изъ номадовъ любилъ свою жену такъ, какъ любить ее Хамбулай. Жена Хамбулая по жизни то, что мы разумемъ подъ именемъ «бѣлоручки». Въ былое время мнѣ доводилось проживать у гостепріимнаго этого номада дня по два, и я съ удивленіемъ всегда замѣчалъ нѣжность и заботливость его въ отношеніяхъ къ женѣ. Хамбулай всегда рано до восхода солнца встаетъ, но жены не будить; мало этого, чуть ли не на цыпочкахъ ходитъ, чтобы не потревожить сонъ бабовницы; тихо безъ шороха разведеть огонь въ очагѣ, поводитъ коровъ, вскипятить чай и молчаливо ждетъ, покуда его *латунь* (барыня) проснется; затѣмъ поможетъ ей одѣться, подаетъ унты (сапоги), найдетъ шапку и, когда она, одѣвшись, усядется,

подаетъ ей чай. Если бы монголы имѣли обыкновеніе умываться, то Хамбулай навѣрно самолично умылъ бы лице своей женѣ. У жены же его дѣйствительно «рожа», она не красива: съ толстыми, лоснящимся отъ жира лицомъ, притомъ изрытымъ оспой; выраженіе лица сонливое, апатичное. Избалованная мужемъ, она все время проводитъ только въ лѣдѣ и спаньѣ. Но вотъ замѣчательно—первая жена Хамбулая, съ которой онъ обращался также заботливо, угождать ей во всемъ, сбѣжала отъ него; живетъ теперь у бѣдняка и притомъ буяна, который ее зачастую колотитъ. Что побудило номадку бросить своего мужа, обращающагося съ нею съ заботливостію хорошей няньки и уйти къ бѣдняку и буяну?...

Отдохнувши у Хамбулая, мы продолжали идти берегомъ о. Кубегула и на своемъ пути перешли чрезъ устья рѣкъ: а) *Бисылонк* и б) *Узур-хушу*. Первая изъ этихъ рѣкъ имѣетъ протяженіе до 30 верстъ, а вторая только около десяти. Отъ верховьевъ р. Узур-хушу, Саянскій хребетъ дѣлаетъ крутой заливъ къ западу и служиваетъ долину берега оз. Кубегула, а отдѣлившійся отъ него отрогъ *Улей*, принявъ дугообразное направленіе къ западу, перегораживаетъ долину и скалистыми обрывами упирается въ оз. Кубегулу. Вся долина оз. Кубегула тянется на протяженіи сорока верстъ. Съ запада ее ограничиваетъ хребетъ Саянскихъ горъ, съ сѣвера замыкаетъ отрогъ его *Уктурукъ*, а съ юга отрогъ же *Улей*.

Мы долго просидѣли у Хамбулая, такъ что когда перешли рѣку Узур-хушу, было уже поздно; солнце закатывалось, и мы не рѣшились продолжать путь, тѣмъ болѣе, что предстоятъ подъемъ на отрогъ Улей; выбрали чистенькое, не каменистое мѣстечко и остановились на ночлегъ.

Отъ стойбища Заланки до р. Узур-хушу—мѣста нашего ночлега—не болѣе двадцати пяти—тридцати верстъ.

Только что мы сварили чай и принялись ужинать, къ нашей палаткѣ подѣхали три монгола. Разговорились. Предметомъ разговора была не скончаемая, скорбная повѣсть бѣдствій, какія причинила зима и холодная весна. Одинъ изъ монголовъ, на-

шихъ собесѣдниковъ, разсказать намъ между прочимъ, что у него и оставшаяся часть овецъ, *объятая* той же травой, пропала. Монголы, прежде были судды всякаго понятія о цѣнности земли, чужды пониманія неотъемлемости правъ на нее одного только лишь какого нибудь улуса, живущаго въ известной мѣстности и что на эту мѣстность, кромѣ ихъ жителей, не имѣетъ никто другой права. Скотъ урянхайцевъ свободно ходилъ лѣтомъ и зимой по землѣ дархатцевъ, а дархатцевъ по землѣ урянхайцевъ, и никому изъ монголовъ не приходило въ голову, что можно воспретить, положимъ дархатцамъ, пускать скотъ въ кочевья урянхайцевъ. Безкормица же, частыя засухи въ последнее время, поставили этотъ вопросъ ребромъ и у номадовъ, обладающихъ безмѣрными пространствами свободной земли. Въ шивунскую зиму, въ дархатской равнинѣ выпалъ глубокий снѣгъ, такъ что скоту трудно было добыть себѣ изъ подъ массы снѣга кормъ; въ прибрежьяхъ же о. Кубсугуда снѣгу было меньше. Такъ вотъ—часть дархатцевъ и перекочевала для кормежки скота въ землю урянхайцевъ. Конечно, урянхайцы за это не были въ претензіи, да имъ и странно бы показалось, если бы дархатцы, скочевники, вздумали бы просить у нихъ позволенія; съ ихъ стороны достаточно было бы заявить Залшу, что хотятъ къ нимъ кочевать—и дѣлу конецъ. Но вотъ глубокий снѣгъ выпалъ и въ равнинѣ о. Кубсугуда, за нимъ наступила безкормица, пришла холодная весна, скотъ, съ голоду, началъ вадать и у урянхайцевъ. Кого винить? Пришибленные обѣдой номады, придрались къ дархатцамъ и начали ихъ обвинять въ томъ, что скотъ ихъ вытравилъ кормъ: «если бы они де не скочевали, то корму хватило бы до новой травы и скотъ не валился бы съ голоду». Бесѣдующій съ нами монголъ, разсказывая обо всемъ этомъ, въ заключеніе прибавилъ, что урянхайское общество хочетъ жаловаться на дархатцевъ за то, что они прожили, безъ права на то, зиму въ ихъ кочевьяхъ, и скотомъ своимъ уничтожили подножный кормъ; хотятъ также жаловаться и на Залана, такъ какъ этотъ чиновникъ *не выдалъ въ свое время дархатцевъ изъ кубсугудской равнины...* Интересно бы знать, исповнили ли урян-

хайцы свои угрозы противъ дархатцевъ и выяснилась ли съ нихъ убытки за вытравленный кормъ? Во всякомъ случаѣ—важно уже и то, что и въ такой мало населенной и обширѣйшей по пространству странѣ, какъ Монголія, выдвинулся, хотя и случайно, этотъ агучій въ Европѣ, аграрный вопросъ..... Между прочимъ, я имѣю свидѣнія, что урянхайцы въ этомъ году требовали уже съ алтайскихъ скотогоновъ кортомную плату, за понасъ скота въ ихъ зимнихъ кочевьяхъ. Этого прежде не бывало. Въ данномъ случаѣ, къ монголамъ примѣнима малорусская пословица «оглядывайся—якъ выльмь».

5 Июня. Отъ Улей — до Дархатской равнины — урочища «Пон».

Дальше продолжать дорогу берегомъ о. Кубсугуда намъ уже было нельзя. Отрогъ Улей-дабана заграждалъ путь, и мы должны были проститься на время съ дорогой по равнинѣ, повернуть на юго-западъ и подыматься на вершину Улей-дабана. Нужно замѣтить, что съ вершины Улей-дабана прямо съ запада, выпала довольно значительная рѣка Улей, называемая урянхайцами *Улууну*, разсѣкая отрогъ какъ бы пополамъ. По берегу этой то рѣки, мы, оставивъ р. *Узур-хуну* и начали дѣлать подъемъ. Почти съ самаго начала подъема намъ пришлось проститься съ сухой дорогой и, такъ сказать, вспомнить реально, перевалы разныхъ Камарыковъ, Харадабановъ и проч. Восточный склонъ Улей-дабана каменистъ, грязенъ, въ печатѣ пологъ, въ верхнихъ же своихъ крутѣ и труденъ для подъема. Благодаря ненастной погодѣ, дорога была особенно грязна, что сильно затрудняло подъемъ; во многихъ мѣстахъ кони положительно увязали въ болотѣ; приходилось слезать съ сѣдла и тащиться цѣпкомъ по тонкой грязи. Немало также затрудняють дорогу и частые переѣзды чрезъ р. Улей.

Горная рѣка Улей съ крутымъ паденіемъ, русло ея усѣяно крупнымъ булыжникомъ и сильно извилисто, такъ что до верховьевъ ее приходится переѣзжать минимумъ десять разъ. На половинѣ подъема съ вершины Улей-дабана, съ сѣверо-западной стороны его, вышелъ еще распадокъ *Мухур-жала* (туная падь); по дну этого распадка протекаетъ ручеекъ. Отъ Мухур-жала подъемъ стано-

вится круче и круче, такъ что трудно взобраться на него, сидя въ сѣдлѣ, и мы взошли на него нѣшкомъ. Поднявшись на вершину Улей-дабана, мы увидѣли великолѣпную картину. Нужно замѣтить, что вершина Улей-дабана, среди толны окружающихъ его горъ, выдѣляется своею возвышенностію, такъ что перспектива кругомъ открыта; съ вершины горы мы въ послѣдній разъ взглянули на оз. Кубегуль и увидѣли его чуть ли не во всемъ его объемѣ: не растаявшая его ледная поверхность, освѣщенная солнцемъ, особенно ярко блестѣла своей бѣлизной, съ отливомъ синевы, рѣзко отбѣгая свои края мрачныхъ, черныхъ горъ, отовсюду столпившихся непрерывной цѣпью вокругъ элинеиса, какимъ кажется оз. Кубегуль. На бѣломъ днѣ этой, съ черными краями, чаши, видны только лишь два грязныхъ пятна—это *Хуй-аралъ* (островъ Хуй^{*)}), и другой, островъ же, безымянный. Таковъ видъ на востокъ. Рѣки же Улей, благодаря извилистости распадка, вовсе не видны. Глядя на сѣверъ, глазамъ представляется еще больше грандіозная картина,— всю прелесть и величіе которой составляетъ видъ на бѣлоснѣжную гигантскую главу Саяна—Мунку-Сардыкъ, обозрѣвающийъ безчисленную толпу горъ разной величины и формъ. Изъ этой толпы, рельефъ Мунку-Сардыка рѣзко выдѣляется какъ своимъ очертаніями и вышиной, такъ въ особенности, своей бѣлоснѣжной шапкой. Это вдаль. Вблизи, съ этой же стороны, на распадокъ *Мухур-жала*, дно котораго кажется громадной глубокой стремниной, съ змѣйкой вьющейся на днѣ ея лентой ручья; бока стремнины будто совершенно отвѣсны^{**}). На западъ же и югъ видны одни только лишь слившіяся верхушки массы горъ, кажущихся равниной, сплошь заросшей дѣсомъ. Одинъ изъ склоновъ самого Улей-

дабана, именно западный, весь устланъ, не выдержавшимъ борьбы съ ураганомъ, дѣсомъ. Полная картина разрушенія! Къ верху торчали не верхушки деревьевъ, а сухія, переплетшіяся между собою коренья.

Съ вершины Улей-дабана два спуска. Первый и болѣе короткій идетъ сначала, по гребнѣ дабана—такъ съ полверсты; затѣмъ спускъ крутымъ каменистымъ косогоромъ въ долину рѣки *Хашимъ*. Рѣка *Хашимъ* омываетъ южный склонъ Улей-дабана и впадаетъ въ Кубегуль. Длина ея теченія не болѣе 25 верстъ; ложе узкое, рвомъ, усыпано мелкимъ щебнемъ; теченіе быстро, бурливо; оба берега болотисты. Но ѣзду по этой дорогѣ избѣгаютъ, въ особенности съ вьючными лошадыми. Ширина гребня Улей-дабана не болѣе трехъ сажень; по бокамъ же его почти отвѣсныя пропасти; кромѣ этого, поверхность гребня усыпана крупными, остросеребристыми камнями, такъ что вьючному коню, споткнувшись о камень, легко оборваться и улетѣть въ стремнину; если же мы вспомнимъ, что и спускъ каменистъ и крутъ, то и понятно, почему мало ѣздятъ по этой дорогѣ; хотя она и пряма по направленію въ дархаты, по ее по указаннымъ причинамъ, избѣгаютъ.

Другая дорога: съ Улей-дабана, послѣ подъема на него, идетъ спускъ по южному склону въ долину той же рѣки *Хашимъ*. Спускъ крутой, грязенъ и почти сплошь покрытъ кедровникомъ, только у подошвы его кедровникъ замѣняется лиственницей. Подошва Улей-дабана, въ мѣстѣ спуска, и дальше, болотиста, мѣстами сильно тонка и малодобна для ѣзды, но ее все-таки предпочитаютъ ѣздѣ по гребню; такъ какъ, хотя и грозитъ бѣда завязнуть въ болотѣ, зато нѣтъ опасности оборваться въ стремнину съ вершины Улей-дабана, про которую Гр. Н. Пот. замѣтилъ, «что хотя сѣсть на ней и равносходитъ, но она должна быть выиска». Мы выбрали второй путь и, спустившись, пошли вдоль лѣваго берега р. *Хашимъ*. У мѣста соединенія этой дороги со спускомъ съ косогора Улей-дабана, мы перешли на правый берегъ р. *Хашима* и у сдѣланнаго изъ лиственничной коры балагана, на сухой площадкѣ, остановились дать отдыхъ конямъ, «умаившимся» горнымъ, болотистымъ переходомъ. Балаганъ, въ кото-

*) *Хуй-аралъ* весь покрытъ дѣсомъ. По рассказамъ монголовъ, на этомъ островѣ водятся множество дѣрей, изюбри, косули, медвѣди, лоси, козы. Но ни одинъ изъ монголовъ не рѣшился даже снѣгнуть дѣря. Дѣло въ томъ, что островъ этотъ считается священнымъ, а значитъ священно и все то, что растетъ и живетъ на немъ. Были попытки русскихъ—поохотиться на этомъ островѣ, но монголы безусловно запретили. Монголы до того проникнуты уваженіемъ къ острову «Хуй», что если даже увидятъ, что положимъ зимою дѣря вымерзъ изъ Улей-дабана къ берегу Кубегуля и направился идти къ острову, то монголы ни за что не рѣшится убить этого дѣря.

***) *Мухур-жала* иначе называется *Сад-улей* (дальній улей).

ромъ мы остановились, построивъ алтайскимъ скотогономъ Ошлыковымъ. Въ 1880 году алтайцы, транспортируя скотъ изъ Бійскаго и Минусинскаго округовъ, занесли чуму и въ сѣверо-западную Монголію. Нѣсколько партій чумнаго скота прошло и до нашей границы. Апатичные въ началѣ къ дѣлу монголы, одумались, когда у нихъ чуть ли не на половину вывалилось скота. Тогда они запретили алтайцамъ прогонять скотъ чрезъ свои кочевья. Между прочимъ же Ошлыковъ какъ то успѣлъ прогнать свой чумный скотъ чрезъ дархатскую равнину; за то урянхайцы рѣшительно воспротивились впуску его скота въ долину оз. Кубегула и не позволили Ошлыкову перевалить чрезъ Улейскій-дабанъ, служащій границей между землею дархатцевъ и урянхайцевъ. Ошлыковъ было вздумалъ воротиться назадъ и чрезъ дархаты, обогнувъ южный конецъ оз. Кубегула, пройти восточной его стороной, гдѣ нѣтъ кочевьевъ и добраться до нашей границы, но и дархатцы не позволили ему этого сдѣлать, и не пропустили скота чрезъ свои кочевья, такъ что скотогонъ долженъ былъ остановиться у подошвы южнаго склона Улей-дабана. Лишенный возможности двинуться съ мѣста со своимъ скотомъ, Ошлыковъ выстроилъ себѣ балаганъ и жить въ немъ цѣлый мѣсяць. Изъ громаднаго, въ нѣсколько сотъ гурта, у него осталось не болѣе десятка быковъ, остальной же скотъ, пораженный чумой, палъ. Самъ собой, что Ошлыковъ и не думалъ ни жечь, ни зарывать павшій скотъ; напротивъ обдиралъ съ него кожи и продавалъ ихъ. Впослѣдствіи урянхайцы жаловались на скотогоновъ нашему Ургинскому консулу. Изъ послѣдствій этихъ жалобъ мнѣ извѣстенъ одинъ только случай уплаты убытковъ: именно Горазинъ, по соглашенію съ урянхайцами, заплатилъ имъ около трехъ сотъ рублей.

Оставивъ балаганъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ отошли и отъ рѣки Хашимъ на юго-западъ. За поворотомъ отъ рѣки, влѣво отъ дороги, высится громадный, въ то время покрытый снѣгомъ, гонецъ *Кацгаръ*. Кацгаръ также отрогъ Саянскаго хребта,—въ началѣ низкій, пологій, но все болѣе и болѣе возвышающійся, по мѣрѣ приближенія къ берегамъ оз. Кубегула. Кацгаръ отдѣлился отъ Саянскаго хребта

съ сѣверо-запада и тянется параллельно съ Улей-дабаномъ.

Намъ предстоялъ перевалъ чрезъ Кацгаръ, поэтому мы нѣсколько отклонились къ сѣверо-западу и прошли вдоль подошвы строга до болѣе отлогатаго перевала чрезъ него, извѣстнаго подъ именемъ *Нуцугун-даба*. Подъемъ на Нуцугун-дабанъ пологъ, зато болотистъ, хотя и не вязокъ. На вершинѣ перевала нѣтъ древесной растительности, если не считать за такую, изрѣдка, въ одиночку, торчащія корявыя, подсушившія листвяны; склоны же окружающихъ горъ, вмѣсто травы, покрыты оленьимъ мхомъ. Спускъ съ Нуцугунъ-дабана менѣе болотистъ, и оканчивается въѣздомъ въ долину р. *Хургултай*, принадлежащей уже къ системѣ р. Енисея. Такимъ образомъ, значить, хребетъ *Кацгаръ* служитъ водораздѣльнымъ хребтомъ водной системы собственно оз. Кубегула и р. Енисея. Не широкая, покрытая лѣсомъ равнина, примыкающая къ правому берегу р. Хургултай, называется *Голей-мон-шала*. Проходомъ этой равнины мы дошли до устья р. *Туро*, праваго притока р. Хургултай; перебрали на тотъ ея берегъ и въ листвяничной роцѣ, послѣдней названіе «*Понъ*», остановились ночевать.

Роцѣ эта названа *Понъ*мъ вотъ по какому случаю. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, пркутскій мясникъ *Понъ* ѣздилъ по кочевьямъ Дархатцевъ за закупомъ скота. Заболѣлъ. И, больной, выѣхалъ изъ Дархатъ. Остановившись же у устья р. *Туро* ночевать, на завтра не могъ двинуться съ мѣста; усилившіеся симптомы болѣзни лишили его всякой возможности продолжать путь верхомъ. *Понъ*мъ пролежалъ недолго и вскорѣ умеръ. Бывшіе съ нимъ работники, вырыли въ роцѣ яму, похоронили его и уѣхали. Монголы же узнавъ о смерти *Понъ*мъ, прѣехали на мѣсто погребенія его, разрыли могилу, вынули тѣло, отвезли его на вершину одной изъ горъ и тамъ бросили на поверхности земли. Извѣстно, что монголы считаютъ грѣхомъ зарывать трупы въ землю. Мѣстность же, гдѣ которой былъ погребенъ *Понъ*мъ, съ тѣхъ поръ и стала называться «*Понъ*», т. е. фамиліей мясника, которую знали монголы, отбросившіе отъ нее приставку «*онъ*». Раньше же, до этого случая, мѣстность эта называлась *Угунъ*

удожир, последнее названіе уже почти забылось; урянхан и дархатцы всегда называютъ ее «*Пон*».

Въ роцѣ «*Пон*» мы, послѣ береговъ р. Хала-угуна, что близъ Турана, въ первый разъ встрѣтили родъ акаціи, извѣстной въ Монголіи подъ именемъ *Темени-гул*—хвостъ верблюда. Стебловидная эта акація была уже отъ корня и до верхушекъ облечена бѣлыми цвѣточками, совершенно скрывшими иглы растенія. Это первые признаки лѣта, какіе только мы видѣли до сихъ поръ.

Равнину «*Пон*» съ сѣвера сопровождаетъ горный хребетъ, называемый *Яман-хада* (гора козла), подошву котораго и омываетъ р. Хургултай, правый притокъ р. *Арасай*.

Пройденное сегодня пространство будетъ, приблизительно, около 25 верстъ.

6 Июня. *Въздѣ въ Дархаты*. Торопясь поскорѣй доѣхать въ Дархаты, мы рано утромъ обвьючили лошадей и тронулись въ путь.

По выходѣ изъ роцѣ *Пон*, небольшое пространство прошли болотомъ, которое кончилось у опушки лѣска, и дорога дальше потянулась по ровной, каменистой равнинѣ *Убырей-чоло* (камни горы). Равнину эту съ сѣверо-запада пересѣкаетъ русло ручья *Билбулукъ*, которое наполняется водой только въ ненастье. Мѣстность *Убырей-чоло* ровная, гладкая, ориентируясь въ ней, кажется, будто она окаймлена со всѣхъ сторонъ горами: впереди дороги виднѣтся *Худулуй-байса* (скалы сваты), направо *Халзан-байса*; на лѣво *Хурри-байса*. Склоны этихъ горъ обнажены, скалисты и у подошвы усыяны каменными розсыпями (атхара). Держась юго-западнаго направленія, мы велѣдъ за проходомъ равнины *Убырей-чоло*, перешли сухое русло р. *Арасай*. Рѣка *Арасай* беретъ начало съ хребта *Кацгаръ*; послѣ десяти-верстнаго теченія, вода ея близъ равнины *Убырей-чоло* входитъ въ землю и затѣмъ, ниже, чрезъ пятнадцать верстъ вновь течетъ по поверхности земли и обращается въ широкую, многоводную, со степеннымъ характеромъ, рѣку и впадаетъ въ оз. *Тарюнь-нуръ*. Все пространство теченія *Арасай*—отъ верховьевъ до впаденія, монголы опредѣляютъ четырехдневной ѣздой, что будетъ равняться ста двадцати, либо пятидесяти перстамъ.

Миновавъ сухое русло рѣки *Арасай*, мы опять вошли въ лиственничную роцу; упоминаю я объ этомъ потому, что роца эта единственная въ своемъ родѣ; лиственница растетъ въ такомъ порядкѣ, что такъ и кажется, будто кто нибудь ее нарочно, соблюдая симметрію, насадилъ. Деревья всѣ молоденькія, вонь лѣса чистый, деревья были уже въ цвѣту, который какъ бы обильно воздухъ ароматомъ. Извѣстно, что лиственъ, во время цвѣта и роста хвой, издаетъ сильный и пріятный бальзамическій запахъ. Лѣвую сторону роцѣ, считая отъ дороги, окаймляетъ гряда довольно высокыхъ горъ хребта *Саган-хада* (бѣлая гора). Оконечности *Саган-хада* пирамидальны. Съ противоположной стороны отъ *Саган-хада* эта же роца упирается въ подошву отрога *Адуи-чоло*. Въ самой роцѣ, кромѣ лиственн., растутъ еще тополи, въ первый разъ встрѣченные нами послѣ р. *Пркута*. За роцей мы вновь перешли русло рѣки *Арасай*, сдѣлавшей здѣсь изгибъ, и подвинулись на небольшой, покрытый лѣсомъ, дабанъ по имени *Шокшого*. Подъемъ, какъ и спускъ съ *Шокшого*, болотисты и грязны, особенно сѣверовосточный склонъ его. Сейчасъ же послѣ спуска вновь подъемъ на пологій и совершенно сухой отрогъ *Бурхани-дабан* въ переводѣ—священную гору. На самой вершинѣ *Бурхани-даба* стоитъ «*Мани*», такъ называются два столба, поставленные въ видѣ воротъ, съ крышкой на верху; столбы эти иерисаны шестью священными звуками *Ом-ма-ни-бад-ме-хомъ*.

Вотъ между прочимъ описаніе этого мани. (Рисунокъ же къ нему прилагается въ концѣ).

Спустившись съ *Бурхани-дабана*, мы въѣхали въ *Дархатскую* равнину; перешли въ бродъ небольшую рѣку *Синг-Бурукъ* (бѣлый ключъ). За *Саган-бузукомъ* начинаются священныя роцѣ буддистовъ, рубить деревья въ которыхъ, строго воспрещено. Миновавъ роцѣ, мы увидѣли *Дархатскій* курень во всей его красѣ. Издали курень представляется какимъ то оазисомъ среди дикой, безлюдной степи. Оазисъ этотъ напоминаетъ собою деревушку,—тѣсно, безъ промежутковъ, свалнуноюя въ своихъ постройкахъ и въ общемъ имѣющую форму правильнаго овала. Надъ центромъ этого овала возвышается, съ громадной куполообразной крышей, зданіе, съ блестя-

шцами подвешенными гландами—это главный дукунъ (церковь). Весь оазисъ построены обнесены какъ бы одной общей деревянной оградой, съ множествомъ воротъ, окрашенныхъ охрой. Разсматривая курень и его постройки, мы незамѣтно подъѣхали къ заимкѣ Гр. Ив. Посылина, продавшей теперь крестьянину Томилону и близъ нея разбила свою палатку.

Въ Дархатахъ я специально занялся изученіемъ быта ламъ, условий монастырской жизни, отношеній общества къ монастырю и т. д. Наряду съ этимъ, ознакомился съ торговлей русскихъ въ Монголіи и сдѣлалъ нѣсколько экскурсій въ окраины Дархатской равнины. Собранный матеріалъ обилуетъ, и я думаю издать его отдельнымъ очеркомъ; теперь же, чтобы не терять нити разсказа и описанія мѣстности до береговъ Селенги, дѣлаю пропускъ и продолжаю дальнѣйшее описаніе пути.

ГЛАВА VII.

ОТЪ ДАРХАТСКАГО КУРЕНЯ ДО БАЛЬБРУКА

Гора «Дакъ».

Наряду съ изученіемъ края, главной нашей заботой было пріобрѣтеніе лошадей. Бельзя сказать, что легко было найти ихъ: Дархаты еще больше пострадали отъ зимней безкормицы, чѣмъ другія окраины Монголіи. Въ среднихъ числахъ іюня трава была еще настолько мала, что скотъ досыта не могъ найдаться, и «не заправился» *«хуше баргала ую»*, не набралъ силы, какъ говорятъ монголы. Положимъ, привели много лошадей для продажи, но купить ихъ трудно было рѣшиться, если не брать въ расчетъ, что чрезъ день — два проходы они или падутъ, или же, что неизбежно, откажутся везти насъ и вьюкъ. Дѣло покупки лошадей мы уладили только къ 20 іюня, заплативъ за шару замухрышекъ, невѣроятную по здѣшнему мѣсту цѣну, 75 рублей, но и тому были рады, хоть было намъ ѣхать.

И такъ, послѣ продолжительной остановки, необходимого условія, какъ для снаряженія экспедиціи

въ дальнѣйшій путь, такъ, еще болѣе, для возможности ознакомленія съ Дархатскимъ хашуномъ, важнымъ въ торговомъ отношеніи.—мы наконецъ тронулись въ дальнѣйшій путь къ берегамъ Селенги, избравъ дорогу къ *Балтискому* караулу, что на югъ отъ Дархатъ. Можно было бы ѣхать не этой дорогой, болѣе дальнею, а на *Хатхульскій* караулъ, что у южнаго конца оз. Кубсугла, но тогда бы не пришлось бѣгать въ верховьяхъ интересующей насъ рѣки *Демиръ-мурин*, почему мы предпочли сдѣлать крюкъ.

Отъ мѣста, гдѣ на болѣе или менѣе продолжительное время останавливаемся, какъ то не удается выѣхать въ «шору»: всегда найдутся такіе или другіе серьезные проволочки, задерживающія и замедляющія время выѣзда. То кони далеко ушли, то не такъ и не туда, буда бы слѣдовало, уложено, то оказывается порванной какая нибудь вещь, хотя раньше и знали, что она порвана, и твердили, что нужно ее исправить, но.... но все.... ну хоть не удавалось. Къ тому же, то съ тѣмъ, то съ другимъ новымъ «стала» (пріятелемъ) нужно проститься. То вспоминалось, что забыто спросить, какъ такое то мѣсто называется, то не распрошено, откуда известная рѣка вытекаетъ.... глядишь—и полдня прошло. Вопросы: что изъ нужного, необходимого забыто, вызываютъ сознаніе недоконченности дѣла, а это рождаетъ новые вопросы, требующіе немедленнаго, такъ сказать, на мѣстѣ удовлетворенія, немедленныхъ справокъ, иначе—или не у кого будетъ спросить, или же вовсе забудется. Въ такой суетѣ сборовъ и въ желаніи округлить свои свѣдѣнія о данной мѣстности и затратить своей свѣдѣній о данной мѣстности, не смотря на то, что съ вечера казалось все уже сдѣланнымъ и оконченнаго, остается только утромъ стать, осѣлать лошадей и выѣхать. Все это случилось и съ нами и благодаря чему мы выѣхали изъ Дархатъ не въ 7 часовъ утра, какъ предполагалось, а едва выбрались только лишь въ 3 час. пополудни.

День былъ хорошій, безоблачный — отмѣчаемъ это мы потому, что во все время нашего пребыванія въ Дархатахъ, почти не было ни одного дня, чтобы не шелъ либо дождь, либо снѣгъ.

Отъ Дархатъ въ Бильтыскій караулъ дорога сначала идетъ на юго-западъ, по кремнисто-песчаной степи. Въ четырехъ верстахъ отъ Дархатскаго куреня дорогу пересѣкаетъ р. *Джаргаланта* (имѣющая наслажденіе). Рѣка эта беретъ начало на сѣверо-востокѣ съ вершины горы, называемой *Сакирай Убыр*. Гора эта находится въ общей связи съ вѣтвью Саянскаго хребта, ушедшаго отъ Становаго хребта на югъ и перерѣзывающую степь западнаго берега оз. Кубсгула. Рѣка Джаргаланта имѣетъ горный характеръ, быстра и камениста; протекая же близъ куреня, дѣлается покойной, съ пологими, песчаными берегами; а затѣмъ дальше, отъ мѣста нашего переѣзда, течетъ уже какъ чисто степная рѣка, съ плоскими, илистыми берегами, большими извилинами, глинисто-иловатымъ ложемъ и тихимъ, покойнымъ, едва замѣтнымъ теченіемъ, которое она направила на сѣверо-западъ и, правымъ притокомъ впадаетъ въ р. *Шилжилтъ*, неправильно названную Г. Н. Потанинымъ «*Чисылтунъ толомъ*». Отъ рѣки Джаргаланты, дальше, степь начинаетъ пестрѣть песчаными бугорками. Бугорки эти (бори по монгольски) не особенно высоки; у подошвы этихъ бугорковъ много ямъ, образовавшихся вслѣдствіе того, что вѣтеръ, въ состояніи вихря, разметываетъ въ данной мѣстности песчаную почву. Нужно замѣтить, что такихъ ямъ, болѣе или менѣе глубокихъ, немало разбросано по всей степи. Бугорки покрыты злаками, края же ямъ и ихъ углубленія совершенно оголены. Надѣво отъ дороги, по направленію къ гольцамъ, сопровождающимъ западный берегъ оз. Кубсгула, видѣется лиственничный лѣсокъ и близъ опушки его лѣтнія юрты монголовъ. Лѣсокъ этотъ, а по имени его и стойбища, называется *Уланъ-модонъ* (красное дерево). Нужно замѣтить, что лѣвая сторона дороги ближе къ гольцамъ (сардыкъ), почему и равнина къ востоку уже; къ западу же эта равнина очень широка. Трава по ней едва, едва отросла отъ земли. Зная, что теперь июнь мѣсяцъ на исходѣ, странно было видѣть почти обнаженную степь. Цвѣтовъ вовсе не было видно, если не считать за таковыя отдуванчики. Кстати замѣтимъ, что монголы сокъ отдуванчиковъ считаютъ лекарственнымъ, выжимаютъ изъ стебельковъ этотъ мо-

лочный сокъ и употребляютъ какъ средство отъ мужскаго безсилія.

Небогата степь растительностію, не изукрашена флорой, лишена она и жизни: мертвечина кругомъ... ни голоса птички, ни трелей жаворонка, этого беззаботнаго пѣвца тункинскихъ степей, ни обычнаго шума табуновъ, отъ котораго доносились когда-то степи номадовъ-скотоводовъ, ничего нѣтъ... тишь кругомъ... одни только лишь кузнечики (таршия) трещать, да несносные комары, (шумур) жалобнымъ своимъ пискомъ, заставляютъ руку инстинктивно дергаться, для защиты лица отъ далекаго не нѣжнаго привѣта комара. Табуны же (адумал)—это богатство монгола, его жизнь, дѣйствительно когда-то пополнили степь; а теперь... теперь—тамъ пять шесть коровъ... тутъ два—три быка... здѣсь телята... въ другомъ мѣстѣ кучка лошадей... вдаль жалкіе остатки когда-то тысячныхъ стаявъ овецъ и ямановъ (козловъ)...

Все это худое, заморенное, истощенное, даже не облынявшее отъ зимней шерсти, торчащей отвратительными ключьями на худыхъ скелетахъ. Мрачность степи увеличивается еще видомъ на вездѣ разбросанные остовы навшихъ животныхъ... кости вездѣ... что и производитъ впечатлѣніе отъ картины степи, какъ будто отъ вывѣтрившагося громаднаго кладбища... Все это надѣлала своимъ глубокимъ снѣгомъ зима и холодная небывалая весна... Вмѣстѣ, заодно, какъ бы стоворившись съ торговцами, обездолила она номадовъ-скотоводовъ...

Вправо отъ дороги окраины степи покрыты болѣе или менѣе значительно высокими холмиками, часто по восточнымъ своимъ склонамъ покрытымъ лѣсомъ; частію же совершенно обнаженными. Холмы эти носятъ одно общее названіе: *Талайнъ-тологой* (головы степи).

Не въ далеки отъ р. Джаргалантей дорогу пересѣкаетъ другая рѣка *Хара-усу* (черная вода). Р. Хара-усу беретъ начало изъ болотъ, залегающихъ у подошвы гольцовъ западнаго берега оз. Кубсгула. Теченіе этой рѣки не большое—около 15 верстъ и впадаетъ она лѣвымъ притокомъ въ р. Джаргаланту. Отъ р. Хара-усу на юго-западъ, параллельно съ дорогой тянется сухое русло исчезнув-

шей рѣки. Такъ до въѣзда въ лѣсъ, который дугообразно, съ востока на западъ, тянется съ небольшими интервалами, поперекъ всей степи и состоитъ преимущественно изъ лиственничныхъ деревьевъ. Деревья не высоки и не толсты; были уже покрыты ярко-зеленѣющей, молодой хвоей. Лѣсъ, какъ и степь, мертвы, тишина въ немъ невозмутимая. Среди этой безмолвной тишины какъ то странно раздается конскій топотъ своимъ гулкимъ эхомъ. Зеленое царство лѣса съ юго-восточной стороны окружаютъ блестящія своими остроконечными верхушками гольцы, покрытые снѣгомъ. На югъ между толной гольцовъ видна сѣдловина, называемая *Хардыл*; чрезъ эту сѣдловину идетъ дорога въ *Хатхульскій* караулъ, расположенный по ту сторону виднѣющихся гольцовъ, составляющихъ южное побережье о. Кубсула. Г. Н. Потанинъ, описывая дорогу изъ Хатхульского караула (ученый не правильно называетъ караулъ этотъ «*Хатыл*») въ Дархатскую равнину, къ куреню, упоминая объ этой сѣдловинѣ, ошибочно называетъ ее «*Хорталъ даванъ*», перевалъ чрезъ которую, по его словамъ, «*очень труденъ для проѣзда*». Замѣтимъ отъ себя, что «перевалъ дѣйствительно труденъ», но не потому, чтобы онъ былъ «крутъ и каменистъ», а потому, что оба склона его грязны и болотисты. Въ только что упомянутомъ нами описаніи дороги, сѣланномъ Г. Н. Потанинымъ, есть важные неточности: а) *Дархатскій курень* лежитъ вовсе не «на берегу устья р. *Арисен-сарь*», а на правомъ берегу *Саганъ-Булука* съ южной стороны, и съ сѣверной же примыкаетъ къ р. *Жаргалыку**). Горный хребетъ, переваломъ чрезъ который идетъ дорога въ Хатхульскій караулъ, только до половины покрытъ горной растительностію, пирамидальныя же его оконечности лишены всякой растительности. Лѣсъ, въ который мы въѣхали, не представляетъ изъ себя сплошной массы деревьевъ, это просто отдѣльныя рощи, стоящія на болѣе или менѣе значительномъ другъ отъ друга разстояніи. Систему этихъ рощъ съ востока на западъ прорѣзываетъ русло рѣки *Хурай-сарь* (сухое русло). Рѣка Хурай-сарь беретъ начало изъ болотъ восточныхъ горъ. Параллельно съ этой рѣкой проходитъ не

вдалекѣ другая рѣка *Нарин-сарь* (тоненькое русло); объ эти рѣки правыми притоками впадаютъ въ р. *Шинкитъ* («*Чишыктынъ*» по Потанину). Теченіе ихъ не болѣе 20 верстъ, а площадь разстоянія не болѣе двухъ верстъ. Берега р. *Нарин-сарь* и *Хурай-сарь* плоски, въ уровень съ водой; русла ихъ усѣяны мелкой галькой съ наносомъ ила; воды въ нихъ очень мало, да и та въ лѣтніе жары пересыхаетъ. На маловодность этихъ рѣкъ указываетъ и придатокъ къ ихъ собственному имени слово «*Сарь*», что въ переводѣ значитъ, «безводное русло рѣки». По берегамъ р. *Хурай-сарь* и *Наринъ-сарь*, кромѣ лиственни, растутъ тальникъ, ерникъ и береза, послѣдняя растетъ кустообразно. По побережью ходило стадо тонкихъ верблюдовъ, срывая молодые побѣги кустарниковъ. И безъ того безобразное это животное, просто было отвратительно со своими обвислыми горбами, тощимъ тѣломъ, по которому торчали клочки, начинающей облѣзать, шерсти. Не пріятно было смотрѣть на эти безобразные скелеты.

Отъ р. *Нарин-сарь* дорога, съ юго-запада, круто поворачиваетъ прямо на югъ, также и гольцы западнаго берега о. Кубсула, почти подъ угломъ отклоняются на югъ.

Чрезъ полчаса ѣзды отъ р. *Нарин-сарь*, мы, продолжая идти лѣсной мѣстностію, перебрали чрезъ р. *Бани-гол* (богатая рѣка). Этимъ именемъ рѣка названа, какъ говоритъ преданіе, потому что въ былое время по берегамъ ея кочевали одни лишь богачи со своими безчисленными табунами. *Бани-голъ* беретъ начало съ юго-западнаго склона *Кубсульскихъ* горъ и имѣетъ чисто степной характеръ. Берега ея низки, мѣстами ровны; теченіе покойное, тихое; ложе илстое; цвѣтъ воды желтовато-мутный; уровень воды не терпитъ рѣзкихъ переиѣнъ, въ рѣкѣ не бываетъ ни сильныхъ прибывей, ни замѣтнаго измѣлчанія, средняя же глубина воды — въ верхней части теченія рѣки не болѣе аршина, а въ низовьяхъ до двухъ и болѣе. Длина теченія р. *Бани-голъ* равняется, по словамъ монголовъ, двадцати слишкомъ верстамъ и впадаетъ она правымъ притокомъ въ р. *Шинкитъ*. Переѣхавъ на правый берегъ р. *Бани-голъ*, мы тутъ же, не вдалекѣ остановились ночевать.

*) Оч. С. З. М. Г. Н. Пот. В. 1-й стр. 263.

Близъ избраннаго нами для стоянки мѣста была разбита палатка *отока*. Отокомъ называется комиссія, выбранная обществомъ для сбора албана (податей). Комиссія эта, подъ предѣдательствомъ *Зайсана* (исправника) и переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто, собирая податной скоть. У одного изъ членовъ этой комиссії *калама* (становой) мы купили овцу за 3 рубля. Упоминаю я объ этомъ обстоятельстве потому, что оно нѣкоторымъ образомъ не нормально. Въ прежніе годы, не исключая и прошлаго, такая самая овца, какую мы купили, т. е. годовалая, стояла, максимумъ, *одинъ рубль*; но безкормица этой зимы и, слѣдствіе ея, валежь, сразу подняли цѣну той же овцы втрое. Когда мы зарѣзали овцу, то запахъ свѣжей крови привлекъ массу коршуновъ (Илю-шобунъ), которые до того были дерзки, что чуть не изъ рукъ выхватывали мясо, просто отбою отъ нихъ не было и выстрѣла не испугались.

Къ палаткѣ нашей то и дѣло подъѣзжали раз-франченные въ пеструю одежду мужчины и женщины. Послѣ обычныхъ довольно утомительныхъ монгольскихъ привѣтствій*), первымъ вопросомъ со стороны монголовъ было «ю найматей, ю зараху», «т. е. что имѣете для торга, что продаете?». Слыша же нашъ отрицательный отвѣтъ, они не вѣрили, что мы вовсе

*) Вотъ неизмѣнная стереотипная формула привѣтствій по монгольскому и бурятскому обычаю. При встрѣчѣ младшій беретъ старшаго за локти рукъ, потомъ спрашиваетъ:

„Аморъ сайханъ“ (хорошо ли здоровье)

„Аморъ“, отвѣчаетъ ему старшій.

Моль сурук меаду? (здоровъ ли скоть и домашіе)

„Аморъ“ (здоровы).

Нохой хуса-уве? (собаки лаютъ ли? т. е. оберегаютъ ли скоть и домъ)

„Хуса“ (лаютъ).

Ю сайхан сонин-байна? (что новенькаго хорошаго)

„Униш юве—хушар-байна“ (ничего нѣтъ, все по старому)

Буквально эти же вопросы старшій въ словъ очередь задаетъ младшему и такъ далѣе. Каждый считаетъ своею обязанностію непременно по очереди переспросить всѣхъ, изъ кого въ данное время состоитъ кружокъ. Если большая компанія, то, какъ говорятъ русскіе, на „медукахъ“ затрачивается не меньше часа. Послѣ, скучныхъ для немонгола, перекрестныхъ привѣтствій, все сразу умолкаетъ и начинается обмѣнъ трубками и табакерками. Каждый считаетъ своею обязанностію угостить другого трубкой и если среди собравшейся компаніи есть лице почтенное, то у него заразъ оказывается въ рукахъ нѣсколько трубокъ и изъ каждой изъ нихъ онъ долженъ потянуть. Окончивши церемонію поджиганія трубкой, начинается разговоръ.

ничѣмъ не торгуемъ и товаровъ у насъ нѣтъ, и, какъ бы вынытывая, вновь невозмутимо, хладнокровно, повторяли свои вопросы нѣсколько разъ; оцупывали наши сумы съ провизіей и другими вещами и, съ увѣренностію, что мы лжемъ и не хотимъ сказать, чѣмъ торгуемъ, отъѣзжали отъ насъ. Вѣхали же они въ Дархатскій курень на праздникъ «Ганжуръ». Впослѣдствіи, при встрѣчѣ съ монголами, намъ страшно надоѣдали вопросы, чѣмъ мы торгуемъ. Но досаднѣе всего было то, что мнѣ почти не удавалось увѣрить спрашивающихъ, что я не купецъ. Въ своемъ недоверіи монголы были правы. Кромѣ купцовъ въ ихъ кочевья никто не въѣзжаетъ. Были положимъ проѣзды «Ноеновъ» (чиновниковъ), напр. Г. Н. Потанина, но по каравану ихъ можно было судить, что это дѣйствительно «ноены»: верблюды, десяткѣ лошадей.... выюки.... люди, сопровождающіе караванъ.... все это, по понятіямъ монголовъ, говорило, что обладатель каравана ноень, а то вдругъ русскій, безъ транспорта, съ однимъ везетъ человѣкомъ и не купецъ? Да и не ноень — нѣтъ пышности, нѣтъ ничего такого, чтобы говорило, что у этого человѣка есть слуга, есть имущество и пр. атрибуты ноена? И монголь, видя мою скромную обстановку, не вѣрилъ моему отрицанію принадлежности къ торгашамъ и съ увѣренностію говорилъ мнѣ «хутлар хелын!» врешь, неправду говоришь.

Я забылъ сказать, что изъ Дархата мы выѣхали 27 іюня. До мѣста остановки шли только три часа. Значитъ отъ Дархатскаго куреня до р. Банинъ-голь будетъ около пятнадцати верстѣ.

28 іюня. Въ маршрутѣ мы отмѣтили, что сегодня шель сильный снѣгъ. Дѣйствительно съ самаго утра и до вечера, не переставая, хлопьями валилъ снѣгъ и къ вечеру покрылъ землю четверти на двѣ толщиной. Послѣдствія этого снѣга были губельны для монголовъ и довершили несчастія зимней голодовки. Овцы, застигнутыя снѣгомъ въ полѣ, мерзли сотнями. У одного богатаго монгола замерзло сразу 300 овецъ? Не забудьте, что это *двадцать восьмаго іюня*. Бѣдные скотоводы уныло бродили по степи, собирая замерзшихъ овецъ, выючили на верблюдовъ и везли въ монастырь на продажу.

Кроме пропавшей овечь, въ этотъ день было нѣсколько случаевъ околѣванія и верблюдовъ. Остается сказать: «они такъ климатъ». Снѣгъ этотъ помѣшалъ и намъ ѣхать. Цѣлый день мы только и были заняты, что огребаемъ снѣга съ боковъ палатки. Дѣлать же что либо разумное рѣшительно нельзя было. Холодъ и злость на мерзкую погоду лишили всякой возможности взяться за книгу; о письменныхъ же занятіяхъ и думать нельзя было.

Съ 29 по 3 іюля. Утро было ненастное; снѣгъ нѣтъ, нѣтъ да пойдетъ; къ полудню же, поднявшійся западный вѣтеръ разогналъ тучи.... небо очистилось; но ѣхать намъ нельзя было. Ночью убѣжала куда-то одна изъ нашихъ лошадей, не нашли мы ее къ вечеру, не могли найти и до самаго 3-го іюля. Жутко приходилось въ это время. Купить новую лошадь—было равносильно сокращенію времени продолженія экспедиціи по крайней мѣрѣ на одну треть, такъ какъ средства мои были что называется, въ обрѣзъ, и уже радъ не радъ былъ я, когда нашлась лошадь! Въ скучномъ ожиданіи находа убѣжавшей лошади, я все-таки успѣлъ въ эти дни записать три сказки, которыя и приведу въ приложеніи.

3 іюля переходъ до рѣки Билэтей. Со втораго на третье число была первая теплая ночь, какой не было еще въ этомъ году. Ночью обыкновенно приходилось закутываться не только шубой, но еще и другимъ чѣмъ нибудь, прошлую же ночь достаточно было и одной шубы. «Ну, радостно подумали мы, значитъ лѣто началось, прощай снѣгъ». Утро какъ и ночь было прекрасное, теплое, тихое, хотя и съ обильной росой. Давно уже, да нѣтъ, не правда, не давно, а вовсе, въ продолженіи этого лѣта, мы не видѣли хорошаго утра: все было холодъ, холодъ и холодъ; надали виси, такъ что приходилось не радоваться утру, а вставши, бѣжать скорѣе къ огоньку и отогрѣваться. Наскучила такая погода! И чувство радости при встрѣчѣ хорошаго, теплаго утра вполне, безъ всякаго сентиментальничанья, законно. Весело, бодро мы собрались въ путь, уложили вещи, обсѣдали лошадей, попили чайку и маршъ-маршъ въ путь.

Вмѣстѣ съ нами снялся со своего стойбища и Отокъ. Отокъ перешелъ на правый берегъ р. Баннь-гола и отправился въ Дархатскій курень, чтобы тамъ сдать учетъ собранному албану и затѣмъ уже, обмѣнявъ скотъ на русскія деньги, отвезти ихъ въ Ургу для сдачи кутухтѣ. Известно, что Дархатскій курень принадлежитъ къ Шабинскому вѣдомству, платищему дань не свѣтской власти, а духовной.

Мы же отъ р. Баннь-гола пошли на югъ.

Начиная отъ береговъ р. Баннь-гола, лѣснничій лѣсъ становится гуще; равнина же начинаетъ суживаться, такъ какъ цѣпи горъ, идущихъ по бокамъ ея, постепенно, все ближе и ближе, подходятъ другъ къ другу; но дорога продолжала быть совершенно ровной, безъ замѣтныхъ возвышеній. Грунтъ земли песчаный; трава едва покрывала равнину, флоры же по прежнему нигдѣ не было видно. Желтели одни лишь отдуванчики. Послѣ полудна вѣтры, подулъ съ запада вѣтерокъ, но вскорѣ утихъ. Вслѣдъ за вѣтромъ, потянулись, заволакивая горизонтъ, клочки бѣлыхъ, тонкихъ облаковъ. Хотя было только лишь четверть десятаго, солнце начинало уже, какъ говорится, «принежать» и пауты (Елаган-Улан-Нгодунъ), вызванные къ жизни теплыми лучами солнца, роемъ носились вокругъ насъ; надоѣдали лошадямъ. Кони фыркали, вздрагивали и отъ боли бросались изъ стороны въ сторону. Пѣвшіе съ утра жаворонки, ища прохлады, умолкли; одни только лишь кузнечики трещали, да вороны (хире, турлак) перекликались; но все же это была жизнь, а не могильная тишина, какая сопровождала насъ раньше почти во все продолженіе пути..... Такъ проѣхали мы съ полчаса. Дальше равнина начала терять свой плоскій характеръ и становится волнистой. Лѣсъ чѣмъ дальше, тѣмъ все рѣже и рѣже, а слѣдовательно и мѣсто дѣлается болѣе открытымъ. Ни скота, ни лошадей нигдѣ вокругъ дороги не видно; одиноко бродятъ только небольшие отары овецъ, во главѣ съ чуть не голымъ монголенкомъ — Харуромъ (пастухомъ—«Харуръ» пастухъ отъ глагола хараху смотрѣть). Отсутствіе скота—фактъ знаменательный въ скотоводческой странѣ; тѣмъ болѣе, что въ перспективѣ, на вос-

токъ, видѣются юрты. Вѣсто рева скота, вдали послышался жалобный, точно стонъ, крикъ ангировъ (турпановъ). Слушая этотъ жалобный стонъ, монголы думаютъ, что въ оболочкѣ этой птицы заключена душа ламы, наказаннаго за свои пороки обращеніемъ въ ангира. Присутствіе ангировъ ясно свидѣтельствуется о томъ, что вблизи гдѣ нибудь должна быть вода. Дѣйствительно, мы вскорѣ подѣхали къ болоту, извѣстному подъ именемъ *Татура*. Болото кочковато, но не особенно топко, такъ что мы совершенно свободно перебрали чрезъ него. Южную сторону болота окаймляетъ густой лиственничный лѣсъ. По приѣздѣ въ этотъ лѣсъ, мы встрѣтили гурьбу монголовъ, ѣдущихъ въ Дархатскій курень на праздникъ Ганжура. У каждаго изъ монголовъ были второчены къ сѣдлу *кукуры**) съ кумысомъ. Одинъ кукуръ мы купили и съ удовольствіемъ напились этого прохладительнаго напитка. Распростившись съ монголами, мы вскорѣ выѣхали изъ лѣса, за опушкой котораго равнина становится все холмистѣе и больше покрыта буграми. Между буграми, съ востока на сѣверо-западъ, течетъ рѣка *Такир*. Рѣка эта степная, не глубока, съ невысокими берегами и узкимъ рвомъ; и тутъ же, близъ дороги, съ правой ея стороны, впадаетъ въ озеро того же имени. *Такир* въ переводѣ значитъ кривой, извилистый, какимъ въ дѣйствительности и есть это озеро. Рисункъ его приложенъ въ концѣ.

Озеро *Такир* небольшое; въ длину около ста саженей; на западъ отъ него, къ р. *Шинкитъ*, тянется неширокой полосой болото. Вѣроятно озеро, рѣка и полоса болота, служащая проводникомъ воды изъ озера въ рѣку *Шинкитъ*, все это прежде было русломъ одной большой р. *Такир*. Начиная отъ озера, вдоль дороги, съ правой ея стороны, лѣсъ прекращается, слѣва же продолжаетъ тянуться отдѣльными, не связанными другъ съ другомъ, рощами; грунтъ земли песчаный бугристый. На юго-западной сторонѣ озера, у опушки лѣса, видѣются три юрты, а близъ болота у озера ходятъ стада въ сравни-

тельно большемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Это объясняется вовсе незажиточностію хозяевъ упомянутыхъ нами юртъ, а просто присутствіемъ болота, рѣки и лѣса. Близъ болотъ и рѣкъ, какъ сырыхъ мѣстъ, трава лучше, больше и сочнѣе, лѣсъ же своею тѣнью укрываетъ отъ жары; вслѣдствіе чего скотъ изъ разныхъ уголковъ степи и сгруппировывается въ такихъ мѣстахъ.

Вся лѣвая сторона дороги, примыкаемой къ гольцамъ, начиная отъ р. *Бани-голь*, называется «*Тужи*», что въ переводѣ значитъ—лѣсное, таежное мѣсто. Изъ *Дархатъ* въ *Билтысь* идетъ тужами прямая дорога; но болотность мѣста заставляетъ избѣгать ѣзды этой дорогой. Осенью же и зимой, когда болотная грязь замерзаетъ, дорогу тужами, какъ кратчайшую, предпочитаютъ лѣтней.

Послѣ получасовой ѣзды отъ оз. *Такир*, становится замѣтнымъ, что горные хребты, съ юго-востока и юго-запада, еще ближе придвинулись другъ къ другу; въ тоже время лѣсъ переходитъ на правую сторону дороги. Въ мѣстѣ перехода лѣса на правую сторону дорогу пересѣкаетъ р. *Хурай-татур*. Берега рѣки низки, глинисты; русло рѣки не широкое и не глубокое, песчано-глинистое, но не топкое. *Хурай-татур* беретъ начало изъ болотъ, протекаетъ съ востока на западъ и впадаетъ справа въ р. *Шинкитъ*. За переѣздомъ чрезъ *Хурай-татур* лиственничный лѣсъ становится гуще, но все-таки не сплошной, а отдѣльными, болѣе или менѣе значительными рощами; кромѣ листвяни, встрѣчается тальникъ и береза. Грунтъ земли измѣняется; дальше идетъ уже нечистый бѣлый песокъ, а суглинокъ. Вскорѣ дорога лѣсомъ прекращается и тянется опять по степи. Границей лѣса служить высохшее русло рѣки. Русло это сыроватое и, какъ свидѣлствуютъ кой гдѣ торчащіе пни, было покрыто лиственничными деревьями. Это русло соединяло когда то оз. *Эмчи* (лекарственное) съ р. *Шинкитъ*. Озеро *Эмчи* почти у самой дороги, съ лѣвой ея стороны и мы предполагали было остановиться у его берега, покормить лошадей и самимъ отдохнуть, но потомъ измѣнили намѣреніе, такъ какъ мнѣ хотѣлось посмотреть на вдалекѣ вправо протекающую р. *Шинкитъ*, почему мы и своротили къ западу и,

*) Что такое «*тарава*» мы уже объяснили; кукуръ же это кожаная фляга, сдѣланная изъ сырой, недубленой кожи. Какъ дорожная посуда кукуръ очень удобенъ для перевозки жидкостей. Купленный нами кукуръ доставленъ въ В. С. От. Геог. Общества.

послѣ полуверстнаго прохода, остановились на правомъ берегу ея.

У мѣста нашей остановки *Шинкитъ* очень незначительная рѣка, глубиной не болѣе аршина; дно илистое, сильно тонкое, такіе же точно и берега, такъ что я, желая зачерпнуть въ котелокъ воды, чуть ли не по колѣно увязъ въ тинѣ. Нужно замѣтить, что поверхность тины усыпана мелкой, величины съ бобъ, дресной; теченіе рѣки тихое, степенное, правый берегъ обрывистъ и высокъ; лѣвый же пологъ и поросъ листвяничнымъ лѣсомъ. Насколько видно, р. Шинкитъ течетъ очень извилисто; дѣлаетъ крутые, почти подь острыми углами, повороты, какъ бы возвращаясь назадъ; направленіе же ея теченія на сѣверо-западъ.

Вскорѣ къ мѣсту нашей остановки подошли три монгола, одинъ изъ нихъ взрослый и два маленькихъ. Вслѣдъ за привѣтствіями, немедленно же былъ заданъ намъ вопросъ: «ю зараху, ю найма тей?». Но тутъ, хотя мы и отрицали принадлежность свою къ торгашамъ, все-таки дали и въ которое право сомнѣваться въ правдивости нашего отрицанія и не вѣрить намъ. Дѣло въ томъ, что мы, у старшаго изъ монголовъ, купили а) *Тар*, т. е. сумку, вывезанную изъ шерсти и своей формой похожую на охотничій ягташъ, и б) *Шамкурси*—мѣдныя щипчики, которыми монголы выдергиваютъ волосы изъ бороды и бровей. За обѣ эти вещи мы безъ торга заплатили только лишь *шестьдесятъ копѣекъ*.

Когда мы окончили свой торгъ, къ валаткѣ нашей подѣхала еще одна монголка. Для гостей своихъ мы сварили чай. Покуда они его пили, мы занялись разсмотрѣніемъ ихъ рыболовнаго снаряда, известнаго подь именемъ *Татур*. Это просто возможно длинный листвяничный шестъ; на одинъ изъ концовъ его надѣтъ желѣзный трезубъ съ крючками, загнутыми назадъ. Наши гости рыболовы ходили съ этимъ снарядомъ по берегу р. Шинкитъ и высматривали—не лежитъ ли гдѣ рыба? Если примѣчали ее, то заходили вверхъ, противъ теченія и потихоньку забрасывали свой снарядъ поперегъ рѣки; затѣмъ снугивали рыбу и, если эта послѣдняя проплавала надъ татуромъ, возможно быстрѣе дергали

за конецъ его и поддевали рыбу за зубцы. При этомъ способѣ ловли рыбы, нужно мѣткость глаза, способность точно опредѣлять моментъ прохода рыбы и быстро пользоваться имъ. Но нашимъ рыболовамъ не удалось ничего поймать. На вопросъ «что такъ?», монголы апатично отвѣтили «загусу уве» (рыбы нѣтъ).

Монголка же, сидѣвшая съ нами, отличалась замѣчательною, такъ не свойственную номадамъ Монголіи, бойкостью и юркостью; трещала она безъ умолку, разспрашивала обо всемъ, что только могло прійти ей на умъ. Между прочимъ освѣдомилась, сколькихъ мы женъ оставили дома и красивы ли онѣ? Причемъ очень сожалѣла, что ей непременно нужно ѣхать въ курень, чтобы отвезти провизію знакомому ламѣ, а то если бы не эта обязанность, она поѣхала бы съ нами. Въ концѣ концовъ выпросила у насъ кусочекъ мяса, сѣла верхомъ на коня и умчалась.

Монголы разѣхались... 12 часовъ дня... Послѣ полудня погода перемѣнилась... подулъ сильный вѣтеръ... Потянулись съ запада тучи и загрозили голубую синеву небосклона... Вскорѣ загремѣлъ громъ... блеснула молнія... Тучи все шире и шире захватывали горизонтъ и брызнули небольшой дождь. Но мы все-таки собрались въ путь, разсчитывая, что туча морокомъ пройдетъ. Вѣтеръ, обратившійся вскорѣ въ бурю, говорилъ о томъ, что онъ размететъ тучи и свѣтъ ихъ съ горизонта.....

Оставивъ рѣку Шинкитъ, мы, чтобы оскотрѣть оз. *Эмчи*, своротили по направленію къ нему. Озеро имѣетъ овальную форму и въ діаметрѣ около двухъ сотъ саженей. По рассказамъ монголовъ глубоко; цвѣтъ воды его желтовато-бурый, мутный; берега пологи, въ уровень съ водой и сплошь покрыты солончаками (гуджир). Вокругъ озера много толпилось скота; солонцы и водою стигивали его со всѣхъ сторонъ. На замѣчаніе мое, что «де какъ много скота»; слухившійся тутъ монголъ отвѣтилъ: «это что, юхележи байнынъ; (что ты говоришь); толи было дѣтъ 8—10 тому назадъ? Берега гнулись отъ массы скота: протолкнуться къ озеру трудно было; степь же точно кочками (болдок адам) была покрыта табунами. Теперь же и сотою доли не осталось отъ

этихъ табуновъ»..... Да... времена измѣнчивы... Нельзя вѣдь про монголовъ сказать, что у нихъ «то скосило градомъ, то снесло пожаромъ»... «Чистъ же кругомъ и легокъ» онъ сдѣлался потому, что богатство свое—скотъ, обмѣнялъ разнымъ «Мотхамъ» на миткаль и дорогой негодный товаръ. Чума же, занесенная алтайцами, да въ придачу къ ней прошлогодняя безкормица, завершили ударъ.

Начиная отъ береговъ о. Эмчи, песчаный грунтъ постепенно переходитъ въ каменный: мелкій щебень вездѣ разбросанъ, и трава не покрываетъ равнины сплошной массой, а растетъ какъ то отдѣльными кустиками... Вдоль дороги опять потянулся лѣсъ. Въ лѣсу насъ вновь вспрыснуло дождемъ..., но не сильно: такъ какъ вскорѣ свинцовая туча прошла на юго-востокъ, на горизонтѣ же остались одни бѣлыя, кудреватые облака. Лучи солнца изъ за облаковъ не падали на равнину, а освѣщали одни лишь оконечности горъ... Дорога очень скучна... Тотъ же корявый, однообразный, безжизненный, молчаливый лѣсъ; тѣ же лѣсные прогалины, тотъ же мѣрный, монотонный шагъ коня... Пытливому глазу не начесть остановиться... нечѣмъ занять воображеніе и... невольно начинаешь зѣвать. А чуть вниманіе не занято, нѣтъ нищѣ любопытству, мысли разбродятся и, безъ истомы, начинаешь чувствовать физическую усталость и невольно ищешь мѣстечка, гдѣ бы остановиться и прилечь... Ускорить же аллюръ лошадей нельзя—высокъ... тяжело... да и коней нѣтъ смысла изнурять... Такой однообразной и скучной дорогой мы ѣхали около часа и наконецъ выѣхали изъ лѣса, за окраиной котораго дорога, западной стороной своей, проходитъ у подошвы горы *Байнъ-ула* (богатая гора). Байнъ-ула не высока; стоитъ одиноко и не связана съ системой окружающихъ ее съ запада горъ. Восточный склонъ ея утолщенъ, почти отвѣсенъ; обнаженъ отъ растительности и окрашенъ въ цвѣтъ охры. Отъ верхняго пункта, къ западу, начинается растительность и гора, пологимъ склономъ, понижается до уровня равнины. Въ общемъ видѣ г. Байнъ-ула напоминаетъ собою клинъ, утолщенный конецъ котораго обращенъ къ востоку. У скалистой подошвы г.

Байнъ-ула мы вспугнули цѣлую массу бѣлошеихъ галокъ (турлак).

Григ. Ник. Потанинъ, говоря о горахъ западнаго берега о. Кубегула, упоминаетъ, что «они высоки и одна изъ нихъ, называющаяся Байнъ-ола покрыта по рассказамъ вѣчнымъ снѣгомъ^{*)}». Въ этомъ замѣчаніи ученый путешественникъ допустилъ маленькую неточность, именно: Байнъ-ула вовсе не одна изъ высокихъ, не связана съ другими горами и далеко ниже линіи вѣчнаго снѣга. Противъ г. Байнъ-ула юго-восточная цѣпь горъ поворачиваетъ на юго-западъ. Изъ этой гряды горъ обращаетъ на себя вниманіе своею оригинальною очертаніемъ одинъ, стоящій выше другихъ, остроконечный конусъ, ослѣнительно блестящій своею, покрытою снѣгомъ, верхушкой. Конусъ этотъ очень рельефно выдѣляется незаурядностию очертанія изъ группы остальныхъ оконечностей горъ. Тутъ же, рядомъ съ нимъ, къ югу стоитъ другая примѣчательная вершина горы въ видѣ усѣченнаго конуса, площадь котораго громадна и, какъ замѣтно, расположена амфитеатромъ. Первый конусъ монголы называютъ *Делиръ-хан*, а второй—*Дулѣн-ундыр*. Обѣ эти вершины, по предположенію монголовъ, священны и служатъ обиталищемъ духовъ, которымъ разъ въ годъ, весной, ламы, собравшись въ большомъ числѣ, при стеченіи народа, торжественно приносятъ жертву.

Между суевѣрными номадами ходятъ рассказы, что духи въ извѣстныя времена года собираются на площади Дулѣн-ундыра и какъ бы устраиваютъ торжественную службу, во время которой многіе изъ монголовъ слышали игру на трубахъ, раковинахъ, бой въ барабанцали и проч... Времена этихъ службъ духовъ страшны,—и горе тому смертному, который рѣшится стоять у подошвы горы и слушать музыку тенгриевъ. Такой дерзкій будетъ или оглушенъ, или до смерти зауганъ духами. Одинъ изъ русскихъ торговцевъ Томиловъ случайно проѣзжалъ мимо Делгыр-хана и слышалъ «музыку духовъ», такъ что теперь авторитетно подтверждаетъ суевѣрныя басни монголовъ о излюбленномъ мѣстѣ жительства тенгриевъ и ихъ службѣ. А между прочимъ игра духовъ на разныхъ инструментахъ объясняется очень

*) См. С. З. М. В. 1-й стр., 263.

просто. Сопка Дельгирь-ханъ, высоко поднимаясь надъ поверхностью другихъ оконечностей горъ, задерживаетъ порывы вѣтра, послѣдній врываεται въ его ущелья и завываетъ на разные голоса.

У подошвы г. Банъ-ула протекаетъ, параллельно съ дорогой, р. Шинкитъ, правый берегъ ея здѣсь, и дальше вверхъ по теченію, окаймленъ ельникомъ въ перемежку съ лиственникомъ. Тутъ же, не вдалекѣ, съ востока на западъ пересекаетъ дорогу рѣка *Алахан-саръ* (убійственный). Русло этой рѣки широко, каменисто, съ пологими берегами; воды очень мало, да и та мутная, бѣловатаго цвѣта. Видно, что недавно еще рѣка была въ прибыли, такъ какъ известковые осадки и илъ еще не захватили по свободнымъ отъ воды берегамъ ея. Правый берегъ р. Шинкитъ болотистъ. Замѣтно, что русло его было гораздо восточнѣе; но затѣмъ оно постепенно отодвинулось къ западу и прижалось къ самой подошвѣ г. Банъ-ула. Этотъ первоначальный берегъ р. Шинкита обозначается теперь лиственничными деревьями, растянувшимися вдоль его лепою. За р. Алахан-саръ, не вдалекѣ другъ отъ друга, дорогу пересекаютъ три высохшихъ какихъ то рѣкъ, притомъ, судя по ширинѣ и углубленію руселъ не маловажныхъ. (А можетъ быть это и старыя русла Алахан-саръ?) Русла эти покрылись теперь травой и заросли ерникомъ. За переѣздомъ третьяго русла оканчивается дорога лѣсомъ, и идетъ обнаженной равниной, покрытой тощей травой. Равнина волнообразна. На противоположной окраинѣ ея, поперекъ дороги, протекаетъ второй *Алахан-саръ*. Русло его, точно также какъ и у перваго, широко, каменисто; воды мало, и есть слѣды недавней прибыли. Обѣ рѣки берутъ начало съ западнаго склона кубегульскихъ горъ, текутъ сначала вмѣстѣ, затѣмъ, начиная отъ подошвы горы, раздвояются и, держа параллельное направленіе теченія другъ съ другомъ, оба правыми притоками впадаютъ въ р. Шинкитъ. Спокойные, маловодные, въ обыкновенное, не дождливое время года, даже совсѣмъ высохши въ жары, обѣ эти рѣки грозны во время прибыли воды. Тогда стремительный, бѣшеный потокъ лишетъ всякой возможности перебраться чрезъ нихъ. Привычный переходить съ берега на берегъ скоть; въ силу этой

привычки, и въ прибыль пытается переходить, но всегда становится жертвой безъ удержу мчащейся воды; за что, какъ объяснилъ мѣ моголь, оба эти сары и названы *Алахан*, т. е. убійственными, убивающими.

У втораго Алахан-саря насъ привѣтствовала масса мошки. Несносное это насѣкомое положительно облѣпило насъ: лѣло вездѣ—въ глаза, уши, носъ, ротъ; забиралось подъ бѣлье и кололо точно иглами. На встрѣчу намъ, гонимый мошкой, мчался моголь, выдѣлывая преуморительныя манюулации руками. Дѣло въ томъ, что онъ былъ совершенно голъ, если не считать за одежду, перекинутое чрезъ плечо какое то коротенькое трико. Голова этого номада мотка кусала немилосердно; защищаясь отъ навойливыхъ насѣкомыхъ, онъ вертѣлъ головой, махалъ руками и дрыгалъ ногами. Если бы и самихъ насъ не мучила мошка, то можно было бы любоваться оригинальной картиной борьбы номада съ насѣкомыми. Моголь, поровнявшись съ нами, прокричалъ обычное амор-сайханъ? (хорошо ли здоровье), но преслѣдуемый мошкой не удовлетворилъ разспросами своего любопытства и промчался какъ стрѣла. Разные виды мошки моголы называютъ: а) *Нюду-урс-сламан*—муха безъ глазъ; б) *Хоротой-сламан*—ядовитая муха; в) *Боро-сламанъ*—дождевая муха.

Саженихъ въ ста отъ 2-го Алахан-саря чрезъ дорогу проходить р. *Босходойн-саръ* (встающий). Широкое и каменистое русло этой рѣки наполняется водой только въ венастье, отъ чего и получило названіе босходойн—встающий, возобновляющийся. Въ данное же время русло р. Босходойн-саръ было совершенно сухо. Противъ устья р. Босходойн-саръ склонъ горы Банъ-ула окончательно сливается съ равниной, тутъ же виднѣется около трехъ-четырехъ юртъ моголовъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу р. *Шинкитъ*, а по берегу бродитъ скоть. Сколько я ни присматривался здѣсь, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, бродитъ одинъ сарыкы (буйволы) и только лишь изрѣдка, въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, встрѣчаются обыкновенные быки. Такое исключительное преобладаніе сарыкы очень просто объясняется тѣмъ, что буйволы мало выгодяютъ изъ Монголіи. Наши торгаша избѣгаютъ

ихъ покупать, во-первыхъ, потому, что мясо сарлыковъ жесткое, черное, при варкѣ сильно пѣнится, къ тому же и жиръ желтаго цвѣта; благодаря ему, покупатели мяса избѣгаютъ брать его: а, во-вторыхъ, сарлыки, будучи на видъ не казисты, уступаютъ обыкновенному быку и въ количествѣ вѣса. По этимъ то причинамъ сарлыки еще удѣляли у номадовъ. Но... торгаша теперь уже начинаютъ небрезгать покупкой буйволовъ и примѣшиваютъ ихъ въ большія партіи своего скота. Несомнѣнно будетъ время, когда сбытчики «брака товарнаго» угонять и сарлыковъ и забудутъ про свою разборчивость.

Не вдалекѣ отъ р. *Босходоин-саръ* вновь встрѣчается высохшее русло когда то большой рѣки; замимъ, вскорѣ переѣздъ чрезъ р. *Берхе-булукъ*. Русло р. Берхе-булукъ каменисто, маловодно, съ пологими берегами; беретъ оно начало съ самой вершины кубегульскихъ горъ и немножко выше линіи лѣса прорѣзываетъ склонъ горъ такъ глубоко, что издали гольцы кажутся будто раздѣленными на двѣ половины. Теченіе р. Берхе-булукъ пзвилисто и быстро, почему онъ и получилъ такое свое названіе: *Берхе* въ переводѣ значитъ *бѣдовый*. Рѣка эта есть правый притокъ р. Шижитъ; устье его заросло густой рощей ельника и на лѣвой ея сторонѣ возвышается одиноко стоящій большой холмъ по имени *Онгот*. Холмъ этотъ считается священнымъ обиталищемъ Онгоновъ (шаманскихъ фетишей). На вершинѣ его построены деревянный жертвенникъ, на которомъ монголы, придерживающіеся шаманства, и приносятъ жертвы въ честь онгоновъ.

Берхе-булукъ есть послѣдняя рѣка съв. запада орошающая южную окраину дархатской равнины. Да и сама равнина, послѣ получасовой ѣзды отъ Берхе-булука, замыкается уже цѣпью горъ, подошедшихъ съ восточной и западной стороны, и рѣки, вливающіяся въ равнину, идутъ уже съ сѣвернаго склона южныхъ горъ. На правомъ берегу одной изъ нихъ, а именно р. *Билютей*, мы и остановились на ночлегъ.

Не считая остановокъ мы шли сегодня семь съ половиною часовъ, что приблизительно будетъ немногимъ больше тридцати верстъ. У мѣста нашей остановки р. Билютей лѣвымъ своимъ берегомъ

плотно прижалась къ скалистой горѣ и течетъ двумя смежными другъ съ другомъ руслами, такъ что по срединѣ образуетъ узкую полосу острова. Полоса эта заросла, давно уже невиданными нами, тополемъ въ перемежку съ осинникомъ. Тутъ же, гдѣ мы разбили свою палатку, стоитъ юрта монгола. Вечеръ былъ пасмурный... тучи нависли со всѣхъ сторонъ... крапалъ дождикъ и мы думали, что ночью будетъ ненастье. Вообще сегодняшній день не отличался постоянствомъ. Съ начала, съ утра было ясно, тихо; до 12 часовъ очень жарко, съ 12 ч. началъ дуть вѣтерокъ, и съ запада потянулись грязныя дождевыя тучи... тремблъ громъ... крапалъ дождикъ, потомъ, хотя дождя и не было, но горизонтъ не прояснялся, тучи все больше и больше завлакивали небосклонъ, пока къ вечеру совсѣмъ не закрыли его. Итакъ, значитъ, съ конца мая и до сегодняшняго дня мы не можемъ отмѣтить ни одного яснаго съ постоянной погодой дня. Напротивъ были дни, и въ большинствѣ, въ которые съ утра и до вечера шелъ либо дождь, либо снѣгъ; нерѣдко съ утра было ясно, безоблачно и тихо, къ полудню дулъ западный вѣтеръ, наносилъ тучи, а къ вечеру глядишь—либо льетъ холодный дождь, либо хлопьями валитъ снѣгъ. Ночи же исключительно были холодныя; вообще состояніе погоды далеко неблагоприятствовало намъ.

Въ долину р. Билютей съ 28 на 29 Іюня должно быть не падалъ снѣгъ, такъ какъ земля была суха и тверда, какъ камень и мы, натягивая палатку, съ трудомъ могли вбить колья въ каменистую сухую почву. Прибравъ вещи и устроивъ палатку, я хотѣлъ было заняться приведеніемъ въ порядокъ своихъ записей, но унылый крикъ верблюда, раздражая нервы, лишилъ возможности приступить въ исполненіе свое желаніе. Вѣроятно, кричала matka, потерявшая своего дѣтеныша. Извѣстно, что верблюды отличаются замѣчательно крѣпкою привязанностію къ своимъ дѣтямъ. Лишившись дѣтеныша, matka, разрывающимъ душу голосомъ, безъ устали воетъ, до тѣхъ поръ, покуда не забудетъ про потерянное дитя, а это, по разсказамъ монголовъ, продолжается долго—минимумъ мѣсяць.

Хотѣли было разжитья у сосѣдей монголовъ *тараху* (кислое молоко), но суетливые номады ни за что не соглашались продать намъ его. По ихъ предразсудку, вечеромъ, по заходѣ солнца грѣхъ выносить изъ юрты чтобы то ни было молочное, иначе «*ыри ээжинг урласан болджен байна*», (духъ хозяинъ дома будетъ сердиться); такъ мы и остались безъ молока.

Близъ нашей стоянки слѣва впадала въ р. Билютей р. Ара-ушкудай. Рѣка Ара-ушкудай вышла съ юго-запада; отъ мѣста впаденія ея въ р. Билютей обѣ эти рѣки теряютъ свои названія и получаютъ имя р. *Шаткитъ*, впадающей въ оз. *Тарионъ-нуръ* (жирное озеро). На замѣтку эту мы обращаемъ вниманіе читателя, такъ какъ впоследствии, когда изслѣдуемъ теченіе р. Билютей и Ара-ушкудай, намъ нужно будетъ припомнить ее.

4 Июля. До устья р. Улей. Утро, какъ и большинство, было хорошее, безоблачное, тихое; морозъ вчерашній прошелъ, и опасенія наши за ненастью оказались напрасными; вмѣсто ожидаемаго дождя ночью была только лишь сильная роса. И еще разъ въ надеждѣ на хороший день мы снялись со стоябища.

Отъ мѣста почевки дорога въ Бильтыйскій караулъ идетъ вдоль праваго берега р. Билютей (Билю по монгольски значитъ аспидъ) между горъ, сплошь покрытыхъ лиственничнымъ лѣсомъ. Послѣ незначительнаго перехода р. Билютей раздѣляется и течетъ двумя руслами. Дальнее отъ дороги русло рѣки называется *Деде-Билютей* (Верхніе Билюты). Черезъ полчаса ѣзды дорога проходитъ мимо начала развѣтвленія русла. Въ этомъ мѣстѣ, на лѣвомъ берегу р. Билютей, залегла сравнительно большая площадь, расположенная полуциркою. На этой площади раскинута лѣтнее (загалун) кочевье монгольскаго чиновника *Дымчи**). Ноень этотъ очень богатъ; живетъ въ большой чистой юртѣ: юрта внутри убрана *улса* (коврами) *дыбисгыромъ* (прошитые потники) и *убгирами* (коврики, сшитые изъ овечьихъ лапокъ). Близъ главной юрты стоитъ рядомъ съ ней

другая, поменьше, которая называется *тогоней-тырѣ* (кухня). Въ ней живутъ *барлуки* (работіе). Около тогоней гыра есть хананъ (дворикъ для загона табуновъ). Но вотъ диво, которое я въ первый разъ увидѣлъ въ Дархатскомъ куренѣ—это деревянный *байшин* (ямбаръ), въ который номадь-ноень (чиновникъ) складываетъ свой скарбъ и взятки (былькы). Отъ послѣднихъ номады также не чужды, какъ и его сосѣди, съ тою только, въ существѣ дѣла маловажною, разницею, что европеецъ послѣдней четверти девятнадцатаго столѣтія беретъ преимущественно депозитками—«чище дѣло, не такъ замѣтно», между тѣмъ товарищъ европейца продолжаетъ открыто брать кожами, баравами, лошадьми, мѣхами и прочимъ «товаромъ мѣнновой эквивалентной стоимости». Да и самое «диво» байшинъ, какъ разсказалъ намъ Дымчи, ему не дорого стоитъ, по обычаю своихъ *сосидей* онъ «соорудилъ» его на общественный счетъ. Дымчи принималъ насъ радушно, безъ всякой чиновничьей важности, еще не усвоенной монголами.

За помѣстьями ноена Дымчи, берега р. Билютей обнажаются отъ древесной растительности: цѣль горъ западнаго берега оз. Кубсгула, округляясь, начинаетъ постепенно терять коническую форму своихъ вершинъ; дорога становится все болѣе и болѣе каменистой и замѣтно лѣзетъ на гору. Черезъ часть ѣзды, считая отъ стоябища Дымчи, р. Билютей отодвигается къ западу, вслѣдствіе чего на правомъ ея берегу образуется большая, имѣющая видъ амфитеатра, площадь. Площадь эта называется *Билютейин-тала* (стенъ Билютей); по ней разбросано до семи монгольскихъ юртъ. Къ югу площадь эта окаймляется отвѣсной гранитной скалой *Куку-урикъ*, подошву которой и омываетъ р. Билютей. Отъ Куку-урикъ, теченіе р. Билютей и дорога проходятъ густымъ, сплошнымъ уже, а не отдѣльными роцями, лиственничнымъ лѣсомъ. Въ этомъ лѣсу мы въ первый разъ услышали голосъ кукушки (хухей шобунъ), который, нарушивъ тишину лѣса, одинокій, звучалъ какъ то особенно рѣзко и громко. За подъемомъ на небольшое предгорье, линіи хребтовъ съ юго-востока и юго-запада сходятся, причемъ юго-восточные гольцы, почти подъ угломъ, сдѣлали загибъ къ за-

*). Обязанность Дымчи равняется обязанности нашего судебнаго пристава. Дымчи приводитъ въ исполненіе распоряженія высшей власти.

ваду, окончательно потеряли свою коническую форму и отъ подошвы вершинъ покрыты растительностию и кой-гдѣ заросли лѣсомъ. Связующая гряда горъ, замкнувшая равнину, называется *Улей-дабанъ*. Но прежде окончательнаго соединенія горъ между собою, дорогу съ юго-востока перерѣзываютъ 1) *Хулутей-сарь* (хулга—ведрѣ), 2) чрезъ $\frac{1}{4}$ часа ѣзды р. *Шулусей-сарь* (шулусу—рысь). Оба эти горные ручьи имѣютъ каменистыя, усеянные крупной галькой, русла; въ сухое время безводны; въ ненастье же, принимая въ себя всѣ горные стоки, сильно бушуютъ и прекращаютъ сообщеніе. Еще чрезъ четверть версты вышелъ горный же ручей *Уржунголъ*. Характеръ его такой же, какъ и первыхъ двухъ. Вершина горы, изъ которой вытекаетъ р. *Уржунголъ* называется *Баши-токто*. Отъ берега этой послѣдней рѣки незначительный спускъ по каменистому косогору, а затѣмъ сейчасъ же опять подъемъ по горному ущелью *Улей-ама*; ущелье довольно широкое и по дну его течетъ р. *Улей*. Рѣка Улей, какъ и всѣ перечисленные нами выше, правыми притоками впадаетъ въ р. *Билотей*.

Намъ предстоялъ подъемъ вверхъ по ущелью *Улей-ама*, но мы покуда остановились у устья р. *Улей*, которое, къ слову сказать, было покрыто еще льдомъ. Противъ устья рѣки, на лѣвомъ берегу р. *Билотей*, по взгорьямъ видно было около шести монгольскихъ юртъ. Юрты эти дѣлились чуть ли не по краямъ обрывовъ: вообще мѣсто стѣсненное для кочевьевъ. Правый же берегъ хотя и широкъ, но неудобенъ для жилья, потому что сыръ и болотистъ.

Намѣреваясь отклониться нѣсколько отъ прямой дороги въ *Билтысь*, чтобы изслѣдовать верховья р. *Шинкитъ*, я рѣшилъ сегодня не отходить отъ устья р. *Улей* и употребить время на наемъ монгола вожака. Весь сегодняшний проходъ нашъ равняется 17—18 верстамъ.

5 Июля. По верховьямъ р. *Шинкитъ*. Утромъ рано, я, оставивши Степана караулить палатку, отправился вмѣстѣ съ нанятымъ монголомъ осматривать вершины р. *Билотей*. Вотъ результаты моей сегодняшней поѣздки.

Отъ *Улей-амана* р. *Билотей* верховьями своими проходить по горному ущелью, идущему на западъ; ущелье это, въ вершинѣ, начинается террасой, лѣвый бокъ которой скалистъ. Мимо одной изъ скалъ, по имени *Убыльжотъ* (зимняя) и проходить русло рѣки, верхній конецъ которой называется *Убыльжотъ*, а нижній, отъ начала ущелья—*Билоты*, которые и есть продолженіе не *Убыльжотъ*, а другой рѣки именно *Бальбрукъ*. Для наглядности рисункъ системы р. *Билоты* помѣщаемъ въ концѣ.

Итакъ, какъ увидитъ читатель изъ рисунка, р. *Шинкитъ* беретъ начало двумя руслами, называемыми *Гун* и *Бальбрукъ*. Сошедшіяся вмѣстѣ оба эти русла теряютъ свои названія и получаютъ одно общее «*Билоты*». Русло получило потому такое названіе, что берега его усеяны обломками аспида, который по монгольски называется *Билю*. Дальше, чрезъ 15 верстъ отъ соединенія *Билю* съ *Аро-ушкундаемъ* получается опять новое названіе р. *Шинкитъ*; съ этимъ названіемъ рѣка течетъ до *Таргон-нуръ*, по выходѣ изъ котораго называется уже *Хуа-хемъ*, а еще ниже *Улукхемъ*, потомъ *Енисеемъ*. Такимъ образомъ начало Енисея есть р. *Билотей* въ верховьяхъ своихъ называющаяся *Бальбрукъ* и *Гунъ*. Всѣ рѣки дархатской равнины, служа притоками р. *Шинкита*, вливаютъ свои воды въ оз. *Таргонь-нуръ*, почему озеро это и названо жирнымъ (*таргонь—жирный*).

Остается еще намъ замѣтить, что всѣ упоминаемыя въ чертежѣ рѣки, имѣютъ горный характеръ, быстры, бурливы, съ каменистыми руслами; пробиваясь между глыбами камней, несутъ свои воды съ шумомъ; уровень воды незначителенъ: въ самомъ глубокомъ мѣстѣ не болѣе аршина; берега, равно какъ склоны горъ и ихъ верховья, покрыты исключительно лиственничнымъ лѣсомъ и только лишь изрѣдка, кой гдѣ какъ рѣдкость, попадаются кедровыя деревья (*хуша*). Подъемы на склоны горъ некруты хотя и каменисты, но благодаря тому, что камень не крупный, ѣзда незатруднительна. Но самое важное преимущество этихъ горъ то, что они не грязны и не болотисты, чего нельзя сказать про склоны собственнаго *Саяна*, всѣ склоны котораго покрыты непроходимыми болотами и цужно хороше

знать мѣстность, чтобы рѣшиться дѣлать переваль черезъ Саянскій хребетъ. Стоитъ еще упомянуть о томъ, что высота описываемыхъ нами горъ, носящихъ одно общее названіе Улан-тайга далеко ниже уровня Становаго Саянскаго хребта, такъ что замѣчаніе Г. Н. Потанина, будто бы «гора Улан-тай, по рассказамъ монголовъ, покрыта вѣчнымъ снѣгомъ» — ошибочно (271).

6 Июля. Отъ устья р. Улей до р. Сакыр-ара. Рано утромъ мы начали подыматься на вершину Улей-дабана. Дорога идетъ сначала правымъ берегомъ р. Улей. Мѣсто сырое, чѣмъ объясняется значительно лучшій ростъ травы, чѣмъ въ равнинахъ. Стоитъ также обратить вниманіе и на то, что лиственъ, растущая по склонамъ и изголовьямъ Улей-дабана гораздо толще и рослѣе, чѣмъ въ другихъ, пройденныхъ нами по Монголіи, мѣстахъ; толщина ея у отруба доходить до аршина, но вмѣстѣ съ тѣмъ дерево все-таки мягко и не бурато, какъ въ Тункинскомъ краѣ, а бѣлаго цвѣта. На половинѣ подъема съ юго-востока виднѣется, выдѣляющаяся изъ общей гряды горъ, поверхность одной возвышенности; возвышенность не покрыта лѣсомъ, и вершина ея представляетъ изъ себя совершенно ровную площадь; эта часть хребта называется *Сотхин-дабан* (битая гора). Изъ вершины Сотхин-дабанъ, по направленію къ востоку, выпало два ручья, носящихъ одно общее названіе *Дарискъ*. Обѣ эти рѣчки принадлежатъ уже къ системѣ р. *Билтыса* и есть ея правые притоки. Чѣмъ выше подъемъ на Улей-дабанъ, тѣмъ горное ущелье становится все уже и уже, и рѣка Улей мѣстами покрыта еще толстымъ слоемъ льда. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ этомъ мѣстѣ есть подземные ключи. Вода этихъ ключей, задержанная въ своемъ теченіи зимней ледяной корой, просачивается сквозь ледъ, замерзаетъ на поверхности; вновь просачивается и такимъ образомъ дѣлается такъ называемая «наледь» (*наль* по бурятски, *тобол* по монгольски). Поднимаясь на Улей-дабанъ, я въ первый разъ увидѣлъ заботливость монгола объ улучшеніи дороги. Подъемъ идетъ косогоромъ, косогоръ же усыпанъ болѣе или менѣе крупными камнями, которые при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ, скатываются съ шумомъ подѣ

гору; шумъ то этотъ и пугаетъ боязливыхъ монгольскихъ лошадей. Такъ вотъ монголъ вдоль косогора положилъ въ рядъ лиственничныя деревья, расчистилъ тропинку и убранными съ нея камнями придавилъ бревна, такъ что вмѣстѣ тропинки съ наклонною изогнутою получилась ровная и для верховой ѣзды довольно широкая дорога... Все же культура!

Немного выше половины подъема на Улей-дабанъ, беретъ начало р. *Улея*. Истокъ рѣчки начинается маленькимъ озеромъ, изъ дна котораго бьютъ подземные ключи; озеро окружено болотомъ, залегшимъ во всю ширину ущелья; само озеро окружено низкорослыми кустами тальника и ерничкомъ. Хотя отъ озера вверхъ по ущелью и замѣтенъ маленькій ровъ, пробитый теченіемъ воды, но вода бѣжитъ по нему только послѣ дождей, скатываясь съ горныхъ склоновъ, въ данное же время рывина была совершенно сухой и даже заросла травой. Ввиду этого рывину никакъ нельзя считать за русло рѣчки и видѣть въ немъ верховья р. Улея.

Отъ вышеупомянутаго озера ущелье дѣлаетъ дугообразный поворотъ къ западу; затѣмъ вскоре оканчивается, и подъемъ идетъ по горному склону. Но обѣ стороны дороги растутъ чистый, ровный, высокій лѣсъ; безъ валежника и иней. Тутъ повстрѣчался съ нами молодой монголъ; онъ выхватилъ изъ лѣсу и везъ, перекинувъ черезъ плечо, три обтесанныхъ кедровыхъ палки, которыя онъ предназначалъ для ложа винтовки; съ этимъ монголомъ мы и поѣхали дальше.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ окончилось ущелье, у самой дороги стоитъ между другими деревьями одна развалистая лиственъ, немного далѣе впередъ такая же, затѣмъ третья сухая и близъ нея пенъ аршина полтора вышиною отъ земли. Спутникъ нашъ монголъ, поровнявшись съ первой лѣсной, вынулъ изъ ноженъ ножъ и ударилъ имъ по дереву; я сначала не обратилъ на это вниманія, но затѣмъ, когда онъ повторилъ тоже самое, проѣзжая мимо второй и третьей лѣсной, меня заинтересовало узнать, что бы это значило, такъ какъ не могло быть, чтобы солидно-апатичный монголъ просто-напросто шалилъ ножомъ. На вопросъ мой «зачѣмъ

бьешь ножомъ по дереву», спутникъ нашъ разска- залъ намъ довольно интересную легенду. «Когда Богдо-Чингис-Ханъ проходилъ со своимъ войскомъ чрезъ Улей-дабанъ, то ничто ему такъ не мѣшало при перевалѣ чрезъ гору, какъ развилыстыя лиственничныя деревья: то лошади спотыкались объ ихъ корни, то выюки задѣвались за ихъ стволы, то вѣтви хлестали по лицу... Встрѣтивъ такое препятствіе, Чингисъ-Ханъ сильно разсердился и приказалъ своему войску рубить эти деревья тѣмъ, что въ данную минуту было у кого въ рукахъ. У войска же острыхъ орудій не было съ собой: у кого палка (ташуръ), у кого лукъ (номо), у кого древко отъ конья (матаръ, хандагаръ); а дѣлать нечего, нужно было исполнить волю Чингис-Хана. Вотъ и принялись рубить этими орудіями развилыстыя деревья... Трудно было... но многочисленное войско, испортивъ массу древокъ, плетокъ и луковъ, все-таки уничтожило развилыстыя деревья. Въ память этого событія Богдо-Чингисъ-Ханъ и издалъ зарлыкъ (повелѣніе), чтобы всѣ, кто только когда либо будетъ проѣзжать чрезъ Улей-дабанъ, обязанъ, если увидитъ развилыстную лѣсину, не стѣвая съ лошади, ударить по ней хоть разъ; и должно дѣлать это до тѣхъ поръ, пока не срубится такимъ способомъ лѣсина». Слушая такой интересный разсказъ монгола, я подѣхалъ къ одной изъ лѣсинъ, чтобы поближе рассмотреть стволъ ея. Дѣйствительно, дерево, на высотѣ уровня плеча сидящаго верхомъ человѣка, изсѣчено лезвіемъ ножа и избито палкой. Монголъ, разсказавшій намъ легенду, въ силу которой онъ ударилъ лезвіемъ ножа по дереву, разговаривая съ нами, между прочимъ, замѣтилъ, «какъ времена измѣнились, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ природѣ все не постоянно». «Въ недавніе годы, говоритъ онъ, подъемъ на Улей-дабанъ, начиная отъ мѣста, гдѣ растутъ «историческія» лѣсины, былъ грязень, болотистъ, а теперь сдѣлался совершенно сухимъ, даже и признаковъ прежней грязи, кромѣ заросшихъ травой кочекъ, нѣтъ». Въ разговорѣ съ монголомъ незамѣтно прошло время подъема на вершину Улей-дабана.

Отъ самаго устья р. Улей и до вершины горы, только что пройденной нами, подъемъ не крутъ, пологъ, грунтъ хотя и каменистъ, но дорога все-

таки мягка, такъ какъ нѣтъ ни крупныхъ камней, ни подземныхъ массъ ея. Съ половины взема, оглянувшись назадъ, на сѣверъ, взору открывается Дархатская степь во всемъ ея объемѣ. Съ этого пункта она кажется имѣющею форму яйца, утолщенный конецъ котораго обращенъ къ сѣверу, горы, же окаймляющія ее со всѣхъ сторонъ, кажутся не прерывной, съ одинаковою возвышенностію, бѣло-снѣжной цѣпью, только лишь остроконечный пикъ Дельсиръ-Хана, точно сторожевая башня, высится надъ этой гигантской стѣной.... Въ лѣсу, которымъ покрытъ весь сѣверный склонъ подъема, путнику незамѣтно никакой жизни; зато по разсказу монгола, въ чащѣ лѣсной водятся изюбри (Буго, маралъ), медвѣди (хара-гурго-гун, баабагай), хандагай (лось, сохатай сиб.).

Съ вершины Улей-дабана закрывается видъ на Дархатскую равнину, не видно также нигдѣ и остроконечныхъ гольцовъ: они приняли круглыя, мягкія очертанія.

Рѣка Улей имѣетъ не широкое кремнистое русло, вода журчитъ по немъ тоненькой лентой; въ ненастье же она сильно прибываетъ и грозно шумитъ, стремительно скатывая свои воды въ р. *Билотей*. На самой вершинѣ Улей-дабана расположено въ рядъ нѣсколько *Обо*.

Обо или куча есть храмъ фетишей. Первобыт- ный человѣкъ, додумавшись до идеи объединенія своихъ боговъ и приурочиванія ихъ къ извѣстному мѣсту, не удовлетворился сформированными у него представленіемъ, что извѣстная категорія боговъ живетъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Для него мало было такого простаго представленія, что, положимъ, водяные духи живутъ въ рѣкахъ, озерахъ, моряхъ, лѣсные въ тайгахъ, горныя на горахъ и т. д. Въ устройствѣ этихъ жилищъ некультурный человѣкъ, такъ сказать, не принималъ участія. Проникаясь же все болѣе и болѣе идеєю о своей зависимости или вѣрише идеєю полного подчиненія богамъ, царя- щимъ надъ всѣмъ, ему казалось недостаточнымъ приносить одни только лишь жертвы, не зная при- томъ съ достовѣрностію, гдѣ именно, въ какомъ, математически точно опредѣленномъ пунктѣ, жи- ветъ фетишь, которому въ данное время предназ-

начено жертвоприношение. Къ тому же первобытному человѣку, подъ давленіемъ идеи всецѣлой зависимости отъ боговъ, хотѣлось найти средство приблизить ихъ къ себѣ, приманить чѣмъ нибудь въ одно мѣсто, опредѣленно зная это мѣсто и какъ бы принять въ которое участіе въ устройствѣ жилищъ духовъ, чтобы тѣмъ самымъ оказать особенную почесть имъ. Исходи изъ такого желанія, первобытный человѣкъ додумался до идеи постройки храмовъ. Принося въ нихъ постоянно обильную жертву, можно, думалъ онъ, заставить духовъ поселиться внутри храма. А такъ какъ первобытный человѣкъ и самъ еще жилъ въ шалашкѣ, похожемъ на кучу, и не имѣлъ никакого представленія о возможности лучшихъ построекъ то, естественно, не могъ придумать въ первое время иной постройки вѣдл предлжаемаго обиталища духовъ, какъ таковой же, въ какой самъ жилъ. Но чтобы эти обиталища, т. е. храмы, отличить отъ своихъ шалашей, первобытный человѣкъ обставилъ ихъ, какъ увидимъ ниже, разными, имѣющими таинственный смыслъ, украшеніями. Такимъ образомъ *Обо*, куча есть первичный типъ современныхъ храмовъ; развитіе идеи предназначенія которыхъ кончилось знаменитою надписью предъ входомъ въ храмъ авиннь: «невидимому богу!». Дальше уже религіозное чувство остановилось на разработкѣ и усовершенствованіи стилей. Но не исчезъ и первичный типъ храма, *Обо*, и можно съ увѣренностію сказать, что первобытный этотъ храмъ и доселѣ не потерялъ никакихъ существенныхъ измѣненій. Архитектура его также не хитра и проста, и осталось такою же, какою была и въ ту отдаленную эпоху, когда дикарь набросалъ первую кучу хворосту, предназначивъ ее для обиталища духовъ. Усложнилась же, что было неизбежно, одна только лишь декоративная сторона обо. Вотъ подробное описаніе современнаго *Обо*—этого храма фетишей. Для образца мы беремъ *Обо*, расположенный на вершинѣ Улей-дабана, причемъ оговариваемся, что въ данной мѣстности обо имѣютъ такой же видъ, какъ и вездѣ въ извѣстной намъ части Монголіи.

Какъ мы уже сказали, обоны по внѣшней формѣ представляютъ изъ себя громадныя кучи,

которымъ придана коническая форма. Какъ основаніе для обо, наваливаютъ въ извѣстномъ мѣстѣ, преимущественно на какой нибудь возвышенности, кучу камней; если предполагается большой обо, то куча бываетъ вышиной аршина въ два. Каменная куча обносится деревяннымъ срубомъ, формой въ видѣ византійскаго церковнаго купола; въ центрѣ купола утверждается длинный четырехгранный деревянный столбъ. Столбъ этотъ, въ верхнихъ частяхъ своихъ, сначала въ видѣ шара укругляется; оконечность же, отступивъ немного отъ шарообразной части, стесывается, и ей дается видъ конуса. Всѣ четыре стороны столба исписываются тибетскимъ начертаніемъ молитвъ, изрѣченій изъ священной книги-Ганжур-Данжур, нравственныхъ сентенцій, нестрѣютъ также вездѣ и изображенія шести священныхъ звуковъ: «ом-ма-ни-бад-ме-хумъ». Каменная куча во главѣ со столбомъ называется *Суме*, т. е. храмъ, соборъ^{*)}. Суме снаружи обкладывается громадной кучей хвороста, такъ что получается конусъ вышиной въ нѣсколько сажень. Куча эта совершенно скрываетъ внутри себя суме; для входа же во внутренность обо дѣлаются три отверстія, всегда обращенныя на югъ. Отверстія входовъ маленькія, узенькія, такъ что пройти ими можно только чуть ли не ползкомъ. Въ обо снаружи втыкаютъ длинные шесты, на концахъ которыхъ укрѣпляютъ изображенія птицъ и звѣрей; изображенія эти самой грубой работы. Внизу конуса, вокругъ лазеекъ воткнуты въ кучу *сальме* (сабли), *бу* (винтовки), *номо* (луки), *годоли* (стрѣлы), *пурло-бобай* (конья). Всѣ эти предметы деревянной работы и окрашены сурикомъ. Тутъ же стоятъ *табухъ* (тарелочки), *идасу* (лодки), *тынши* (корытца); разбросаны на поверхности кучи камни съ высѣченными на нихъ молитвами и «мани»; есть также и деревянные дощечки съ вырѣзкой молитвъ и «мани». Тутъ же при входѣ, а въ особенности внутри обо, привѣшано масса хадаковъ, бурханы, обрывки шанхая (миткаль) разныхъ цвѣтовъ, конскій волосъ, разбросаны листки бумаги, исписанные молитвами и изрѣченіями на тибетскомъ, монголь-

^{*)} Простой не соборный храмъ буддисты называютъ *дунгун*.

скою санскритскою языкахъ. Точно также внутри кучи, на сѣверной ея сторонѣ, привѣшено лицомъ къ югу изображеніе вѣчнаго и великаго Будды; по сторонамъ Будды висятъ другія изображенія боговъ: именно а) *Очирвани* (покровитель народа), б) *Майдери* (будущій мессія), в) *Динженгорма* (ведущій борьбу со злыми духами) д) *Банн-намсарай* (богъ дошольства), е) *Губил-и* (?), г) *Дайндарли* (Миръ), и) *Нююн-дариге* (богиня плодородія) г) *Саян-дариге*. Изображенія этихъ божествъ сдѣланы масляными красками на шелковыхъ платахъ. Весь обо снаружи обнесенъ деревянной оградой, имѣющей четырехъ-угольную форму, но входа въ ограду не сдѣлано, такъ что, чтобы войти въ обо, нужно перелезнуть чрезъ створы.

Сейчасъ описанный нами обо есть главный, центральный. По обѣ стороны этого обо, въ одну линию съ нимъ, отъ запада къ востоку расположено по шести съ каждой стороны малыхъ обо. Внешній видъ ихъ такой же самый, какъ и у центрального; но только лишь они меньше и на устройство ихъ не столько потрачено искусства, они первобытныя. Въмѣсто лавочекъ въ боковыхъ обо, съ южной стороны ихъ сдѣланы просто ниши; внутри набросаны безформенной кучей камни; къ хворосту привѣшаны хадаки, миткаль и конский волосъ; изображенія бурхановъ нигдѣ нѣтъ; только лишь въ каждой третей, отъ краю, а не отъ центральной кучи, въ центрѣ ниши укрѣпленъ столбъ, тоже неписанный изрѣченіями молитвъ и «манъ». Боковые обо, какъ и главный, обнесены низенькой, четырехъ-угольной оградой*).

* Судя по словамъ историка Заблани и у древнихъ славянъ существовали почти такіе же, какъ описанный нами сейчасъ, обо. Чтобы приносить жертвы Арю-богу воиномъ, въ каждой обонѣ висѣлъ Заблани, устраивавшій изъ сѣконокъ хвороста рядъ кургановъ на три стады изъ длину и ширину, въ длину же вышло съ трехъ боковъ утеснѣній, а съ четвертаго (южной) дѣлалъ выходы. Каждый годъ на ту же кучу сдѣланы сто пятидесятъ дюновъ новаго хвороста, такъ какъ прежній отъ невоныя обсыдалъ. На передней четырехъ-угольной площадкѣ этого кургана воздвигали старинный жогъный мехъ, цитронъ и означали кумиръ. Арю (во Арюхъ ли? смол. склннъ Ан-Дэма-Ханъ). Отъ югъ кучу ежегодно приносили въ жертву мясо и жиръ и горели въ большомъ количестве, чѣмъ другія божества. Когда кончатъ въ ихъ испривѣданіи, то отъ каждой кучи, отъ югъ приносятъ въ жертву: пламя было на головахъ людей, раскрѣиваютъ ихъ надъ сѣдломъ, вѣтви по-стѣтхъ крош. на курганѣ и жгутъ ее на мѣхъ. (Забланихъ, Ист. Р. Ж. Тюрк. 1-й т. 3 ст. 245.

Ашгаръ.

На западной сторонѣ обо, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нихъ, стоитъ очень толстая лиственница; она почитается священной и извѣстна у монголовъ подъ именемъ *Лусейн тахилатей бо модо*. Не ругаясь за вѣрность перевода, и передать бы по русски это названіе дерева такъ: «шаманское (бо) дерево (мода), предъ которымъ приносятъ жертву (тахил—жертва) духу *Лу*». У ствола этого дерева на поставкахъ стоитъ деревянное корыто. Монголъ хотѣлъ изобразить лодку, но послѣднее ему не удалось, и вмѣсто лодки вышло корыто, которое все-таки называется *Делхейн-унгасу*—(мірован лодка). Въ эту лодку кладутъ жертвенное мясо тенгриномъ. Вблизи делхейн-унгасу поткнутъ кедровый шестъ въ сажень вышиной; шестъ этотъ, буквально, снизу доверху унизанъ хадаками, конскимъ волосомъ, миткалемъ и всякимъ тряпьемъ. Украшенный тряпьемъ, шестъ называется *Джимилге*. Тутъ же стоитъ деревянная пинтовка (бу), копые (джодо), сабле (сабля). Джодо, сабле и бу, точно также какъ джимилге, унизаны тряпьемъ. Провожавшій меня, монголъ подошелъ сначала къ делхейн-унгасу, приложилъ ладони ко лбу, потомъ къ груди и, держа ихъ у груди, сдѣлать три земныхъ поклона; потомъ снова приложилъ руки ко лбу и коснулся лбомъ края делхейн-унгасу. Тутъ самую церемонію исполнилъ, подходя по очереди къ джимилге, дада, бу и сабле; затѣмъ сабле владѣ въ правую руку и началъ концемъ ея тыкать себя вездѣ, куда только могъ достать рукою. По окончаніи обряда «тыканія», помадь тою же саблею очертилъ крестообразно руки, ноги, лицо, темя головы, животъ и спину; однимъ словомъ очертилъ себя вездѣ, причемъ преуморительно юрчидея, стараясь изгибаться такъ, чтобы этимъ саблею очертилъ рѣшительно все тѣло. Провѣщая мааниуджии съ саблей, монголъ приложилъ ее ко лбу и вынулъ руки, съ благоговѣніемъ поставилъ этотъ священный предметъ (сабле) на прежнее мѣсто. На вопросъ мой, «что ты дѣлаешь, зачѣмъ тыкаешь тѣло саблей?», помадь набожно отвѣтилъ: «*быне амимъ милу*», т. е. предохранить тѣло отъ разныхъ болѣзней.

Прежде чѣмъ уйти отъ священнаго дерева, монголъ, держа сложенные ладони у лба, обнесеть

вокругъ деревнѣ три раза, сдѣлать на вѣѣ четыре стороны по земному поклону и растопырить руки, точно крылья, пошелъ по направленію къ обо, на лѣвая заунывную мелодію шести священныхъ звуковъ: ом-ма-ни-бад-ме-хомъ. Причемъ идучи, монголь то руками махалъ, подражая птичьему взмаху крыльями, то приветалъ, то очерчивалъ руками круги, то будто бы отбивался ими отъ кого нибудь. Приблизившись къ обону, номадь вѣлъ въ средину его, приложился къ бурханамъ и привязалъ хадакъ; потомъ обошелъ вокругъ обона три раза: передъ входомъ въ обо поклонился до земли три же раза; перелѣзъ ограду, вновь сдѣлать три земныхъ поклона и пятясь задомъ, отошелъ отъ обо на приличное разстояніе, сдѣлать поасной поклонъ, и затѣмъ уже повернулся и въ молитвенномъ сосредоточіи, тихо направился къ тому мѣсту, гдѣ были привязаны лошади и послѣ удовлетворенія своему религиозному чувству, предался житейскимъ заботамъ: прежде всего раскурить трубку, а затѣмъ заботливо спросилъ меня, «долго ли я пробуду близъ обо и гдѣ намѣренаюсь остановиться полдничать». Номадь, вѣротно, былъ голоденъ и ему не хотѣлось пропустить случая пообѣдать съ нами, привязанное въ таракахъ сѣдла мясо не мало таки соблазнило его. Чтобы успокоить монгола и не лишить его надежды быть сытому, я сказалъ ему, что если только у подошвы горы есть вода, то мы, спустившись, и остановимся. Затѣмъ желая самъ, безъ согласной, повнимательнѣе осмотрѣть обо, я попросилъ монгола посидѣть съ моимъ вожакомъ и подождать моего прихода; монголь согласился. Я пошелъ къ обонамъ; и только что успѣлъ войти внутрь главной кучи и изобразиться на деревянный куполь, какъ услышалъ издали себя шорохъ. Я сейчасъ же смекнулъ въ чемъ дѣло. Опасаясь за осверненіе своей святыни, а главнымъ образомъ за цѣлость ея, недоверчивый номадь, немного погодя, пошелъ вслѣдъ за мною къ обо, чтобы наблюдать, что я тамъ дѣлаю. Стоя у входа въ обо, монголь окликнулъ, «тутъ ли я, что дѣлаю и скоро ли выйду». Не желая оскорблять религиознаго чувства монгола, а тѣмъ болѣе навлекать на себя подозрѣніе, и въ свою очередь спросилъ монгола: «зачѣмъ онъ пришелъ за мной и по-

чему торопится? не освернено ли я своимъ присутствіемъ святыни, и можно ли чужеземцу входить внутрь обона». На это номадь отвѣтилъ, «серте уве» — грѣха нѣтъ; но на вопросъ мой: «не боится ли онъ, что я стану что нибудь» простодушный номадь, вмѣсто отвѣта, разсмѣялся. Понявъ другъ друга, я пригласилъ номада войти въ обо и наблюдать за мной. Такимъ образомъ, я хоть и подъ наблюденіемъ степнаго аргуса, опасавшагося за цѣлость своей святыни, все-таки успѣлъ осмотрѣть обо. Откровенно сознавшись, номадь въ своемъ подозрѣніи былъ правъ: мнѣ сильно хотѣлось, обманувъ бдительность монгола, стащить изображение Очернани, но согласной такъ обязательно и толково отвѣчалъ на вѣѣ мои вопросы и давалъ объясненія, и притомъ такъ былъ извѣстно доверчивъ, что мнѣ совѣстно было привести въ исполненіе свое желаніе и обмануть номада.

Кромѣ обоновъ, тутъ же, издали ихъ на сѣверной сторонѣ стоитъ шаманскій жертвеникъ; это просто деревянный амбарчикъ, внутри полно набитый камнями; жертвеникъ не обнесенъ оградой, также не видно нигдѣ и огонковъ.

Въ июль мѣсяцѣ на вершину Улей-дабана къ обо собираются ламы и народъ; служатъ гуримы, приносятъ жертвы духамъ и освящаютъ воду. Моленіе продолжается дня три и бываетъ громадное стеченіе народа. Послѣ молений устраиваются празднества: скачка, бѣги, борьба; трубадуры распеваютъ богатырскія пѣсни и пр.

Послѣ исполненія буддійскихъ обрядовъ жертвоприношеній, приѣзжаютъ и шаманы совершать свои камзанія и приносить жертвы огонямъ. Но замѣчательнѣе всего то, что обрядъ жертвоприношенія шаманскаго буквально исполняется такъ, какъ описалъ этотъ обрядъ у скивовъ нашъ историкъ Забѣлинъ. Ввиду такого интереса, не будемъ сами описывать его, а позволимъ себѣ цитировать это описаніе у историка: «Жертвоприношеніе, пишетъ Забѣлинъ, у всѣхъ (скивовъ) приносилось одинаковымъ образомъ. Жертва (волъ, корова) стоитъ со спутанными передними ногами. Приносящій жертву, стоя позади ея, потянувъ за конецъ веревки, опрокидываетъ ее, и какъ скоро она падла, взывалъ къ

богу, которому жертвовали, потом накидывали на шею петлю, продевали въ петлю палку, которою перевертывая, удавливали животное; затѣмъ раздѣляли на части и принимались варить мясо въ котлы, изъ свареннаго божееству приносили начатки мяса и утробы. Кроме рогатаго скота, приносили въ жертву и другихъ домашнихъ животныхъ и особенно лошадей *). Въ описаніи этомъ, вполнѣ согласномъ съ тѣмъ, что дѣлаютъ монголы-шаманисты во время своихъ жертвоприношеній, есть только маленькая разница: именно монголы не «удавляютъ» какъ скифы жертву, а, поваливъ ее, прокалываютъ дыру противъ сердца и, засунувъ руку, снимаютъ его до тѣхъ поръ, покуда животное не умретъ.

Цѣль постановки только что описанныхъ нами обо, какъ объяснилъ намъ обязательный монголъ, слѣдующая. Вершина Улей-дабана считается священной, во-первыхъ, потому, что проходила черезъ нее Богдо-Чингис-Ханъ, а во-вторыхъ, потому, что такъ какъ Улей-дабанъ **) есть главный источникъ воды, орошающихъ Дархатскую равнину; изъ него беретъ начало главная рѣка равнины р. Шинкитъ, привившая къ себѣ всѣ другія рѣки, то на вѣршинѣ этой горы, по предположенію монголовъ, и долженъ обитать духъ хозяинъ воды (Усунай-алшеха); тутъ же должны быть и лѣсные огоны (Модоней-алшеха). Не замалчивать же духовъ, управляющихъ теченіемъ р. Шинкитъ, значить навлечь на себя немилость ихъ; Усунай-алшеха могутъ прекратить теченіе рѣки, тогда вода высохнетъ и въ равнинѣ не будетъ ни травы, ни воды. Такъ вотъ въ честь Усунай-алшеха, Модоней-алшеха и въ память Богдо-Чингис-Хана и поставлены эти обоы. Моленіе же и жертвоприношенія ламъ и шамановъ и состоятъ главнымъ образомъ въ умилостивленіи тенгрийскъ покровителей воды и лѣса, причемъ главная жертва приносится духу хозяину воды. Именно же въ данной мѣстности поставлены обо потому, что это проѣзжая дорога, такъ, что каждый проѣзжающій и проходящій мимо обо непременно

принесетъ что нибудь въ жертву духамъ, а тѣмъ самымъ поддерживается милость духовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что обоы, цѣль ихъ устройства, жертвоприношенія, гимны (молебствія)—все это, совершаемое современными представителями буддизма, не имѣетъ ничего общаго съ чистымъ философскимъ, атеистически—раціоналистическимъ ученіемъ Будды. Все это остатки фетишизма, внесенные въ религіозный кодексъ Будды его послѣдователями и на вѣрное можно сказать, что внесены они безъ согласія на то философа, такъ какъ суевѣрія эти, войдя въ составъ религіи, осквернили высокое и чистое въ свое время ученіе раціоналиста Будды, который отвергалъ не только существованіе чертей, но и самое верховное существо. Одинъ изъ ученыхъ буддистовъ—Зурухайчи лама (вначетникъ, богословъ патентованный) въ бесѣдѣ со мной, вотъ какъ развилъ передо мной ученіе «Будды»: Будда (Шиги-муни) училъ, что нѣтъ творческой силы, которая могла бы создать природу, весь видимый міръ по своему произволу, по своему желанію. Читая книги вѣчнаго Шиги-муни, мы знаемъ, что нѣтъ творца и промыслителя вселенной. Не можетъ быть, чтобы этотъ прекрасный міръ могла создать воля одного лица, иначе міръ, сразу, не во времени былъ бы созданъ, и созданіе это во всѣхъ своихъ частяхъ разъ и навсегда было бы законченнымъ и не терпѣло бы никакихъ измѣненій, нарушающихъ его цѣльность, законченность, а съ нею вмѣстѣ и необходимую неподвижность: міръ былъ бы неподвижнымъ сдѣлкомъ, сдѣланнымъ искусной рукой творца. Разрушившаяся, отломившаяся какая нибудь часть міра, какъ часть цѣлаго, не могла бы никѣмъ и ничѣмъ замѣниться, а тѣмъ болѣе вновь возродиться. Положимъ дерево окончило свой предѣлъ и, одрахлавъ, свалилось, то самому творцу нужно было бы, на мѣсто свалившагося дерева, приставить прямо къ нему, новое вполнѣ сформированное дерево; иначе оно не могло бы, какъ мы видимъ, вырасти изъ корня, быть сначала едва замѣтнымъ отъ земли отросткомъ и, во времени, обратиться въ громадное дерево. Приставленное же творцомъ новое дерево, на мѣсто окончившаго свое дѣло, непременно было бы, по формѣ, росту и тол-

*) Изв. Рус. Яз. Изд. Яз. Ч. 1-я ст. 244—5.

**) Улейданъ есть собственное имя одной изъ вершинъ горнаго хребта Улай-шанъ.

живъ, такое же самое, какъ и свалившееся. Создай все сразу творецъ—не могло бы быть такой жизни, постоянныхъ измѣненій въ природѣ, какъ мы видимъ каждую минуту. Все бы было неподвижно, неизмѣнно, постоянно, сегодня какъ и вчера, завтра—какъ и сегодня. Между тѣмъ мы видимъ со-всѣмъ другое: то умираетъ, то родится, то растетъ, то обращается въ пепелъ, то измѣняетъ свою сущность до неузнаваемости, то погибая на время, чрезъ извѣстный періодъ вновь возрождается. Изъ зерна вырастаетъ трава, изъ травы образуется стебель, стебель вѣтвится колосъ съ зерномъ. Все движется, жизнь кипитъ кругомъ: рѣка уноситъ свои воды, но не истощается; былъ сегодня человекъ—завтра умеръ, потеряла душа свою оболочку; тѣло сгниетъ, а душа даетъ жизнь другому чемунибудь.... Сегодня такъ, а завтра иначе.... все измѣняется, перерождается и нѣтъ въ мірѣ ничего такого, что хотя-бы приблизительно напоминало о постоянствѣ (машинности), а значить говорило бы и о существѣ, управляющемъ міромъ по отъ вѣка (дайда) неизмѣннымъ законамъ; а это непременно было бы, что-бы міръ создало по своей волѣ одно лицо. Но не такъ—міръ созданъ во времени, а не въ мгновеніе, и не однимъ лицомъ; в творческая сила не утасла, она продолжаетъ и теперь еще созидать. Почему одинъ годъ засуха, корма нѣтъ, скотъ валится, люди съ голоду мрутъ, а на другой годъ, травы много, скотъ жирѣетъ, люди въ довольствѣ.... Зачѣмъ трава на зиму засыхаетъ и весной вновь возрождается? Не было бы этого, если бы одно лицо создало видимый міръ; тогда бы мы знали, что будетъ завтра, чрезъ мѣсяць, чрезъ годъ.... знали бы, когда будетъ дождь, когда снѣгъ; знали бы и часъ своей смерти.... «А по вашему—такъ ли?» закончилъ Зурухайчи изложеніе своего міровоззрѣнія.... И такъ значить, обо, жертвы и моленія при нихъ, хотя и совершаются служителями будды, но не потому, чтобы философъ указалъ своимъ послѣдователямъ обращаться съ просьбой къ разнымъ хозяевамъ міра—духамъ. Будда ихъ не призываетъ, а потому, что служители эти не свободны отъ перво-бытно-наивныхъ суевѣрій. Несомнѣнно, что съ проникновеніемъ европейскаго просвѣщенія въ бритыя

головы ламъ, наносныя суевѣрія, застывшія на стадіи переживанія, отбросятся какъ ненужныя; догматы Будды очистятся, и ученіе его послужитъ корнемъ, который въ будущемъ, при содѣйствіи науки, дастъ хорошіе, здоровые ростки. Будущее буддизма еще впереди. Современные послѣдователи этого ученія, вдавшись въ схоластическое толкованіе разныхъ обрядовъ, не понимаютъ еще его сущности.

Сейчасъ же отъ обо начинается спускъ съ Улей-дабана въ равнину *Бальбрукъ*. Спускъ широкъ и пологъ, по обѣ стороны его, окаймляя дорогу, текутъ два ручья; дорога суха, мягка. Съ половины спуска, правая его сторона приподымается; ручей отклоняется къ западу, и дорога идетъ косогоромъ, такъ до самаго входа въ горную равнину, расположенную амфитеатромъ между Улей дабаномъ и Бальбрукъ дабаномъ. Въ центрѣ этой равнины сходятся оба ручья, текущіе съ южнаго склона Улей дабана, и соединившись въ одно русло, впадаютъ правыми притоками въ р. *Бальбрукъ*, какъ мы уже знаемъ, одну изъ вершинъ р. Шинкитъ. Первый изъ этихъ ручейковъ, восточный, называется *Сахир-ара* (Харганта тоже), а параллельный съ нимъ—*Самжа*. Послѣдній, соединившись съ р. Сахир-ара, теряетъ свое названіе.

У устья р. Сахир-ара мы и остановились ночевать. Хотя было еще рано и можно бы, отдохнувши, еще сдѣлать не большой переходъ, но мы рѣшили остаться потому, что одна изъ нашихъ лошадей прихворнула, а это былъ существенный вопросъ экспедиціи. Не имѣя средствъ, болѣзнь лошади многимъ кой чѣмъ неприятнымъ грозила мнѣ. А вдругъ нельзя будетъ вѣхать?... Что тогда?... Болѣзнь лошади состояла въ опухолѣ ноги. Спутникъ мой, Степанъ, пустилъ въ дѣло, какъ лекарство, соль. Поставивъ въ воду коня, онъ началъ натирать ему солью ноги.... Средство по видимому оказалось дѣйствительнымъ, такъ какъ къ вечеру опухоль замѣтно уменьшилась, это насъ успокоило. Сегодняшній день былъ какъ и все: утромъ солнечный, потомъ потянулись тучи, къ вечеру подулъ западный холодный вѣтеръ и ночь обѣщала быть такъ же холодной.... прошли мы сегодня не болѣе 15 верстъ.

Остался ночевать вмѣстѣ съ нами и случайный нашъ спутникъ монголъ Гарма, онъ былъ *ларан*, т. е. не духовный, не лама^{*)}. Разговаривая съ нами, Гарма, между прочимъ, рассказалъ намъ, что «на востокъ отъ Улейскихъ обое есть гора, подъ именемъ *Дакъ, мырын-хутулъ* тожъ. На этой горѣ будто бы есть котловидная, громадная чаша; высѣчена она изъ камня и наполнена ни когда не убывающею водою. Чаша же эта называется *Делхейн-гансха-сугусу* (одна изъ мировыхъ чашъ). Делхейн-гансха-сугусу стоитъ будто бы на четырехъ подставкахъ, и подставки эти заклеены четырьмя красными печатями четырехъ царей, властвующихъ четырьмя странами свѣта; и счастливъ тотъ человекъ, который побываетъ на этой горѣ, поклонится на всѣ четыре стороны и попьетъ воды изъ Делхейн-гансха-сугусу.

Я заинтересовался рассказомъ номада и началъ просить его завтра же съѣздить на эту гору; но Гарма ни малю не соглашался исполнить мою просьбу. Напротивъ, чѣмъ настойчивѣе я просилъ его, тѣмъ онъ становился все молчаливѣе и молчаливѣе и, наконецъ, толи опасаясь насилія съ нашей стороны, толи боясь поддаться соблазну, хотѣлъ было удрать отъ насъ. Тогда я, видя бесполезность своихъ просьбъ, прекратилъ разговоръ о горѣ Дакъ, но въ то же время рѣшилъ, во чтобы то ни стало добраться до этой горы.

7 Июля. *Рольски юрта Мырын-хутулъ (Дакъ тожъ) и осмотръ ея.* Гарма, изъ боязни, чтобы я вновь не сталъ надокучать ему своей просьбой, уѣхалъ домой чуть свѣтъ, даже не захотѣлъ напиться съ нами чаю. Мы же, согласно вчерашнему рѣшенію, отправились разыскивать Мырын-хутулъ и знаменитую на немъ Делхейн-гансха-сугусу. Всѣ наши свѣдѣнія о данной мѣстности ограничивались крайне смутными указаніями Гарма; отъ него мы только лишь и могли добиться, что Мырын-хутулъ находится въ общей связи съ Улей-дабаномъ, и что между Улей-дабаномъ и Дакъ есть горный проходъ, по которому протекаетъ рѣка *Улин-зургенъ* (красное

сердце). Вотъ всѣ примѣты, какія мы узнали отъ номада, очевидно враннаго и путавшагося въ своихъ отвѣтахъ, когда я настойчиво разспрашивалъ его о дорогѣ и просилъ, что если ужъ онъ не хочетъ быть проводникомъ, то хоть бы по основательнѣе указалъ дорогу и признаки, по которымъ можно было бы ее найти; но Гарма струсилъ вчера и, будучи насторожѣ, чтобы не проговориться, на всѣ наши вопросы, кивалъ только головой и ничего не говорилъ. Но такъ или иначе мы отправились. Осмотрѣвъ внимательно мѣстность, мы рѣшили добѣжать до южнаго конца долины *Бальбрукъ* и затѣмъ, поверотивъ назадъ, начать подъемъ по первому же распадку или ручью, если таковой окажется на сѣверной сторонѣ. Остановившись на этомъ планѣ, мы продолжали идти по Билтыеской дорогѣ.

Мы уже говорили, что ночлегъ нашъ былъ у устья р. Сахир-ара. Билтыеская дорога отъ этого устья тянется прямо на югъ. Между южныхъ и юго-западныхъ горъ, окаймляющихъ равнину Бальбрукъ, видны болѣе или менѣе значительные распадки, обнаженные отъ древесной растительности. Въ этихъ распадкахъ расположены зимнія (убызон) кочевья дархатцевъ; а такъ какъ лѣтомъ имъ запрещено тутъ жить, то всѣ они и вскочевываютъ въ это время въ долину р. Шинкитъ; остается только лишь три юрты, хозяева которыхъ обязаны наблюдать за проезжающими изъ Билтыескаго каравана, а также слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не пригонялъ своихъ табуновъ въ распадки горъ. Теперь, когда мы проезжали, въ разныхъ мѣстахъ стояло еще до десятка юртъ, но монголы приготовились уже къ кочевкѣ. Причиной запрещенія монголамъ жить въ этой мѣстности понятна. Известно, что монголы не запасаютъ на зиму корма для своихъ табуновъ, предоставивъ имъ право разыскивать себѣ подножный кормъ въ теченіе всей своей жизни; по этому то монголы-скотоводы и дорожатъ такими мѣстами, гдѣ растетъ высока, густая трава. Этихъ пастбищъ лѣтомъ не вытраиваютъ, а оставляютъ траву на зиму. Въ распадкахъ же горъ и котловинахъ, всегда обильно орошаемыхъ, а зачастую и болотистыхъ, трава всегда растетъ болышия, даже и въ засушливый годъ, когда степи бываютъ выж-

*) Хария значитъ черный, пѣлшордмай — этимъ именемъ ламы называютъ всѣхъ принадлежавшихъ къ духовному сословию вължычской породы.

жены. Кроме этого, между горъ *теплье* зимой, меньше дуетъ вѣтеръ и нѣтъ нужды, по понятію дѣтня-монгола, строить тепловыя загороды для скота. Въ бурливую зимнюю погоду скотъ прячется въ дѣсной чащѣ, замѣняющей ему сарай и стайки. Насколько выгоднѣе жить между горъ, въ дѣсу, видно, между прочимъ, изъ того факта, что когда въ слѣдствіе вынавашаго съ 28 на 29 іюня снѣга, въ дархатской равнинѣ пропало отъ холода много овецъ, въ то же время, въ описываемой нами мѣстности, хотя также былъ снѣгъ, но ни одной овцы не пропало; всѣ они спаслись отъ стужи въ дѣсной чащѣ, представляющей изъ себя затишье. Благодаря этому преимуществу горныхъ распадковъ, сравнительно съ открытыми мѣстами, номады дорожатъ ими и ноены строго преслѣдуютъ и разыскиваютъ съ тѣхъ, кто своими табунами вытравливаетъ кормъ въ распадкахъ и позволяетъ себѣ лѣтомъ жить въ нихъ.

Однимъ изъ такихъ распадковъ и идетъ дорога въ Билтыскій караулъ. Она сначала пролегаетъ по горному восточному отрогу и покрыта розсыпями мѣня. Послѣ получасоваго перехода отъ мѣста стоянки, дорога развѣтвляется; на юго-западъ идетъ тропинка въ *Аларинскій* и *Саян-булукскій* караулы, а прямо на югъ въ Билтыскій караулъ. Тутъ же мы примѣтили идущій съ сѣвера распадокъ и рѣшились отворотить отъ дороги и подниматься по нему для розысковъ интересующей насъ горы. Итакъ, значить, на время простимся съ Билтыской дорогой и запомнимъ, что мы оставили ее въ горной равнинѣ Бальбрукъ. Это намъ нужно для того, что послѣ осмотра искомой горы, я, чтобы не терять нити описанія примаго своего пути, какъ главной своей цѣли, намѣренъ вновь воротиться въ равнину Бальбрукъ.

Отворотивъ отъ Билтыской дороги, мы обогнули горный мысъ отрога Улей-дабана и по распадку поѣхали на сѣверъ, держась лѣваго берега ручейка, имени котораго мы не знали, но сообразуясь съ разсказами Гармы, предположивъ, что это и долженъ быть *Улан-зурхень*. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи, не имѣя увѣренности, что избранная нами дорога приведетъ къ желанной цѣли, мы прошли полтора часа по совершенно высохшему болоту

широкаго горнаго распадка; но вскорѣ къ радости своей увидѣли табунъ лошадей и отару овецъ, а это было яснымъ признакомъ того, что вблизи гдѣ-нибудь должно быть жилье. Дѣйствительно, зоркій глазъ моего спутника, Степана, примѣтилъ юрту, по направленію къ которой мы и поѣхали. Юрта стояла у опушки лиственничнаго дѣса на берегу ручья, принятаго нами за р. *Улан-зурхень*. Подѣхавъ къ юртѣ, мы увидѣли мирную семейную картину. Хозяинъ юрты, немолодой монголъ, его жена и домочадцы, совершенно нагѣ, сидѣли близъ юрты и немилосердно колотили длинными палками по разостланномъ на лиственничной корѣ толстомъ слоѣ овечьей шерсти. Цѣлью этого занятія было размячь шерсть, сдѣлать ее пушистою, чтобы удобнѣе было катать изъ нея войлоки (тохомъ). Приѣздомъ своимъ мы нарушили это мирное занятіе, монголка ушла въ юрту, а привѣтствіемъ съ нами началъ обмѣниваться одинъ лишь хозяинъ монголъ, причѣмъ накинулъ на свое голое тѣло халатъ. Послѣ обычной процедуры «мендуканья» и обмѣна разспросовъ о новостяхъ, мы, по приглашенію номада вошли въ юрту; попотчивали другъ друга трубкой; вновь переспросили о здоровьѣ, затѣмъ и, первымъ долгомъ, конечно, началъ осведомляться гдѣ мы, въ какой мѣстности находимся. Словоохотливый монголъ, какимъ впрочемъ, онъ въ слѣдствіи оказался, не сразу намъ отвѣтилъ а въ свою очередь поинтересовался узнать, «что мы за люди, откуда, куда и зачѣмъ ѣдемъ и что веземъ съ собою для продажи». Обдумывая отвѣты монголу, я наткнулся на счастливую мысль «дай-ка, думаю себѣ, скажу монголу, что я *сузукъ-хун* (паломникъ). Ухватившись за эту мысль, я отвѣтилъ номаду, что «ѣду изъ далекихъ и въ далекія же края богу молиться; (Мургуху ябажи ябасан-банап), между прочимъ теперь думаю пробраться въ Богдо-курень^{*)} и принять отъ *Бого-ламы адиса* (благословеніе), а такъ какъ я сузукъ-хунъ, то и не имѣю ничего для продажи^{**)}. Нѣкоторое мое знаніе монгольскаго языка и серьезный тонъ расположили номада въ мою пользу и онъ, по-

^{*)} Такъ монголы называютъ свою столицу Ургу, которая еще извѣстна и подъ именемъ Дакуре—военный городъ.

^{**)} Обычай запрещаетъ всѣмъ, идущимъ на поклоненіе, заниматься торговлей и промыслами.

видимому, повѣрилъ мнѣ; когда же услышалъ, что родина моя *Хараолай запада* *) (близь Чернаго моря), то у него разсѣялось послѣднее сомнѣніе касательно правдивости, высказанной мною цѣли поѣздки. Монголь сдѣлался разговорчивѣе и, заинтересовавшись мною, безъ умолку задавалъ вопросы: «гдѣ я былъ, въ какихъ мѣстахъ кланялся святымъ, гдѣ какія бѣтъ мѣста, въ какой странѣ какія люди живутъ, долго ли пробѣзжу» и проч., и проч... Удовлетворяя его вопросамъ, я, между прочимъ, сказалъ ему: «слышалъ я отъ добрыхъ людей, что въ Дархатскомъ хашунѣ, по рѣчкѣ Улан-зурхень, на горѣ Мыргын-хутуль, есть делхейн-гансха-сугусу и что де имѣю намѣреніе и т. д. все какъ подобаетъ сузукъ-хуну... такъ не заблудились ли мы съ товарищемъ: что это за мѣстность, какъ называется ручей и гдѣ идетъ дорога къ горѣ Мыргын-хутуль?» Вслѣдъ за окончаніемъ этой паломнической тирады, я, по обычаю монголовъ, поднесъ своему собесѣднику хадакъ **). Простодушный номадъ сначала поднесъ хадакъ ко лбу, съ благоговѣніемъ положилъ его на бурхани шире (божницѣ) и затѣмъ уже довѣрчиво отвѣтилъ, что мы немножко не туда попали. Мѣстность эта называется *Барун-оабанай жалиа* (надъ правой горы); если бы вы миновали эту падь, обогнули еще мысъ, тогда бы пришли къ полудню къ р. Улан-зурхень, вверхъ по которому, идучи дорогой, добрались бы до Делхейн-гансха-сугусу», объясняя намъ монголь.

— «Ну, а нѣтъ ли другой дороги, болѣе прямой?»

«Есть» — отвѣтилъ монголь, «только на лошадяхъ (знил-дере — верхомъ) нельзя ѣздить по ней. Слишкомъ крутыя подъемы. Отсюда усердные богомольцы ходятъ пѣшкомъ. Встаютъ рано утромъ и доходятъ до Делхейн-гансха-сугусу» только лишь къ вечеру.

Пользуясь благодушнымъ настроеніемъ монгола и его довѣрчивостію къ намъ, я вновь предложилъ ему вопросъ:

*) Монголы равно и буряты увѣрены, что близь Чернаго моря и по берегамъ его живутъ родичи ихъ, монголы же, что тамъ есть роскошные буддійскіе храмы и проч.

***) Обычай монголовъ требуетъ, чтобы всякій, имѣющій нужду въ другомъ, послѣ изъясненія своей просьбы поднесъ хадакъ; обычай также требуетъ при первомъ знакомствѣ какъ бы для скрѣпленія его обмѣниваться хадаками.

«Не согласишься ли ты быть моимъ проводникомъ? Мнѣ непременно нужно быть у этой святыни... Возьми деньги, только проводи меня».

На мое соблазнительное предложеніе, монголь не сразу отвѣтилъ, началъ разглагольствовать о своихъ нуждахъ и свелъ рѣчь на то, что онъ «шьеть себѣ новый дегыль (шуба, халатъ) и на бѣду пуговицъ нѣтъ». Это былъ намекъ на то: не помогу ли я горю? Какъ разъ кстати у меня были въ запасѣ стальные пуговицы, и я обязательно предложилъ ихъ монголу. Видя съ моей стороны такой, такъ сказать, вполне достойный сузука, поступокъ, монголь началъ издалека, хотя и не особенно хитро, давать понять, что де за хорошую плату, отчего же не помочь богоугодному дѣлу». «Ставши на эту почву, мы скоро уладили дѣло; условились въ платѣ и времени отправки. Идти нужно было утромъ; и мы въ ожиданіи его, разбили свою палатку близь юрты номада, а его, самого пригласили къ себѣ въ гости. Время до вечера прошло незамѣтно въ разговорахъ о хубилганахъ (перерожденцахъ) гыгенахъ (земныхъ богахъ) и другихъ, приличныхъ сузуку темахъ.

Итакъ, я завтра, въ роли *сузукъ-хуна* отправляюсь пѣшкомъ (ябагар ябажи санатай байнаб). Пѣшую дорогу я избралъ потому, что переходъ до р. Улан-зурхень во-первыхъ далекъ, а лошадямъ нужно дать роздыхъ, во-вторыхъ же, если бы я предпочелъ верховой путь, то тогда пришлось бы далеко отклониться отъ Билтысской дороги, а это не входило въ мои планы.

Повидимому странно и мало вѣроятнo, чтобы народъ, свободно исповѣдующій свою религію, свободно и открыто поклоняющійся своимъ святынямъ, имѣлъ причины скрывать мѣста, почитаемыя имъ за святыя и боялся бы говорить про нихъ, хотя бы даже и чужеземцу. Нашъ русскій знатокъ святынь мѣсть, проводящій «лѣто по купечеству, а зимой по монастырямъ», что для души спасительно и насчетъ трапезы обильно, съ удовольствіемъ будетъ вамъ врать о разныхъ, будто бы видѣнныхъ имъ чудесахъ, мисточивыхъ главахъ, земномъ пупѣ и пр., будетъ вамъ врать даже и тогда, если вы очевидно неохотно его слушаете. Любой изъ этихъ про-

ходимцевъ расскажетъ вамъ, что онъ видѣлъ часть «древа лѣстницы, юже Іаковъ видѣ во снѣ», картинно опишетъ башню, изъ которой «царь Петръ, будучи малымъ младенцемъ, убилъ утницу, сѣдящу на высоцѣмъ дровѣ». «Прїѣзжай къ намъ хоть тотъ же монголь, ему, если только онъ захочетъ ознакомиться съ нашими *достопримѣчательностями* будетъ открыто все и вездѣ. Увидитъ онъ даже слезы богородицы и осколокъ дерева изъ Ноева ковчега... Между тѣмъ монголь, будучи также свободенъ въ дѣлахъ своей религіи, какъ и русскій, молчитъ про свои святыни и даже боится какъ-нибудь проговориться незнакомому человѣку о мѣстахъ, гдѣ они скрываются. Боязнь эта понятна у буддиста и шаманиста бурята: надъ нимъ когда-то смѣялись, его преслѣдовали извѣстнаго сорта люди, было время, когда надругавшись, даже уничтожали его святыни. Бурята свободно, открыто не могъ молиться, хотя закономъ это ему и не было запрещено. Онъ прячется, и не безъ основанія, куда нибудь подалше, желая исполнить обряды по требованію своей религіи и тщательно скрываетъ отъ чужихъ зоркихъ глазъ мѣста своего поклоненія... Но монголь? Ему то чего бояться? Строятъ онъ дацаны (храмы) безъ всякаго на то «разрѣшенія»; молится богу открыто, когда и какъ хочетъ; святыни его никто не смѣетъ, ни тайно, ни открыто, ограбить, никто не смѣетъ разрушить, оплевать, надругаться. Если бы кто-нибудь и рѣшился сдѣлать такую дерзость, и задѣлъ бы грубо святое чувство религіи, то номадъ свободно можетъ наказать за кощунство. Къ тому же монголь не видитъ со стороны чужацевъ, чтобы кто-нибудь смѣялся надъ его святыней. Буряты, не исключая и крещеныхъ, свято чтутъ все то, что носитъ въ Монголіи печать религіи. Русскіе торговцы съ чувствомъ полнаго благоговѣнія поклоняются монгольскимъ святынямъ и исполняютъ религіозные обряды номадовъ; фактъ этотъ не оспоришь. Отчего же монголь такъ ревниво оберегаетъ мѣста своихъ святынь, скрываетъ ихъ и не всякаго допускаетъ къ нимъ? Заведите съ монголомъ разговоръ о богатыряхъ, о старинныхъ князьяхъ, ханахъ и пр., онъ съ радостію будетъ вамъ рассказывать разные *туужи* (быль) съ удовольствіемъ, при случаѣ,

укажетъ на мѣсто, гдѣ проходилъ такой то князь, гдѣ окаменѣлъ такой-то богатырь, гдѣ велъ войну, положимъ, Делгырь-ханъ и пр. Обо всемъ этомъ, если вы придетесь по душѣ номаду, онъ будетъ говорить вамъ безъ умолку, до тѣхъ поръ, покуда не истощитъ всего своего запаса о *тужинъ-абади* (жизни въ старину). Но заговорите съ тѣмъ же словоохотливымъ монголомъ о мѣстахъ его поклоненія, онъ сдѣлается, либо до неузнаваемости молчаливымъ, либо понесетъ такую околесницу, что вы сразу поймете, что монголь, чтобы отдѣлаться отъ васъ, вретъ вамъ на пропалую. Пожалуй, даже, монголь, по той или другой соблазнительной причинѣ, и скажетъ вамъ что-нибудь объ интересующемъ васъ мѣстѣ религіознаго поклоненія; но сводить васъ къ этому мѣсту, быть вашимъ проводникомъ, рѣдкій согласится. Это испытать и ученый путешественникъ Г. Н. Потанинъ. «Мнѣ очень хотѣлось, пишетъ онъ, увидѣть монгольскую голгову, т. е. Вановъ холмъ, отъ котораго я долженъ былъ находиться теперь близко... И сталъ разспрашивать у рыбаковъ-уринхайцевъ, но, къ удивленію, получилъ въ отвѣтъ, что Ванова холма здѣсь нѣтъ. Такъ какъ всѣ показанія, собранныя мною ранѣе, указывали на сѣверный берегъ, гдѣ слѣдуетъ искать Вановъ холмъ*), а главное, такъ какъ г. Посылинъ рассказывалъ, что холмъ этотъ находится на дорогѣ изъ Хангинскаго монастыря въ Мен (Мойгу), и что онъ видѣтъ съ дороги, то исчезновеніе историческаго холма надо было объяснить не иначе, какъ тѣмъ, что туземные жители хотѣли скрыть отъ иностранца *святое мѣсто***). Такое упорное желаніе скрывать святыни мѣста, по моему, очень важный фактъ, обойти котораго молчаніемъ нельзя. Отъ полнаго его объясненія въ данное время я отказываюсь, такъ какъ желательнее прежде собрать побольше свѣдѣній, уясняющихъ причины ревниваго обереганія святынь.

*) Шадар-Ванъ — извѣстенъ въ исторіи монголовъ какъ патріотъ революціонера, организовавшій союзъ между дальними князьями. Цѣль союза — сломать связи и освободить Монголію отъ владычества китайскаго ита. По это, благодаря трусости князей и ихъ изменѣ Шадар-Вану не удалось, и онъ былъ схваченъ и казненъ. Монголы свято чтутъ память Шадар-Вана и смотрятъ на него, какъ на будущаго Мессію, освободителя Монголіи отъ власти китайцевъ.

***) Цоѣдка въ Дархаты Г. Н. Потанина „Рус. Бог.“, стр. 145.

Теперь же позволю себѣ указать только лишь на одну причину, подмѣченную и прослѣженную мною въ первыхъ моихъ поѣздкахъ въ Монголію^{*)}.

Китайцы, хотя и исповѣдуютъ религію Конфуція, и она у нихъ считается господствующей, какъ признанная за совершеннѣйшую, но въ тоже время они и буддисты, мало этого, при случаѣ исполняютъ, если къ тому есть возможность, обряды всѣхъ религій. Бывали случаи, что послѣдователь Конфуція—китаецъ заказывалъ служить панихиды католическимъ миссіонерамъ и устраивалъ торжественныя церковныя процессіи. Не будучи, слѣдовательно, исключительными въ дѣлахъ религіозныхъ вопросовъ, они въ душѣ, не позволяютъ себѣ смѣяться и порицать какую быто ни было религію, въ особенности же буддизмъ, который они, къ слову сказать, признаютъ чище и выше христіанства, и ничуть не уступаютъ монголамъ въ чувствѣ уваженія буддійскихъ святынь. Пивущему много разъ приходилось видѣть китайцевъ, съ благоговѣніемъ присутствующихъ на буддійскихъ празднествахъ. Въ тоже время, будучи волюнѣ солидарными съ монголами въ дѣлахъ религіи, китайцы глубоко презираютъ номадовъ; считаютъ ихъ нищей расой, видятъ въ нихъ какихъ то несчастныхъ паріевъ, ни къ чему не способныхъ, никуда негодныхъ и недостойныхъ даже носить имени человека. Китаецъ съ отирашеніемъ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ говоритъ съ монголомъ и, какъ будто какое-нибудь паршивое животное, не допускаетъ номада къ своему столу, если не бываетъ къ тому вынужденъ какимъ-нибудь особеннымъ обстоятельствомъ. При всякомъ удобномъ случаѣ китаецъ старается унижить мон-

*) Мы убѣждены, что монголы скрываютъ святыни свои вовсе не по той причинѣ, во какой римляне зрели въ строжайшей тайнѣ имя божества, покровительствующаго городу Риму. Не думая также объ однородности причинъ, заставляющихъ китайскихъ и монгольскихъ татаръ, приводившихъ черкесовъ и др. скрывать свои курганы. Тамъ грозитъ бѣда вскрытія этихъ святынь; монголы же съ этой стороны волюнѣ обезпачены, не думая, тѣмъ, чтобы монголы скрывали мѣста своихъ святынь, по той же причинѣ, во какой, по словамъ Д. Лабода дѣлаютъ это индейцы Америки, изъ боязни, что историкомъ, узнавъ о мѣстѣ нахождения святыни, можетъ либо пережечь ее къ себѣ, либо направить дѣятельность этой святыни во вредъ прежнему и будущему. Во всякомъ случаѣ это вопросъ спеціальной разработки, и мы имъ къ слову не займемся.

гола, наругаться надъ нимъ, высказать ему свое презрѣніе. Сыны небесной имперіи смѣются надъ жизнью номада, его правами и обычаями. Ослѣпленные же своею ненавистію и презрѣніемъ къ ничѣмъ не повинному монголу, китайцы позволяютъ себѣ подтрунивать надъ ламами, ихъ служеніемъ и при случаѣ показываютъ наружные знаки неуваженія къ ламайскимъ дугунамъ (храмамъ); открыто смѣются надъ обо и, будучи не послѣдними казуистами, насмѣшливо относятся ко всему, во что вѣрять монголы, хотя въ тайникахъ своей души и волюнѣ раздѣляютъ его суевѣріи.

Въ свою очередь и монголы, удивляясь и завидуя уму китайца, его искусству, его изворотливости, умѣнно жить и все дѣлать, въ тоже время взаимно ненавидятъ китайца. Выше по уму и развитію монголы, кромѣ китайца, никого не знаютъ. Желая, пошлѣмъ, похвалить русскаго за его умъ, монголы непремѣнно скажутъ: *«инь сысыктей хун байнаш—адали гатягъ»*, т. е. умъ какъ китаецъ. Удивляясь искусной отдѣлкѣ какой нибудь вещи, онъ тоже скажетъ, что она сдѣлана также хорошо, какъ будто ее дѣлалъ китаецъ. Отдавая же во всемъ, какъ сказано, преимущество китайцу, номады инстинктивно отвращаются отъ него и боятся его. При увѣренности, что китаецъ такой же буддистъ, какъ и онъ, при сознаніи своего права на безпретенсивное исповѣданіе религіи, монголы все-таки стѣсняются отирашивать въ присутствіи китайцевъ свои религіозныя обрядности и тщательно скрываютъ отъ нихъ мѣста своихъ святынь. Умственная неравнотность, нравственная подавленность, неумѣніе протестовать, отсутствіе культурныхъ средствъ, которыя могли бы заставить уважать себя—это и есть причина того, что угнетенный номады замкнулся въ самого себя. Встрѣчая же одинъ только лишь насмѣшки и презрѣніе къ себѣ, онъ не хочетъ, чтобы надъ тѣмъ, что дороже ему жизни, на которую религія его учить смотрѣть съ презрѣніемъ, что составляетъ единственную его отраду въ скучной, монотонной, безсодержательной, до одуренія однообразной жизни—не хочетъ, чтобы надъ этимъ ругались—и онъ молчитъ, скрываетъ то, что каждый

гражданинъ другого государства, если только онъ вѣрующій, съ охотой расскажетъ и покажетъ.....

Въ виду всего только что сказаннаго понятна скрытность монгола по отношенію къ китайцамъ. Но почему же тотъ же монголъ, касательно религиозныхъ своихъ предметовъ скрытенъ по отношенію къ чужеземцамъ и въ частности къ русскимъ?

Русскій, покрайней мѣрѣ de jure, не имѣетъ права дѣлать надъ номадомъ насилія, не имѣетъ права безъ позволенія вторгаться въ его святиню, не можетъ безнаказанно унижать монгола; онъ подданный другого государства, имѣетъ свои законы, и господинъ въ своей землѣ. Не будемъ при этомъ забывать тотъ констатированный уже фактъ, что наши соотечественники, бывая въ Монголіи, исполняютъ все религиозныя обряды номадовъ и не позволяютъ себѣ смѣяться надъ святиней ихъ; причемъ очень важно замѣтить, что дѣлаютъ это не по принципу—удѣлу разумно нравственныхъ особей, а просто изъ боязни наказанія отъ «муртавскихъ бурхановъ» въ случаѣ непочтенія къ нимъ; изъ того же чувства боязни наши торговцы чтутъ всякихъ тенгриевъ и онгоновъ. Монголы знаютъ это, но все-таки рѣдко допускаютъ русскихъ къ своимъ святинямъ. Одну изъ причинъ этого явленія я вижу въ тѣхъ не нормальныхъ отношеніяхъ, какіе создались между русскими и монголами. Ядринцевъ ска-^{*)}заль, что только лишь худшіе элементы, подонки общества, группируются близь инородцевъ съ цѣлью легкой возможности ихъ эксплуатировать. Эти то подонки, «общественные выброски» надкіе до легкой наживы, покуда только лишь и наводниютъ Монголію, сваживая туда все гнилье со святой руси, пользуются простодушнымъ невѣдѣніемъ номада, при всякомъ удобномъ случаѣ надуваютъ его. Вспомнимъ, что сказаль о нашихъ окраинахъ уважаемый ученый Г. Н. Потанинъ, и намъ будетъ понятно, что обитатели этихъ окраинъ, волею судебъ предназначенные «культурно воздѣйствовать на сосѣдную Азію» далеко не соотвѣтствуютъ своему исторически провиденціальному назначенію. Смотри на «сосѣдную Азію» какъ на неисчерпаемый источникъ дохода, притомъ

такой источникъ, изъ котораго для добычи искомаго все средства хороши и позволительны, наши «культурные воздѣйствователи въ безнабавной погонѣ за наживой, не замѣчаютъ, а можетъ быть и не хотятъ замѣтить, что какъ бы ни былъ умственно неразвитъ монголъ, какъ бы ни былъ скуденъ его запасъ познаній и свѣдѣній, все-таки у него есть настолько нравственнаго чутья, что онъ хорошо понимаетъ волчыя наклонности своихъ эксплуататоровъ, даетъ имъ надлежащую цѣну, ясно видитъ, что эксплуататоры—ни больше, ни меньше, какъ голодные волки, забравшіеся въ его овчарню, а если такъ, то понятно, почему монголъ не вѣритъ въ искренность, хотя бы даже вѣры въ его святиню, со стороны наводняющихъ его кочевья; онъ имѣетъ на это полное основаніе. Буряты, которыхъ монголъ считаетъ своими родичами и единовѣрцами, какими, впрочемъ, они и есть въ дѣйствительности, эти буряты не мало рассказали монголамъ про прежнюю вѣротерпимость русскихъ (вспомнимъ дѣянія Похабова). Монголы отлично знаютъ, какъ въ былое время толпа казакковъ дѣлала набѣги, грабила имущество и брала «бабъ, дѣвокъ и ребятъ», обирала цѣнныхъ бурхановъ^{*)}. Хорошо извѣстно монголамъ, какъ сжигали когда то бо, сумбуру (часовни) и пр. и тяжелое это время вспоминается теперь въ грустныхъ заунывныхъ пѣсняхъ бурята. Да и сами монголы въ былое время не мало испытали на себѣ послѣдствій гостепріимства русскихъ. Десятки монгольскихъ ламъ, по пріѣздѣ въ Тункинскій край, были обобраны, избиты, и это дѣлалось не ночью и воровски, а среди бѣлаго дня, оправдательнымъ мотивомъ къ чему служило то, что монголъ везъ съ собою книги, лекарства и прочіе якобы предметы религиозной пропаганды, запрещенной въ російскомъ государствѣ. Каждый монголъ считался агитаторомъ, почему и позволяли себѣ забирать его имущество и чуть не голаго отпущали въ Монголію.... Помните монголъ времена процвѣтанія пограничныхъ кара-

^{*)} С. Шашковъ пишетъ, что прежняя администрація не только, что не преслѣдовала казаковъ, но даже Сибирская губернская канцелярія ввзную добычу людей отдавала имъ въ раздѣлъ. Пользуясь безнаказанностію, казаки, если дикари почему-либо мѣшали имъ, истребляли ихъ, какъ вредныхъ животныхъ. «Сибирь на юбилей». Дѣло № 6—1882 г. стр. 21—22.

^{*)} «Сибирь какъ козюга» Н. Ядр.

уловъ. Какъ же послѣ этого номаду вѣрить искренности своихъ сосѣдей? какъ довѣриться имъ? какъ не бояться за то, что русскій, добываясь узнать дорогое по чему либо мѣсто монголу, не имѣетъ какой нибудь задней цѣли. Да и можетъ ли монголъ, при существующихъ условіяхъ отношеній — смотрѣть на русскаго, какъ на друга? Дѣйствительно, бывая въ Монголіи, русскій, положимъ тунчанинъ, удовлетворяя своей жаднѣ наживы, скрываетъ презрѣніе къ монголу; но зато когда монголъ пріѣзжаетъ въ ту же Тунку, къ тому же самому торгашу, котораго онъ, у себя дома, отъ души угощалъ всѣмъ, чѣмъ только могъ, тотъ же самый торгошъ приметъ добродушнаго монгола у себя въ домѣ, какъ какую нибудь свинью и не пуститъ дальше, порога: «что ова-тварь—понимаетъ, только избу замараетъ», говоритъ тунчанинъ. Швырнетъ ему кусокъ хлѣба и поскорѣй выпроводитъ изъ избы. Много разъ приходилось мнѣ видѣть монголовъ, зимой сидящихъ на крыльцѣ гостепріимныхъ русскихъ хозяевъ и жующихъ краюшки хлѣба. Если же хозяинъ—торгошъ въ веселомъ расположеніи духа, то онъ, гости своего монгола, на «потѣху публики», обратитъ въ шуту; напоитъ его до пьяна, разденетъ до пага и заставитъ плясать подъ пьяныя трели базалайки; номадъ точно медвѣдь вертится... и эта циничная сцена доставляетъ «удовольствіе гостямъ»; куда же «камедь» наскучитъ, хозяинъ безъ церемоніи выталкиваетъ номада въ шею и отводитъ ему мѣсто для почлега въ какомъ нибудь телятникѣ, который, по словамъ тунчанъ, и есть «настоящее мѣсто мунгальца»; въ избѣ же ему нельзя быть: «ишей нануститъ». Видѣлъ я и такія «штуки»: схватить торгоша монгола за косу и потихоньку «для—ради забавы» хлещетъ его по щекамъ; монголъ же, не понимая, за что его бьютъ, за каждымъ взмахомъ руки, извивается, морщится, какъ бы предохраняя себя отъ ударовъ. Дѣлаетъ это онъ неуклюже, по медвѣжьей, что и забавляетъ «носители культурныхъ идей». Возвратившись въ свои кочевья, номадъ, по видимому, забываетъ всѣ «наши штуки» и при встрѣчѣ съ такимъ «штукаремъ» въ своей юртѣ, не номиная лиха, а еще самъ подшучивая надъ своей простоватостью, подучуетъ гости и говорить

ему «тага» (другъ); но въ душѣ навѣрно номадъ глубоко презираетъ этого «тага», неавидитъ его и, какъ нисшій, боится и довѣриться ему—ни за что не рѣшится. Онъ помнитъ и свое униженіе и былое прошлое, черной мрачной тучей пронесшееся надъ нимъ и его родичемъ бурятомъ. Наученный горькой практикой, номадъ считаетъ торгоша, говоря по русски «за самаго бросоваго человѣка»; а такъ какъ приграничный монголъ, кромѣ торгошей, никого не видитъ, то и считаетъ всѣхъ русскихъ торгошами, сторонится отъ нихъ, скрываетъ, ничему не вѣрить, и съ болѣзненною осторожностью допускаетъ къ своимъ святынямъ. Всѣмъ этимъ, думается намъ, отчасти можно объяснить боязнь монголовъ показывать мѣста разныхъ Вановыхъ холмовъ, Делхейн-гансха-сугусу и пр.; можно также объяснить и такіе факты какъ «выживаніе» Носылина, уничтоженіе его лодки, сломка юрты Томилова, разбитый кирпичъ и проч. и проч... Были бы разумны отношенія, не доводи жажду къ наживѣ до *pes plus ultra*, не ѣзди въ Монголію разные Левхи, Мойхи, Борьхи и tutti quanti—ничего подобнаго не было бы, не могло бы создаться такихъ взаимно ненормальныхъ отношеній, какія теперь существуютъ... Монголъ добръ, честенъ и довѣрчивъ. Говорятъ, что скрытность и хитрость есть свойства некультурнаго человѣка, но монголъ отъ природы не таковъ—онъ общителенъ до болтливости, правдивъ и наивно простъ. Обойдись съ нимъ засково, по человѣчески и онъ, что называется, душу свою выложитъ предъ вами; но, конечно, если онъ замѣтитъ презрительное съ вашей стороны отношеніе къ нему, номадъ тогда войдетъ, какъ улитка въ свою скорлупу, въ самаго себя и будетъ на сторожѣ, а въ такомъ его состояніи вѣрить ему ничего нельзя.

Высказанныя мною причины, конечно, не вполне исчерпываютъ затронутый вопросъ, навѣрно есть и другія причины, исключая врожденной скрытности, которую я отрицаю. Во всякомъ случаѣ, фактъ знаменательный, и вопросъ о причинахъ его покуда остается открытымъ....

8 июля. Осмотръ горы Мырван-хунулъ и с. Делхейн-гансха-сугусу. Согласно вчерашнему условію, я пошелъ въ юрту монгола, спросить, готовъ

ли онъ идти со мной къ Делхейн-гансха-сугусу, монголъ далъ утвердительный отвѣтъ, но прежде чѣмъ выйти изъ юрты, попросилъ меня, чтобы я уплатилъ ему обѣщанное вознагражденіе; уладивши и это дѣло, мы, въ шесть часовъ утра, отправились, захвативъ съ собой кой-какой провизіи. Шли мы сначала на сѣверъ, по ровной, удобной для ходьбы, хотя и нѣсколько кочковатой, горной возвышенности. Такъ прошли версты съ три, до перваго подъема на гору, изъ вершинъ которой выпала упоминая уже нами р. *Шулусей-сарь* (смотри приложеніи р. Биллетей) и ушла на сѣверо-западъ. Отъ подошвы этой горы мы свернули на востокъ и поднялись на нее. Подъемъ не особенно крутъ и высокъ, всходъ по нему облегчается зигзагами тропинки, выходящей по склону ея. Кстати замѣтимъ, что переваломъ чрезъ эту гору есть прямая дорога къ Дархатскій курень изъ Билтыскаго каркула; она выходитъ на Тужинскую тропинку, что у западнаго склона Кубегульскихъ горъ. Съ вершины горы намъ предстоятъ трудный путь и не менѣе трудный выборъ пути. Можно было спуститься по истоку рѣки Шулусей-сарь, свернуть потомъ вправо и подыматься прямо на вершину г. Мыргын-хутула; это одинъ путь. Другой же отъ верховьевъ р. Шулусей-сарь сейчасъ же свернуть вправо и затѣмъ пробираться между остроконечныхъ вершинъ гольцовъ. Первый путь, по словамъ монгола, былъ короче; но меня утѣшила вышина подъема на гольцы, какъ мнѣ казалось, почти отвѣсная. По моему казалось лучше сдѣлать кругъ и идти зигзагами, тѣмъ карабкаться чуть ли не на стѣну; монголъ же почему то не высказалъ ни за, ни противъ. Мы пошли второй дорогой. Только что залѣзли на первую сопку гольца, какъ глазамъ представилась — вверху страшная крутизна, а внизъ,halbwegs, бездонная пропасть.... Предстояло—или цѣпиться за камни, карабкаться на крутизну, или же идти надъ пропастью по наклоннымъ ея верхностямъ, усѣяннымъ мелкимъ щебнемъ, образовавшимся отъ горныхъ обваловъ; щебень же этотъ не выдерживалъ тѣхъ ногъ. Между прочимъ, вдоль верховьевъ пропасти, видѣлась тропка; она чуть было не соблазнила меня, но когда я узналъ отъ монгола, что

тропку эту проложили дикія козы, то отказался отъ мысли идти ихъ дорогой... съ трудомъ — но все-таки взойти на горный шницъ.... прошли не много ровнымъ гребнемъ гольца.... затѣмъ опять пропасть и крутизна... то ползкомъ, то на четверенькахъ, страшно намучившись мы кое какъ добрались таки до вершины горы Мыргын-хутула.... Что за чудо картина! Все разрушающее время коснулось и горныхъ каменныхъ твердынь.... Скалы обратились въ мелкій щебень, рассыпались въ песокъ.... остался покуда еще одинъ лишь, выдерживающій упорную борьбу, красный гранитъ; онъ не поддавался еще влиянію всеокрушающаго времени. Все бодѣ или менѣе мягкое, хрупкое, раскисающее — поломалось, рассыпалось, расплодилось, обратилось въ щебень и песокъ и обнажило гранитъ. Самъ же онъ — точно громадная башня гигантской крѣпости — стоитъ не сокрушимымъ, служа мѣриломъ прежней высоты горы. Кругомъ него, точно по причудливой прихоти зодчаго, въ безпорядкѣ разставлены точно такія же по формѣ, только гораздо меньшія гранитныя же башни. Стоитъ онѣ вездѣ: на самой вершинѣ, съ боковъ, снизу, въ пропасти. Высота одной изъ этихъ башенъ, по словамъ монгола, равняется восьми *ломо*. Южная стѣна этой башни вся исцѣрена какими то полукругами самой непонятной комбинаціи; полукруги начерчены бѣлой и красной красками. Сдѣлать снимокъ съ этихъ чертежей мнѣ не удалось, такъ какъ подойти къ скалѣ не было никакой физической возможности.... Съ вершины того гольца, на которомъ мы стояли, на сѣверѣ не вдалекѣ виденъ былъ горный шницъ, окруженный, точно вѣнкомъ, кедровыми деревьями. Шницъ этотъ называется *Дарлак*. На вершинѣ его, по словамъ монгола, лежитъ священный камень; цвѣта онъ синяго; немцы поклоняются этому камню; будто бы прикосновеніе къ нему исцѣляетъ больнаго.... Налюбовавшись вдоволь картиной, мы пошли дальше по горѣ къ озеру. На поверхности горы сидитъ камень: ни деревца, ни кустика, ни травки, ни какой растительности нѣтъ. Только лишь кой едѣ глыбы камня покрыты рыжимъ мхомъ.... такъ дошли мы до озера *Делхейн-гансха-сугусу*. Но.... надо правду сказать, что увидѣли мы то, чего воз-

бужденное наше воображеніе вовсе не ожидало. Озеро, какъ озеро и замѣчательно развѣ только тѣмъ, что расположилось оно какъ разъ на вершинѣ горы; кругло какъ чаша и видимого истока не имѣеть; небольшое, въ діаметрѣ около четырехъ сажени^{*)}; не глубоко, дно устлано мелкимъ краснымъ камнемъ; вода чиста, прозрачна, холодна, какъ ледъ и безвкусна. У южнаго конца озера воткнуты палки, на нихъ развѣшены бурханы: Будда, Очирвани, Арьябала, тутъ же висятъ неизбежныя хадаки, мяткаль, конскій волосъ; не вдалекѣ поставлены обо, такія же, какъ и на Улей-дабанѣ— вотъ и все, что представляетъ изъ себя и вокругъ себя *Делхейн-гансха-сугусу*... Ни печатей, ни котла, ни подставокъ—ничего подобнаго нѣтъ, хотя и несомнѣнно, что гора и озеро, есть предметъ священнаго почитанія.

Послѣ разочарованія, первую мою мыслью было, что монголъ — рассказчикъ про чудесное озеро съ печатями, просто подеманялся надъ мной, завѣдомо навралъ и убѣждалъ отъ насъ, когда мы настойчиво начали просить его сводить и показать намъ эти чудеса. Не нежеланіе показать чужеземцу свою святыню, а боязнь номада отвѣтственности за вранье понудила его отказаться отъ нашихъ соблазнительныхъ предложеній. Такъ я думалъ въ первыя минуты разочарованія и былъ бы убѣжденъ въ этомъ, еслибы не было со мной монгола — проводника, который также въ началѣ уклонялся сводить меня, а затѣмъ, согласившись, просилъ никому не говорить, что онъ указалъ мнѣ мѣсто своей святыни; къ тому же озеро дѣйствительно существовало и было предметомъ священнаго почитанія. А если первый рассказчикъ монголъ и привралъ, такъ чтожь? Вѣдь и у насъ русскихъ есть очевидцы «древа лѣстницы—юже Іаковъ видѣ во снѣ»; почему же и монголу не прикрасить рассказа о чудесахъ озера; нужно также имѣть въ виду и то, что монголъ можетъ быть только слышалъ о Делхейн-гансха-сугусу, а самъ не былъ и не видѣлъ его. Но такъ или иначе, хотя чудеса и нѣтъ, зато мѣсто, на которомъ расположено озеро, дѣйствительно замѣча-

тельно и много говоритъ фантазіи. Во первыхъ, громадная высота гольца, трудность подъема на него, не совсѣмъ ясная причина, какимъ образомъ на вершинѣ чуть ли не остроконечной горы очутилось озеро и не имѣеть видимого истока, стоитъ неподвижно какъ въ чашѣ вода, кругомъ грандіозно величественная природа, все это заставило номада, не богатого запасомъ умѣнія объяснить физическія явленія, приписать появленіе озера въ необычномъ мѣстѣ дѣйствию сверхъестественной силѣ, считать его священнымъ и назвать Делхейн-гансха-сугусу—одною изъ міровыхъ чашъ, поклоняться этой чашѣ, построить обо и дорожить какъ святынею, мѣстомъ обиталища духовъ. «Во все времяа человеческой исторіи отъ первобытнаго полуживаго состоянія его до современной намъ эпохи, мы видимъ неизмѣнно и непрерывно, общую всемъ нецивилизованнымъ и цивилизованнымъ народамъ, вѣру въ какія то особыя, темныя, таинственныя начала^{*)}). Все, что выходитъ вонъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій въ мірѣ физическомъ, чего не привыкъ глазъ встрѣчать на каждомъ шагу, что хоть настолько сложно, что въ своемъ объясненіи не поддается способамъ, доступнымъ не культурному человѣку; что не посредственно дѣйствуетъ на умъ, и величіемъ, или безобразіемъ своимъ поражаетъ умъ; все, что темно и «не ясно въ физическомъ и умственномъ смыслѣ, необходимо производить на номада впечатлѣніе отвращенія, ужаса» или благоговѣйнаго почитанія и заставляеть причину появленія необыденнаго искать въ сферѣ естественности физическихъ явленій, а приписывать все это таинственной, могучей чудодѣйственной силѣ. «Застанеть ли почъ его одного въ пустынномъ мѣстѣ, грянетъ ли надъ нимъ откуда то сверху громовой раскатъ, постигнетъ ли кого нибудь изъ его близкихъ болѣзненная перемежна или смерть, онъ чувствуетъ себя безсильнымъ и безпомощнымъ предъ этими явленіями^{**)}». Выдалась ли изъ общаго кряжа горы; одна остроконечная, не похожая на окружающее, возвышенность— не природа ее создала, а непременно она есть обит-

*) Реал. общ. мист. вѣст. жур. «Знаніе» Янв. 1871 г. ст. 57. Д. А. К—скаго.

**) Знаніе. Реал. общ. мист. вѣст. Д. А. К—скаго—Книж. I ст. 61.

*) Монголы пространство измѣряють длиною луна, величина котораго всегда равняется ручной нашей сажени.

таинце какихъ вѣбудь духовъ, какой вѣбудь таинственной силы. Мистически настроенный умъ номада вѣдыскалъ такого духа, назвалъ его *Делхей-Ханъ* и поселилъ его жить на этой возвышенности, поклоняется ему, служитъ гуримы и приноситъ жертвы*). Во всемъ районѣ Оквинскаго пограничнаго караула выросла, одна единешенька, сосна среди массы лиственницъ—духъ ее посадилъ, нужно и ей приносить жертвы, обѣшивать хадаками и дорожить, какъ свитывею**). Показалась въ Турвинскомъ караулѣ на вершинѣ тункинскихъ альпъ *розсыль бѣлаю нис-наю сылучаю пещу*, какого вѣтъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ вершины Сайна—и это не простое явленіе: кругомъ гранитъ, каменные глыбы... и вдругъ мелкій зыбучій песокъ!! Непремѣнно тутъ какой вѣбудь духъ создалъ себѣ жилище, и мифологія номада поселила туда *Алтан-Шарган-Нойна*, прѣурочила духу этому покровительство дѣтей—обязательно значить нужно поклоняться этому духу благодѣтельно дѣтей и не оскорблять его присутствіемъ нечистой половины человечества, за каковую признается женщина***). Расположилось озеро на вершинѣ остроконечной горы, стоящей среди неприступныхъ скалъ—опить-таки и это чудесное явленіе; озеро—одна изъ мирныхъ чашъ, содержащая въ себѣ *аршіанъ*, нужно и его почитать жертвами. «Физическое объясненіе возможимъ появленія Делхейн-гансха-сугусу недоступно уму номада; въ его настоящемъ умствешномъ состояніи все, что страшитъ его, и что онъ не умѣетъ объяснить себѣ; онъ представляетъ себѣ чѣмъ то живымъ, не извѣстнымъ ему и зачастую враждебнымъ, такъ какъ оно пугаетъ и неприятно поражаетъ его нервы. Это неизвѣстное чувствуется имъ и въ шелестѣ дерева, и въ неожиданномъ паденіи камня, и въ завывающей бурѣ, и въ плескѣ воды, и въ свирѣломъ взглядѣ хищнаго животнаго», поражается

*) См. описаніе пещи въ горахъ Кубстунскихъ горъ, что противъ р. Бонголь ст. 61.

***) Въ Оквинс. погр. караулѣ дѣйствительно вѣтъ сосны, и какии то «тудомъ» попали одно деревцо. Повстаніе этого дерева много описано въ этногр. очер. быта монголо-бурятъ.

****) Мимо мѣста жилища Алтан-Шарган-Нойна запрещено проходить женщинамъ, иначе они будутъ наказаны безплодиемъ. Запрещенію повинуются и рус. женщины. Подробности объ этомъ см. «Этн. оч. быта мон. бур.» Я. П. Дуброва.

его умъ и воображеніе грандіознымъ величїемъ природы и отступленїемъ творческой силы природы, создающей будто бы аномальныя явленія, производящей предметы не на обычномъ ихъ мѣстѣ.... Однимъ словомъ все то, чего умъ номада, не обогащенный аналіями, не можетъ постичь и конкретно объяснить себѣ,—все то приписывается дѣйствию сверхъестественной силы и, въ стремленіи приблизить, задобрить эту силу, считается достойнымъ почитанія; мало этого, необходимо поклоняться ему и умилостивлять его жертвами; подъ влияніемъ пытливости ума, желанія проникнуть въ тайны этой чудодѣйственной силы, создаются легенды, слагаются мифы, а самой силѣ приписывается или враждебное или благодѣтельное влияние на человѣка и природу: *Боше-бохолой*, живущій въ каменныхъ розсыпяхъ, злой, враждебный номаду духъ, напротивъ *Алтан-Шарган-Нойна* благодѣтель.—какъ благодѣтелецъ и духъ, летающій на г. Мыргын-Хутуль, почему и воды Делхейн-гансха-сугусу дѣлательны и пользу отъ нихъ номады сумѣли специализировать: онъ убѣжденъ, что вода озера радикально излѣчиваетъ желудочныя, а также и глазныя болѣзни. И вотъ, чтобы духъ хозяинъ Делхейн-Гансха-сугусу, не отнялъ отъ ней цѣлебной силы, номады каждый годъ толпами собираются къ этому озеру, служатъ гуримы и приносятъ жертвы.

Да и грандіозна же—диковѣдическая картина, открывающаяся съ вершины Мыргын-Хутула. Съ этой вершины, находящейся на линіи вѣчныхъ снѣговъ, вся мѣстность Дархатскаго хануна (куренія) кажется какъ бы обнесенной гигантской крѣпостью; вершины стѣнъ которой унизаны острокопечными, бѣлоснѣжными, зубчатыми башнями—то цѣль Сайнскаго хребта и гольцы побережья оз. Кубстунда, со своими, убѣденными снѣгомъ вершинами, окружили Дархатскую равнину, въ видѣ правильного круга... Заключенныя внутри этого круга, отдѣльныя горы и отроги хребтовъ кажутся небольшими буграми, покрытыми цетиною—то лѣсъ, растущій на нихъ... Рѣки, изрѣзывающія равнину и текущія въ разныхъ направленіяхъ, то прямой линіей, то изгибаясь, то описывая круги и полукруги, кажутся узкой, стальной, блестящей, неподвижной

полосой, выдаются и озера такими же блестящими, неподвижными точками. Къ западу, у подошвы самой горы Мыргын-Хутуль, изгибаясь, сверкает гигантская змѣя—то рѣка *Билтысь*^{*)} катитъ свои воды въ р. *Делир-Мурик*. Правые притоки р. Билтыса: *Обок*, *Идир*, *Хончу*, *Нарин-Гол*, *Урудошъ*, *Шара-Гол* и лѣвые: *Цат-тала*, *Дуту*, *Есе-Сырге*, *Ялат-Бага-Сырге*, *Сурут*—кажутся отпрысками этой змѣи... Все это видно какъ на ладонѣ. Тутъ же, близъ Мыргын-Хутуль, на югъ стоятъ еще три горы съ остроконечными, обнаженными вершинами, это: *Ован*, *Бардын* и *Ямата*^{**)}; съ вершинъ этихъ стремительно, будто водопадами, скатываютъ воды свои горные ручьи, обратившіеся у подошвы горъ въ рѣки, несущія свои воды въ систему р. Шибкитъ. На востокъ стоитъ еще гора съ плоской, точно отрубленной вершиной—это *Арчатъ*; немножко подалеже отъ г. Арчатъ, назади его возвышается конусъ гольца *Норин-Гун*, съ сѣвера примкнулъ къ нему остроконечный пикъ *Цосок*. Все это кажется вмѣстѣ сгруппированнымъ,—такъ близко другъ отъ друга и такъ величественно. Видъ на пропасти и стремнины слаживается... Грандіозность картины много говоритъ даже и не такъ сильно развитому воображенію, какъ у номада, и нѣтъ ничего удивительнаго, что она своимъ величьемъ поразила этого номада, не могущаго разобрать въ причинахъ физическихъ явленій; заставила въ этихъ неприступныхъ мѣстахъ поселить духовъ—кому же и жить среди скалъ и пропастей—и воздавать имъ божеское почитаніе, а озеру приписать цѣлебныя свойства...

Взбираясь на вершину Мыргын-Хутула, къ озеру, богомольцы приносятъ съ собою, между про-

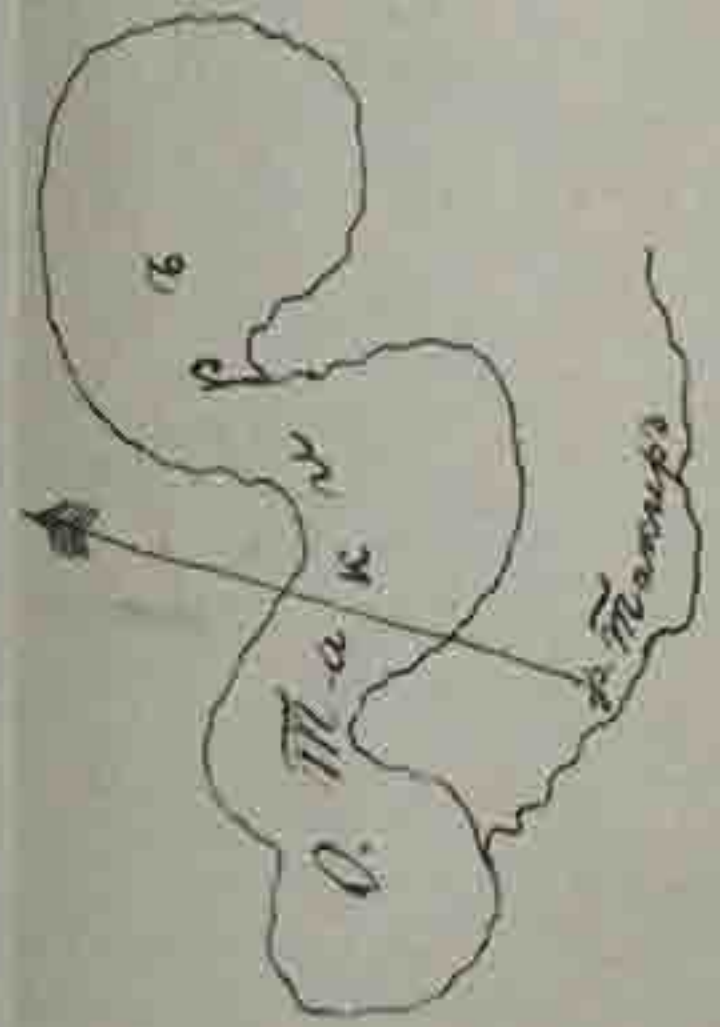
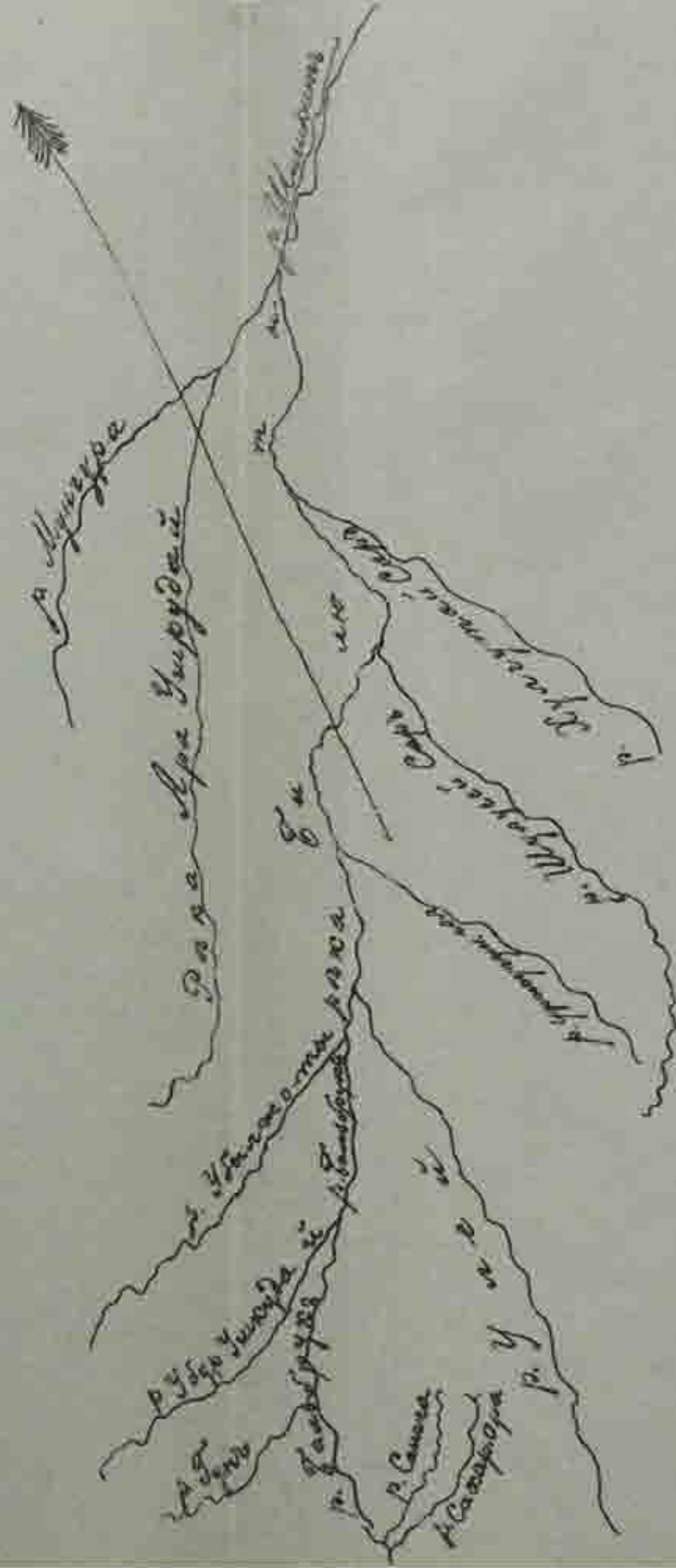
*) Билтысь беретъ начало съ вершинъ Арасин-даба.

***) Съ Бардына беретъ начало р. Улан-Зурхен, а съ Ямата р. того же имени. Обѣ эти рѣки соединившись вмѣстѣ,падаютъ въ р. Шибкиты, а эта послѣдняя въ р. Бальбрукъ.

чимъ, и дрова, трудами этихъ сузуконъ мы и воспользовались: насобирали нѣсколько обгорѣлыхъ головней, развели огонь, почерпнули воды изъ «міровой чашы» и векиятили чай. Религіозный номадъ, прежде чѣмъ налить воды въ Ямбу, омовнулъ въ озеро кисть руки и мокрыми пальцами помазалъ себѣ сначала глаза, потомъ лобъ, носъ, ротъ, уши, шею и грудь, ватѣмъ уже, поклонившись, почерпнулъ воды. Я же умѣлся и долго мочилъ себѣ голову. Монголь глядя на менѣ, принявъ это за знаки моего почитанія святости озера и признанія цѣлебныхъ его свойствъ. Когда же я бросилъ въ озеро клочки писанной бумаги, то простодушный номадъ пренаивно спросилъ меня—«какую молитву и послалъ хозяину озера»? Послѣ получасоваго отдыха у береговъ «міровой чашы», мы направились къ своему стойбищу, причемъ избрали новый путь, не обходный, а прямо спускомъ къ р. *Шулусей-Саръ*. Вожакъ мой спускался съ крутизны точно коза; я же почти половину склона горы ползъ, обративъ въ тряпки части костюма, принявшаго участіе въ моемъ оригинальномъ спускѣ съ горы... Къ счастью нашему, день хотя былъ и солнечный, но жаръ солнца умрился западнымъ прохладнымъ вѣтромъ, и насъ не томилъ неизбежная въ жаркую пору жажда, а то, въ противномъ случаѣ было бы мученье: воды нигдѣ нѣтъ; положимъ хотя она и скатывается съ вершины горы, но или журчитъ гдѣ то далеко, заваленная росынями камня, или же бьетъ водопадами на днѣ такихъ пропастей, что добраться къ ней нѣтъ никакой физической возможности. Но и не испытывая жажды, я всетаки сильно усталъ и часто останавливался, чѣмъ и доставилъ удовольствіе монголу, и онъ въ лицѣ моемъ зло подсмѣивался надъ слабостію европейца и неумѣніемъ его лазать по горамъ.

М. Маминъ близъ Дарханскаго
Курена.

С В Ъ Д Ъ Н І Я

о вскрытіи и замерзаніи рѣкъ, озеръ, заливовъ и другихъ водъ Восточной Сибири.

Рѣка.	Название пункта наблюденія.	Время вскрытія	Время открытія сообщенія на лодкахъ.	Время прекращенія переправы за ледоходомъ.	Время покрытія льдомъ.	Примѣчаніе.
Лена	Качутское селеніе	1881—26 апрѣля 1882—12 апрѣля 1883—28 апрѣля	1881—27 апрѣля 1882—13 апрѣля 1883—30 апрѣля	1881—22 октябр.	1881—25 октябр.	
	Г. Верхолонск.				1880—24 октябр. 1883—27 октябр.	
	Верхол. волость	1883—26 ап. 4 мая		1883—8 октябр.	1883—27 октябр.	
	Усть-Игинск. селеніе	1881—27 апрѣля 1882—14 апрѣля 1883—30 апрѣля	1882—28 апрѣля 1883—6 мая	1881—10 октябр.	1881—15 октябр.	
	Село Чечуйск. Петропавл. п.	1881—26 мая 1882—27 апрѣля 1883—10 мая	1881—1 июля 1882—3 мая 1883—15 мая	1881—15 октябр. 1882—7 октябр.	1881—23 октябр. 1882—19 октябр.	
	Петропавловск. волость. Киренск.	1882—24 апрѣля	1882—30 апрѣля			
		1881—28 апрѣля 1882—26 апрѣля	1881—4 мая 1882—29 апрѣля	1881—8 октябр. 1882—8 октябр.	1881—13 октябр. 1882—11 октябр.	
	Витимск. вол. Витимск. сел. Нохтуйск. сел. Г. Олекминск.	1881—10 мая 1882—25 апрѣля 1881—16 мая 1881—14 мая 1882—29 апрѣля	1881—15 мая 1882—9 мая 1881—26 мая 1881—23 мая	1882—24 октябр. 1882—15 октябр. 1881—10 октябр.	1882—7 ноябр. 1882—27 октябр. 1881—30 октябр.	
		1880—9 мая 1881—18 мая 1882—7 мая	1880—12 мая 1881—24 мая 1882—9 мая	1880—20 сентябр. 1881—18 октябр. 1882—3 октябр.	1880—10 октябр. 1881—22 октябр. 1882—17 октябр.	
	Булгунатак. селеніе	1880—7 мая 1881—20 мая 1881—18 мая	1880—15 мая 1881—28 мая 1881—31 мая	1880—2 ноябр. 1881—2 октябр.	1880—6 ноябр. 1881—6 октябр.	
	Г. Вилюйск. Подгородокъ Вилюйск. Харбаторъ. Г. Средне-Кол.	1881—8 мая 1880—11 мая 1881—10 мая	1882—15 мая 1880—19 мая 1881—27 мая	1882—1 октябр.	1882—8 октябр. 1880—37 сентябр. 1881—23 сентябр.	
	Средне-Колым.	1880—7 мая 1881—14 мая	1880—10 мая 1881—17 мая		1880—4 сентябр. 1881—19 сентябр.	
Нижне-Колымское сел.	1880—15 мая 1881—22 мая	1880—27 мая 1881—30 мая	1880—23 сентябр. 1881—15 сентябр.	1880—29 сентябр. 1881—20 сентябр.		
Енисей	Абаканск. сел. Комское сел.	1881—12 апрѣля	— 13 апрѣля	1883—5 ноябра 1883—20 октябр.	1883—11 ноябра 1882—9 ноябра	
	Отъ г. Минус. въ 10 вер. у горы "Синій камень". Усть-Абакан. с. Дер. Городокъ.	1881—31 марта 1882—7 апрѣля	1881—2 апрѣля 1882—8 апрѣля	1883—20 октябр.	1883—23 октябр.	
	Г. Красноярск. С. Березовск. Сухобуланск. и Еловская вол.	1881—15 апрѣля 1881—15 апрѣля 1881—10 апрѣля	1881—20 апр. и на самолетахъ 20 мая. — 25 апрѣля	1883—5 ноябра 1881—6 ноябра 1883—24 ноябра 1881—10 октябр.	1883—12 ноябра 1881—7 ноябра 1883—26 ноябра 1881—4 ноябра	
	Каргина дер. (83 вер. выше Енис.)	1881—19 апрѣля	— 7 мая на карбасѣ.	1882—11 октябр. 1883—20 октябр.	1882—21 октябр. 1883—1 ноябра 1880—13 сентябр.	
	Абаданск. дер. (57 в. выше Енисейска).	1881—23 апрѣля 1882—17 апрѣля 1883—11 мая	— 10 мая — 26 апрѣля — 25 мая			

РИКА ЕНИСЕЙ.	Енисей	Г. Енисейскъ	1881—19 апрѣля	" — 7 мая	1881—20 октябр.	1881— 4 ноября
			1882—17 апрѣля	" — 26 апрѣля	1882—11 октябр.	1882—24 октябр.
			1883—25 апрѣля	" — 6 мая	1883—20 октябр.	1883— 3 ноября
	Кань	Г. Канскъ	1882— ¹⁹ / ₁₀ апрѣля	" — ¹⁹ / ₁₁ апрѣля		
РИКА ЕНИСЕЙ.	р. Уря больш.	Уринское сел.	1882— 3 апрѣля	" — 6 мая	1883—20 октябр.	1883—24 октябр.
	р. Тина	Тинское сел.	1882— 9 апрѣля			
	р. Пойма	Ново-Поймин-деревня.	1882—10 апрѣля			
А	Ангара	Тельминск. с.	1883—18 апрѣля	" — 19 апрѣля		
	Ангара	Усть-Кудинск. с.	—	—	1882— 2 декабр.	1882— 9 декабр.
	Ангара	Усть-Балей	—	—	1883—23 декабр.	1884— 2 января
	Ангара	Олонское сел.	1881—15 апрѣля	" — 18 апрѣля	1882—30 ноября	1882— 2 декабр.
	Ангара	Верхне-острож-ское селеніе	1882—11 апрѣля	" — 15 апрѣля	1883—25 декабр.	1883—25 декабр.
	Ангара	Верхне-острож-ское селеніе	1883—22 апрѣля	" — 25 апрѣля	1881— 2 декабр.	1881—11 декабр.
	Ангара	Верхне-острож-ское селеніе	1881— 5 апрѣля	" — 11 апрѣля	1882—24 декабр.	1882—28 ноября
	Ангара	Верхне-острож-ское селеніе	1882— 1 апрѣля	" — 17 апрѣля	1883—21 декабр.	1883—22 декабр.
	Ангара	Мамышевск. с.	1883—26 апрѣля	" — 23 апрѣля	1881—24 ноября	1881— 1 декабр.
	Ангара	Мамышевск. с.	1881—22 апрѣля	" — 27 апрѣля	1882—20 ноября	1882—25 ноября
	Ангара	Мамышевск. с.	1882—18 апрѣля	" — 20 апрѣля	1883—10 декабр.	1883—13 декабр.
	А	Ангара	Г. Балаганскъ	1883—29 апрѣля	" — 30 апрѣля	1881—20 ноября
Ангара		Г. Балаганскъ	1880—20 апрѣля	1880—29 апрѣля	1882— 4 ноября	1882— 9 ноября
Ангара		Г. Балаганскъ	1881—20 апрѣля	1881—24 апрѣля	1883—14 ноября	1883—17 ноября
Ангара		Г. Балаганскъ	1882—18 апрѣля	" — 20 апрѣля	1880— 8 декабр.	1880—10 декабр.
Г	Ангара	Подволочинск. с.	1883—30 апрѣля	" — 30 апрѣля	1881—17 ноября	1881—22 ноября
	Ангара	Подволочинск. с.	1882—21 апрѣля	1882—21 апрѣля	1883—10 ноября	1882— 8 ноября
	Ангара	Подволочинск. с.	1883— 9 мая	1883—10 мая	1882—28 октябр.	1882— 2 ноября
	Ангара	Шиверское с.	1881—26 апрѣля	" — 27 апрѣля	—	1883—11 ноября
И	Ангара	С. Братское	1883— 4 мая	" — ²⁷ / ₁₀ мая	1881—26 октябр.	1881—20 ноября
	Ангара	С. Братское	1881—25 апрѣля	1881— 4 мая	1882—25 октябр.	1882— 9 ноября
	Ангара	С. Братское	1882—23 апрѣля	1882— 1 мая	1883—30 октябр.	1883—14 ноября
	Ангара	С. Братское	1883—15 мая	1883—18 мая	1881—22 октябр.	1881— 8 ноября
И	Усть-Балей	Усть-Балейск. с.	—	—	1882—23 октябр.	1882—28 октябр.
	Куда	Усть-Кудинск. с.	—	—	1883—27 октябр.	1883— 4 ноября
	Иркутъ	Тушинское с.	1881—14 апрѣля	1881—14 апрѣля	1881—26 декабр.	1881—27 декабр.
	Иркутъ	Тушинское с.	1882—10 апрѣля	1882—10 апрѣля	1882— 2 января	1882— 4 января
А	Иркутъ	Смоленск. сел.	1883—30 апрѣля	1883—30 апрѣля	1881—24 октябр.	1881—25 октябр.
	Иркутъ	Смоленск. сел.	1881—20 апрѣля	1881— ¹ / ₄ мая	1882—11 октябр.	1882—25 октябр.
	Иркутъ	Смоленск. сел.	1882—12 апрѣля	1882— ¹⁹ / ₁₀ апрѣля	1883—16 октябр.	1883—22 октябр.
	Иркутъ	Смоленск. сел.	1881—20 апрѣля	1881— ¹ / ₄ мая	—	1881—27 октябр.
А	Олха	Смоленское с.	1882—13 апрѣля	" — ¹⁷ / ₁₀ апрѣля	—	1882—12 октябр.
	Олха	Смоленское с.	1882—13 апрѣля	" — ¹⁷ / ₁₀ апрѣля	—	1883—28 октябр.
	Олха	Смоленское с.	1882—13 апрѣля	" — ¹⁷ / ₁₀ апрѣля	—	1882— 9 октябр.
	Олха	Смоленское с.	1882—13 апрѣля	" — ¹⁷ / ₁₀ апрѣля	—	1883—25 октябр.
А	Китой	Биликтуйск. с.	1880— 8 декабр.	1880— 8 декабр.	1881—27 октябр.	1881—27 октябр.
	Китой	Биликтуйск. с.	1881— 6 апрѣля	1882— 9 апрѣля	1882— 2 января	1882— 4 января
	Китой	Биликтуйск. с.	1882— 9 апрѣля	1883—20 апрѣля	1881— 9 ноября	1881— 9 ноября
	Китой	Биликтуйск. с.	1883—19 апрѣля	—	1882—25 октябр.	1882—25 октябр.
И	Бѣлам	Мальтинск. с.	1883— 7 ноября	1883— 7 ноября	1881—23 октябр.	1881—23 октябр.
	Бѣлам	Мальтинск. с.	1882— 9 апрѣля	1882— 9 апрѣля	1882—18 октябр.	1882—18 октябр.
	Бѣлам	Мальтинск. с.	1883—18 апрѣля	1883—19 апрѣля	1883—25 октябр.	1883—25 октябр.
	Бѣлам	Мальтинск. с.	1882— 9 апрѣля	1882— 9 апрѣля	1881—23 октябр.	1881—23 октябр.
Ф	Зима и Ока	Зиминское сел.	1880—10 октябр.	" — 23 апрѣля	1880—10 октябр.	1880—20 октябр.
	Зима и Ока	Зиминское сел.	1881—15 апрѣля	" —	1881—14 октябр.	1881—23 октябр.
	Зима и Ока	Зиминское сел.	1882—19 апрѣля	" —	1882—15 октябр.	1882—18 октябр.
	Зима и Ока	Зиминское сел.	1883— 1 мая	" —	1883—18 октябр.	1883—18 октябр.
Р	Илимъ	Нижнеудинск. с.	1880—10 октябр.	1881— 4 мая	1880—10 октябр.	1880—12 октябр.
	Илимъ	Нижнеудинск. с.	1882—13 апрѣля	" — 15 апрѣля	1882—10 октябр.	1882—14 октябр.
	Илимъ	Нижнеудинск. с.	1881—30 апрѣля	1881— 4 мая	1883— 3 октябр.	1883— 7 октябр.
	Илимъ	Нижнеудинск. с.	1882—13 апрѣля	" — 15 апрѣля	1881—31 октябр.	1881—31 октябр.
Р	Уда	Нижнеудинскъ	1881—10 октябр.	—	—	1881—10 октябр.
	Кимильтей	Кимильтейск. с.	1880— 9 октябр.	—	—	1880—22 октябр.
	Баргса	Баргсинск. с.	1881—11 апрѣля	" — 18 апрѣля	1881—20 октябр.	1881—21 октябр.
	Баргса	Баргсинск. с.	1882—12 апрѣля	" — 12 апрѣля	1882—15 октябр.	1882—16 октябр.
И	Иа	Тулуновск. с.	1883—30 апрѣля	" — 30 апрѣля	1883—17 октябр.	1883—18 октябр.
	Иа	Тулуновск. с.	1881—11 апрѣля	" — 18 апрѣля	1880— 8 ноября	1880—10 ноября
	Иа	Тулуновск. с.	1882—14 апрѣля	" — 18 апрѣля	—	1881—26 октябр.
	Иа	Тулуновск. с.	1883— 2 мая	" — 15 апрѣля	—	1882—25 октябр.
Иа	Тулуновск. с.	1883— 2 мая	" — 2 мая	—	1883—28 октябр.	

ОЗ. БАЙКАЛЬ.		С. Листвничное.	1881—1/2 мая 1882—1 мая 1883—13 мая	1881—19 мая 1882—29 мая 1882—28 мая 1883—29 мая	1880—13 декабр. 1882—7 декабр.*)	1881—6 января 1882—1/4 января 1882—20 декабр. 1881—1 январ.**)	*) Почтовое сообщ. прекратил. 12 Октаб. но частично пассажир. перевозки ст. оживл. **) В 1884 г. по оз. Байкал отъ Листвнич. до Мишких выстроенны вѣли для почтового тракта 8 января, въ 1881 году 21 января.
Р. Т. К. А. С. Е. Л. Е. П. Г. А.	Джида	Село Торское въ 80 (в.)	—	—	—	1881—26 октабр.	
	Селенга	Селенгинская стени. дума.	—	—	—	1881—26 октабр.	
	Чикой Чикой	Сел. Унзурнубен. вѣд. Монгольской упр.	1881—12 апрѣля	1881—14 апрѣля	1881—26 октабр.	1881—24 октабр. 1881—29 октабр.	
	Селенга	Селен. Канское Иволгинск. отд. общ.	1881—20 апрѣля	1881—23 апрѣля	—	1881—конецъ окт.	
	Селенга Уда	Ильинская вол. Станиц. Верхнеудинская	1881—20 апрѣля	" —23 апрѣля	" 12— октабр.	1881—21 октабр. 1881—17 октабр.	
	Гуенное оз Селенга	Уроч. Муртуй Турунтаевск. с.	1881—18 апрѣля	" —25 апрѣля	1880—20 октабр.	1881—13 ноября 1880—22 октабр.	
	Селенга	Сел. Барсановск. вѣд. Кударинск. Дуны.	1881—15 апрѣля	" —15 апрѣля	1881—17 октабр.	1881—24 октабр.	
	Селенга и Уда.	Верхнеудинск.	—	—	1882—26 октабр.	1881—29 октабр.	
Р. Б. К. А. О. Б. Ъ.	Чулхмъ (Юсь)	Корелниск. дер. Минусинск. окр.	1881—1 апрѣля	" —10 апрѣля	1880—13 ноября	1880—15 ноября	
	Чулхмъ	Назаровск. сел. Ачинск. окр.	1882—11 апрѣля 1881—10 апрѣля 1882—12 апрѣля 1883—30 апрѣля	" —13 апрѣля " —12 апрѣля " —14 апрѣля " —2 мая	1881—17 октабр. 1880—8 ноября 1881—20 октабр. 1882—10 октабр. 1883—20 октабр.	1881—22 октабр. 1880—14 ноября 1881—23 октабр. 1882—12/14 октабр. 1883—26 октабр.	
	Сережъ	Ильинское сел. Ачинск. окр.	1881—1 апрѣля	" —10 апрѣля	1881—15 октабр.	1881—20 октабр.	
	Чулхмъ	Г. Ачинскъ	1882—11 апрѣля 1883—1 мая	" —13 апрѣля " —4 мая	1882—11 октабр. 1883—15 октабр.	1882—13 октабр. 1883—19 октабр.	
	Ингода	Татауровск. с.	1882—4 апрѣля 1883—20 апрѣля	1882—24 апрѣля 1883—23 апрѣля	1882—12 октабр.	1882—25 октабр.	
	—	Станиц. Титова	1882—8 апрѣля 1883—30 апрѣля	1882—11 апрѣля 1883—1 мая	1882—9 октабр. 1883—6 октабр.	1882—14 октабр. 1883—23 октабр.	
—	Макавѣва ст. Кайдалова ст.	1880—23 апрѣля 1882—10/29 апрѣля 1883—25 апрѣля	1880—1 мая " —12/1 мая " —1 мая	1881—28 октабр. 1882—16 октабр. 1883—15 октабр.	1881—1 ноября 1882—22 октабр. 1883—27 октабр.		
—	Размахнинск. станция	1880—18 апрѣля 1882—10 апрѣля 1883—29 апрѣля	" —21 апрѣля " —12 апрѣля " —2 мая	1880—11 октабр. 1882—12 октабр.	1880—2 ноября 1882—20 октабр.		
—	Князе-Берегов. станция	1882—8 апрѣля 1883—27 апрѣля	" —15 апрѣля " —30 апрѣля	—	—		
р. Урульга	Князе-Урульгинское	1882—25 марта 1883—19 апрѣля	не бывает не бывает	—	—		
Ононь	Усть-Ильинское селеніе	1883—24 апрѣля 1881—17 апрѣля	" —26 апрѣля " —27 апрѣля	1883—20 октабр. 1881—14 октабр.	1883—26 октабр. 1881—28 октабр.		
Шизка	Митрофановск. станция	1882—12 апрѣля	" —18 апрѣля	—	—		
—	Монастырское сел. въ 10 верс. отъ Нерчинск.	1881—20 апрѣля 1882—8 апрѣля 1883—29 апрѣля	1881—25 апрѣля 1882—13 апрѣля 1883—3 мая	1880—20 октабр. 1882—17 октабр.	1880—27 октабр. 1882—22 октабр.		
—	Куенское ст. ок.	1881—23 апрѣля	1881—1 мая	1881—15 октабр.	1881—26 октабр.		
Р. Шизка	Стретенск. сел.	1881—26 апрѣля 1882—7 апрѣля 1883—22 апрѣля	1881—1 мая 1882—12 апрѣля 1883—1 мая	1881—30 октабр. 1883—10 октабр.	1881—30 октабр. 1883—26 октабр.		

Моря Охотское и Японское.	Шилка	Стретенская станция	1881—9 апрѣля 1882—7 апрѣля 1883—27 апр. 2 мая	— " —12 апрѣля " —4 мая	—	1880—28 октябр. 1881—30 октябр. 1882—20 октябр.	
	—	Ломовскій округъ	1882—10 апрѣля 1883—27 апрѣля	1883—2 мая	1881—23 октябр. 1882—10 октябр. 1883—24 октябр.	1881—28 октябр. 1882—18 октябр. 1883—26 октябр.	
	Уда	Удино-Кавыкинск. поселокъ	1882—24 марта	1882—17 апрѣля	1882—8 октябр.	1882—12 октябр.	
	Уда	Уданинская ст.	1881—20 апрѣля	" —25 апрѣля	1881—14 октябр.	1881—16 октябр.	
	Уда	Бурейновскій поселокъ	1881—21 марта 1883—28 марта	" —15 апрѣля " —15 апрѣля	1881—9 октябр. 1881—11 октябр.	1881—15 октябр. 1881—16 октябр.	
	Аргунь	Олотинск. ст.	—	—	1880—10 октябр. 1881—17 апрѣля 1882—12 апрѣля 1883—2 мая	1880—19 октябр. 1881—30 октябр. 1882—18 октябр. 1883—23 октябр.	
	—	Аргунская ст.	—	—	1881—15 октябр.	1881—8 ноября	
	—	Записная ст.	1882—13 апрѣля 1883—1 мая	1882—15 апрѣля 1883—8 мая	1882—9 октябр. 1883—12 октябр.	1882—25 октябр. 1883—29 октябр.	
	—	—	1882—10 апрѣля 1883—30 апрѣля	1882—15 апрѣля 1883—4 мая	1882—5 октябр. 1883—8 октябр.	1882—28 октябр. 1883—27 октябр.	
	Аргунь и Уровь	Усть-Уронское селеніе	1881—23 апрѣля 1882—12 апрѣля 1883—28 апрѣля	1881—29 апрѣля " —16 апрѣля 1883—5 мая	1881—17 октябр. 1882—15 октябр. 1882—20 октябр.	1881—6 ноября 1882—20 октябр. 1883—28 октябр.	
	Газимурь	Догь-Ивское с.	—	—	—	1881—25 октябр. 1882—17 октябр.	
	р. Гижига	Гижигинскіе	1881—17 мая 1882—9 мая	" —23 мая " —15 мая	1881—17 октябр. 1882—24 сентабр.	1881—20 октябр. 1882—6 октябр. 1882—17 января 1883—14 января	Бухта покрываетъ только горосомъ, въ же залива свободна отъ льда.
	Заливъ Анива, бухта Лососей, Анива-Томари.	Карсаковскій постъ на о. Сахалинѣ	1882—28 февраля 1883—9 марта	—	—	—	
Амуръ, Добрал Самара	Михаило-Сем. Екатерино-Николевское	1883—18 апрѣля 1883—7 апрѣля 1883—27 апрѣля	" —2 мая " —13 апрѣля " —2 апрѣля	—	—		
Суйфунъ въ Японск. м. и Сунутника	Никольск. сел. Суйфун. уч. Южно-Уссур. края	1882—25 марта	" —2 апрѣля	" —14 ноября	1882—18 ноябр.		
оз. Ханша и р. Сунгача, Биджанъ.	Ханкайск. окр. Между посели. Венцеловск. и Ивашинимъ.	1882—25 апрѣля 1883—12 апрѣля	" —30 апрѣля " —13 апрѣля	" —25 октябр.	1882—10 ноября		
Вира Больш. оз. Кисай	Головинск. пос. Александровск.	1883—12 апрѣля 1881—28 апрѣля 1882—25 апрѣля 1883—23 апрѣля	" —13 апрѣля " —20 мая " —10 мая " —10 мая	1881—12 октябр. " —10 октябр.	" —26 октябр. " —20 октябр.		

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Письма начальника Ленокой полярной стаяці Господину
Губернатору Якутской области.

1) *Отъ Января 3 дня 1884 года.*

Ваше Превосходительство!

Прошу, Ваше Превосходительство, принять искреннѣйшія поздравленія мои и моихъ сослуживцевъ съ Новымъ Годомъ! Встрѣчая его, мы съ живѣйшей благодарностью вспоминали Ваши заботы о насъ втеченіи всего времени, которое привелось провести здѣсь на стаяці.

При трудныхъ обстоятельствахъ наступилъ Новый Годъ здѣсь на сѣверѣ. Объ опустошеніяхъ, которыя произвела оспа въ Булунѣ, Вашему Превосходительству, безъ сомнѣнія, уже извѣстно (отъ Василія Львовича*). Съ тѣхъ поръ она пробралась на Быковъ мысъ, гдѣ унесла 16 жертвъ. Наконецъ появилась и у насъ. Тотъ якутъ, котораго я послалъ съ сѣтями на Быковъ, убѣгая отъ оспы, возвратился въ Кытахъ. Дорогою захворалъ, а чрезъ два дня по прибытіи отдалъ Богу душу. Это было 11 декабря; съ тѣхъ поръ новыхъ заболѣваній не было. Миновала ли болѣзнь, или проявится еще — Богу извѣстно.

Мы собираемся къ лѣтнему плаванію вверхъ по р. Ленѣ, т. е. все ограничивается, собственно, собираніемъ свѣдѣній, какъ наилучше и наименѣе пройти 2000 верстъ, отдѣляющіе насъ отъ Якутска. Съ слѣдующей почтой, вѣроятно, буду въ состояніи сообщить Вашему Превосходительству тотъ планъ, который мною будетъ принятъ.

На стаяці все здоровы — ревматизмы, которыми мы запаслись, вѣроятно, на всю жизнь, въ счетъ нейдутъ. Два мѣсяца нашей ночи прошли, еще мѣсяць остается. Морозы при штильѣ доходили до 48° С. Пурги рѣже, чѣмъ въ прошломъ году, по видимому. Магнитныя возмущенія далеко не достигаютъ тѣхъ размѣровъ, о которыхъ я упоминалъ въ моихъ письмахъ къ Вашему Превосходительству зимою 1882/3 года.

Въ началѣ декабря насъ посѣтилъ булунскій священникъ. На стаяці отслужены были всенощ-

ная, часы, обѣдница и молебень; а затѣмъ обвѣнчанъ сынъ старосты Туматскаго наслега, причемъ я былъ посаженнымъ отцемъ невесты.

Вотъ все наши сагастырекія новости. Почта давно ждетъ отправленія: все дѣло стоитъ за мной; а потому долженъ просить извиненія за не совсемъ, можетъ быть, подробное письмо. У насъ сегодня по новому стилю 15 число т. е. тяжелый день, пяти-минутныя наблюденія въ теченіи 24-хъ часовъ, и черезъ полчаса — моя вахта, четыре часа просидѣть въ юртѣ при температурѣ 27° С.

Прошу Ваше Превосходительство принять увѣренія въ совершенномъ моемъ почтеніи и глубочайшей преданности. На подлинномъ написано: Поручикъ Н. Юргенсъ.

Р. С. Докторъ Бунге, г. Эйгнеръ, а равно и нижніе чины свидѣтельствуютъ свое глубокое уваженіе къ Вашему Превосходительству.

2) *Письмо отъ 13-го Февраля 1884 года.*

Ваше Превосходительство! Почта, отправленная изъ Якутска 10 Декабря, прибыла къ намъ 6-го Февраля. Начавшійся на слѣдующій день буря задержала ее здѣсь. Въ настоящую минуту вѣтеръ уже стихъ и завтра, если обстоятельства не переменятся, она отправится обратно. Вместе съ почтой доставлены намъ пять убитыхъ оленей изъ числа пріобрѣтенныхъ на р. Омолой для стаяці г. верхонскимъ исправникомъ. Еще одинъ олень остался на Быковскомъ мысу, жители котораго обѣщали привести его съ слѣдующей почтой. Такимъ образомъ, запасъ свѣжаго мяса у насъ теперь вполне достаточный до лѣта и если къ этому прибавить, что и противускорбутныхъ средствъ имѣется въ изобиліи, — мы спокойно можемъ ожидать наступленія весны, когда наиболѣе слѣдуетъ опасаться цынги.

Другая болѣзнь, возбуждающая въ насъ тревожныя опасенія, оспа — все еще свирѣпствуетъ въ селеніяхъ, лежащихъ на островахъ дельты противъ Быкова мыса. По слухамъ, тамъ умерло уже 40 человекъ и 7 чел. заболѣвшихъ — выздоровѣли. Почта обходить эти селенія и направляется прямо на мысъ Быковъ, гдѣ, по словамъ казака, сопровождающаго почту, больныхъ оспой нѣтъ. Здѣсь, въ

*) Прилонскаго.

селеніи Кытахъ, послѣ одного смертнаго случая, о которомъ я уже писалъ Вашему Превосходительству, новыхъ заболѣваній не было.

Г. верхоянскій исправникъ увѣдомляетъ меня о своемъ намѣреніи посѣтить нашу станцію въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля. При этомъ, какъ я надѣюсь, выяснится — какимъ образомъ наилучше поступить съ тѣми запасами провизіи, которые могутъ оказаться въ излишкѣ ко времени нашего отъѣзда со станціи. Впрочемъ, я полагаю, что этотъ излишекъ будетъ весьма незначителенъ и здѣшніе жители, вѣроятно, оставятъ его за собой.

Если отъѣздъ нашъ состоится въ половинѣ Іюня, я надѣюсь застать еще въ селеніи Кумахъ-Суръ или Будунѣ каюки рыбопромышленниковъ и постараюсь пристроиться къ нимъ на обратный путь до Якутска. Первоначальный мой планъ былъ — весь этотъ путь пройти на своихъ шлюпкахъ, нанявъ для тяги бичевы рабочихъ, и произвести съемку рѣки при этомъ. Но при настоящихъ обстоятельствахъ трудно разсчитывать найти необходимое число рабочихъ, а потому приходится отказаться отъ прежняго намѣренія.

Занятія на станціи идутъ вполнѣ успѣшно. Въ непродолжительномъ времени предполагаю возобновить съемочныя работы. День нашъ быстро растетъ и въ настоящее время равняется уже 8 часамъ, хотя солнце мы увидѣли только 22-го Января въ первый разъ въ этомъ году.

Зима стоитъ у насъ умѣренная и значительно теплѣе прошлогодней. Спиртъ въ термометрахъ только изрѣдка опускается до 40° С., тогда какъ въ прошломъ году доходилъ до -52° С., и именно въ это время. Средняя температура за прошлогодній Февраль была 41° С., а теперь только -33° С. За то сильные вѣтры дуютъ часто.

Мои сослуживцы поручаютъ мнѣ свидѣтельствовать ихъ почтеніе предъ Вашимъ Превосходительствомъ.

Примите, Ваше Превосходительство, увѣренія въ совершенномъ моемъ почтеніи и глубочайшей преданности. Поручикъ Н. Юргенсъ.

3) Письмо отъ 20 Марта 1884 года.

Ваше Превосходительство! Почта, отправленная изъ Якутска 1-го Февраля, догнала почту отъ 1-го Января въ Верхоянскѣ и обѣ онѣ прибыли къ намъ оттуда съ тѣмъ же нарочнымъ 12-го Марта. Доставлены съ нею три ящика мясныхъ консервовъ изъ Петербурга, и два ящика снечекъ. Свѣдѣній какихъ либо отъ Географическаго Общества, за исключеніемъ телеграммы професора Ленца объ отъѣздѣ магнитныхъ наблюдений, производившихся до сихъ поръ 1 и 15 число каждаго мѣсяца, чрезъ пятиминутныя промежутки, — нѣтъ. По этому мы продолжаемъ готовиться въ обратный путь, согласно прежнимъ моимъ предположеніямъ.

Нѣсколько дней тому назадъ посѣтилъ станцію письмоводитель жиганской инородной управы, г. Новгородовъ, что доставило мнѣ случай получить нѣкоторыя, въ виду нашего возвращенія будущимъ лѣтомъ, полезныя свѣдѣнія. Случайно въ разговорѣ онъ упомянулъ о мамонтѣ, найденномъ на одномъ изъ острововъ дельты р. Лены 27 лѣтъ тому назадъ старостой Хангаласскаго наслега, который самъ ему о томъ разсказывалъ. Клыки и голова этого мамонта были тогда же доставлены купцу Семену Григорьевичу Шахурдину, теперь уже умершему.

Впродолженіи полутора лѣтъ, что мы здѣсь живемъ, мы постоянно разспрашивали мѣстныхъ жителей, въ особенности стариковъ, — не было ли гдѣ вѣбудь найденнаго цѣлаго мамонта, или не слышали ли они, о такой находкѣ — и всегда получали отрицательный отвѣтъ. При содѣйствіи г. Новгородова мы возобновили разспросы, и староста Туматскаго наслега Алексѣй Ачкасовъ, бывший въ то время у насъ, наконецъ сообщилъ, что мамонтъ, открытый хангаласскимъ старостой, до сихъ поръ лежитъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ былъ найденъ, т. е. всего въ 35 верстахъ отъ станціи, около селенія Хайгалахъ, въ обрывѣ берега. По его словамъ, многіе изъ его родовичей, а также нѣкоторыя изъ жителей селенія Ары (Турахъ), пользовались его шкурой (для ремней на сбрую собакъ) и саломъ (на окраску своихъ вѣтокъ), а также ребрами (для выдѣлки ложекъ) и что лѣвая передняя нога его кѣмъ то уже давно

увезена. Мамонтъ лежитъ на правомъ боку головой къ берегу, вадомъ къ рѣкѣ, причемъ голова (или вообще передняя часть т. е. голову, какъ я уже упоминалъ, взялъ себѣ г. Шахурдинъ въ томъ же году, когда мамонтъ былъ открытъ), расположена выше зада. Высота берега въ этомъ мѣстѣ около 30 футъ. Мамонтъ лежитъ въ первой трети этой высоты, считая отъ уровня воды. Въ настоящее время все это занесло снѣгомъ.

Такъ какъ внутренности мамонта, по увѣренію старосты, все цѣлы, то есть еще надежда добыть желудокъ, представляющій весьма большой научный интересъ и д-ръ Бунге отправляется на-двухъ въ Хай-галахъ, чтобы приступить къ работамъ по раскопкѣ.

Съ слѣдующей почтой я, вѣроятно, буду въ состояніи сообщить Вашему Превосходительству болѣе обстоятельныя свѣдѣнія относительно этой находки.

Г. Эйгнеръ отправился въ экскурсію для производства магнитныхъ наблюдений въ нѣкоторыхъ пунктахъ, къ востоку отъ станціи, и пройдетъ, если это окажется возможнымъ, до Устьянска... На будущей недѣлѣ ожидаю его обратно.

Рѣшаюсь беспокоить Ваше Превосходительство всенокорнѣйшей просьбой не отказать въ распоряженіи объ отправленіи нашихъ писемъ и посылокъ далѣе по назначенію, покрывъ расходы, какіе при этомъ встрѣтятся изъ слѣдуемаго мнѣ съ 1 Октября 1883 года денежнаго содержанія. Къ этому вынуждаетъ меня отъѣздъ изъ Якутска многоуважаемаго Василія Львовича Приклонскаго, до сихъ поръ обязательно бравшаго на себя заботу о нашей корреспонденціи. Мы съ благодарностью вспоминаемъ о его постоянной готовности помочь намъ во всѣхъ нашихъ нуждахъ и душевно порадовались его служебнымъ успѣхамъ, о которыхъ Ваше Превосходительство были столь добры сообщить намъ. Безсомнѣнія, недостатокъ времени и хлопоты передъ отъѣздомъ помѣшали написать самому.

На станціи у насъ все здоровы. Наблюденія идутъ своимъ чередомъ.

Приношу Вашему Превосходительству глубо-

чайшую благодарность всѣхъ насъ за поздравленія съ Новымъ Годомъ и благопожеланія.

Примите, Ваше Превосходительство, увѣренія въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Подлинную подписалъ поручикъ Н. Юргенсъ.

Объ обстоятельствахъ, при которыхъ были захвачены у китайскаго чиновника Лю-гуя въ южно-уссурійскомъ крайъ оффиціальная печать, тама и чиновничья шапка, доставленная въ музей Вост.

Слѣб. Отдѣла Географ. Общ.

(Сообщено чиновникомъ для дипломатич. переписки при Генераль-Губернаторѣ Вост. Сибири В. Перетолчинымъ 1 Августа 1884 г. за № 160).

Г. Генераль-Губернаторъ Восточной Сибири поручилъ экзекутору Главнаго Управленія передать на храненіе въ Сибирскій Отдѣлъ захваченныя у китайскаго чиновника Лю-гуя знамя, чиновничью шапку и оффиціальную печать, а мнѣ—сообщить Отдѣлу объ обстоятельствахъ, при которыхъ вещи эти были взяты.

Исполняя снѣ данное мнѣ порученіе, считаю необходимымъ, для уясненія обстоятельствъ, заставившихъ насъ принять рѣшительныя мѣры для внушенія китайскому населенію Южно-уссурійскаго края должнаго уваженія къ нашей администраціи, сказать предварительно нѣсколько словъ о томъ исключительномъ положеніи, какое занимаетъ, по разнымъ причинамъ, китайское населеніе въ Южно-уссурійскомъ крайѣ.

Какъ извѣстно, китайское правительство, желая сохранить свой престижъ среди китайскаго населенія Приамурскаго края, усердно старалось утвердить его въ убѣжденіи, что уступка этого края во владѣніе Россіи есть временная и что рано или поздно край снова перейдетъ во владѣніе Китая, и что настоящие хозяева края—китайцы, а не мы, русскіе. Бездѣйствіе, вольное и невольное, нашей администраціи, только укрѣпляло китайцевъ въ этомъ убѣжденіи. Маньчжуръ, живущіе близъ Благовѣщенска, пользуясь устроенными нами дорогами и мостами, не относили, взаменъ того, никакихъ ни денежныхъ, ни ватуральныхъ повинностей. Эксплуатируя богатства края далеко внѣ черты ихъ

постоянной осѣлости, маньчжурь могли распростра- няться внутрь Амурской области, сколько имъ было угодно, чѣмъ, конечно, и пользовались.

Манзовское населеніе Уссурийскаго края без- пошлнно пользовалось рыбными ловлями, промыс- ломъ морской какуты и звѣринымъ, сборомъ гри- бовъ и т. п. Дѣло дошло до того, что оно стало управляться китайскими чиновниками, образуя собою какъ бы *status in statu*. Однимъ изъ такихъ чинов- никовъ и былъ упомянутый Лю-гуй. Сначала это былъ *persona grata* нашей администраціи. Онъ былъ назначенъ ею старшиною манзовскаго населенія, живущаго на Сучанѣ, и за хорошее управленіе этимъ населеніемъ получить отъ генерала Спичель- никова почетный кафтанъ. Но времена измѣнились и Лю-гуй счелъ болѣе выгоднымъ для себя пре- датся тѣломъ и душой китайскому правительству, которое сдѣлало его чиновникомъ, пославъ ему, въ знакъ инвеституры, шанку и печать (которыя пере- даются нынѣ въ Отдѣлъ) и поручивъ ему началь- ство надъ манзами, живущими по Сучану. Засимъ, китайское правительство, пользуясь враждебнымъ, по отношенію къ намъ, настроеніемъ манзъ, задумало организовать въ Южно-уссурийскомъ краѣ во- енную силу и это дѣло поручило, повидимому, Лю-гую. И вотъ до Приморскаго Губернатора до- шли слухи, что Лю-гуй завелъ на Сучанѣ военный отрядъ, выстроилъ укрѣпленіе и началъ творить судъ и расправу среди манзовскаго населенія, под- бивая его къ неповиновенію русскимъ властямъ. Для провѣрки этихъ слуховъ и принятія соответствен- ныхъ мѣръ, если бы они оправдались, Генераль Ба- рановъ, дѣломъ 1881 г., распорядился сформиро- вать отрядъ, которому приказалъ двинуться, подъ начальствомъ подполковника Винникова, на Сучанъ. Отряду не удалось захватить Лю-гуя, который, узнанши, вѣроятно, чрезъ своихъ шпионовъ, о дви- жении отряда, скрылся, но не успѣлъ ничего, по- видимому, забрать съ собой: въ фанзѣ его найдено 1 ружье, 26 шкѣ, 8 ножей, около полунуда ружей- наго пороку, знамя съ надписью (юнъ-мужество), чиновничья шанка, печать и 500 патроновъ къ ружью системы Винчестера. На воротахъ фанзы красовалась слѣдующая надпись воиными буквами:

«командированные по Высочайшему повелѣнію са- новники У и Ли преподносятъ Высочайшій указъ «тщательно охраняющему предѣлы Южно-уссурий- скаго края». Данъ правленія Гуанъ-ской, весною настоящаго (какого—не извѣстно) года». Въ фанзѣ гдѣ помѣщался отрядъ Лю-гуя, найдено 19 ружей, 16 шкѣ, 15 ножей, около полунуда ружейнаго по- року, около 10 фун. призматическаго пороку, 2 значка, 200 разныхъ патроновъ, 2 крѣпостныхъ манзовскихъ ружья, 1 манзовская пушка, 2 револь- вера, 1 винтовка и одинъ солдатскій пистолетъ. Фанза, гдѣ постоянно находился Лю-гуй, окружена была высокимъ частоколомъ, а на срединѣ главнаго двора устроена была не менѣе 5 сажень высоты вышка, которая служила для наблюденія за движе- ніемъ русскихъ отрядовъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ фанзы Лю-гуя, оказалась фанза, укрѣпленная глинобитной стѣной съ бойницами, само собою разу- мѣется, что нашъ отрядъ забралъ съ собой все во- енные припасы и все, что служило доказательствомъ китайскаго управленія на Сучанѣ, а укрѣпленія разрушилъ.

Участь бѣдныхъ дѣтей Якутской области.

Въ Отдѣлъ была доставлена въ Январѣ 1884 года небольшая замѣтка одного жителя Якутской области, очень сочувственно отнесшагося къ участи бѣдныхъ дѣвочекъ. Въ своей замѣткѣ авторъ такъ рисуетъ участь дѣтей: до начала настоящаго столѣ- тія, какъ гласитъ народная молва, бѣднякъ якутъ, об- ременный многочисленной семьей и не имѣя средствъ прокормить поворожденныхъ членовъ семьи, избав- лился отъ нихъ, вѣшая на деревнѣ въ турсукѣ (тур- сукъ—берестянная корзинка, обтянутая оленьей шку- рою); такой поступокъ не преслѣдовался и не осуж- дался сородичами бѣдняка, ибо разсматривался, какъ вызванная суровой необходимостью. Около того же времени русскіе стали пріобрѣтать якутскихъ дѣтей за долги; такъ относительно одного крестьянина го- ворятъ, что у него изъ взятыхъ такимъ образомъ дѣтей образовалась цѣлая дворня; цѣна на дѣтей достигала 90 и 100 рублей ассигнаціями. По всей вѣроятности, бросаніе дѣтей на произволъ судьбы и

обреченіе голодной смерти случалось только въ томъ случаѣ, когда семья подвергалась голоду, а вблизи не было сѣрдобольныхъ сосѣдей въ родѣ упомяну- таго крестьянина.

Впослѣдствіи обыкновеніе покидать дѣтей стало преслѣдоваться администраціей и дѣти бѣднѣйшихъ родителей кормились на счетъ цѣлаго наслѣдства; они должны были переходить для пропитанія изъ одной кѣрты въ другую, оставаясь у богатаго 3 ночи, у зажиточнаго 2, а у бѣднаго одну ночь; такіе дѣти стали носить особое названіе—*кумоланг*. Съ недавняго времени изъ такихъ дѣтей нѣкоторые якуты стали покупать дѣвочекъ и большую часть направ- или въ Олекминскій округъ. Обыкновенно торговецъ дастъ за дѣвочку подростка 30 или 40 рублей ро- дителямъ, а потомъ перепродастъ въ другія руки съ барышемъ; напримѣръ Октемскій якутъ Василій Трапезниковъ купилъ у своего сородца Петра Лиха- нова дочь Анну, 15 л., за 30 рублей и продалъ ее въ Олекмѣ за 60 рублей, а новый хозяинъ пере- продалъ за 80 руб.; якутъ того-же наслѣга Гаврила Кысалга Уола продалъ свою дочь Олекминскому кре- стьянину за 35 руб.

Иногда Олекминскіе жители сами пріѣзжаютъ за дѣтьми и покупаютъ ихъ гуртомъ. Дальнѣйшая судьба этихъ дѣвочекъ такова: взрослые выдаются замужъ за работниковъ за высокія цѣны, а маленькія оставляются для домашнихъ работъ, пока не подрастутъ и не будутъ выданы замужъ. описы- нныя сдѣлки бывають иногда оформлены составлені- емъ особыхъ документовъ, которые называются то «удостовереніемъ на вступленіе въ бракъ съ кѣмъ пожелаетъ», то «уступной подписки на воспитаніе»; документы такіе даже свидѣлствуются якутскими родоначальниками. Авторъ замѣтки присовокушилъ, что продавая своихъ дочерей, якутъ старается обмануть покупателя; такъ при продажѣ дѣвочка бываетъ одѣта въ платье иногда для этой цѣли взятое на время у сосѣдей, а когда торгъ состоит- ся, то платье снимается, съ объясненіемъ, что «про- давалось только тѣло и душа, а ребенокъ не лошадь, чтобъ на немъ что нибудь шло покупателю».

Важность вопроса, затронутого замѣткой, побу- дила Отдѣлъ обратиться къ г. Якутскому Губерна-

тору съ конфиденціальнымъ письмомъ, которымъ испрашивалось согласіе его на обнародованіе приведен- ныхъ фактовъ путемъ печати; г. Губернаторъ копію съ письма препроводилъ къ Олекминскому исправнику для производства дознанія и разъясненія родоначаль- никамъ всей постыдности и безразличности тор- говли дѣтьми. Исправникъ произвелъ дознаніе въ Инородной Управѣ, мірской избѣ и городѣ Олек- минскѣ. Дознаніе выяснило весьма интересные факты; а именно: что хотя торговли дѣтьми и не было въ Олекминскомъ округѣ въ томъ видѣ, какъ изложено въ замѣткѣ, но «дѣйствительно было нѣ- сколько примѣровъ съ давнихъ временъ взятія ино- родцами Олекминскаго округа отъ инородцевъ Ви- люйскаго округа на воспитаніе и удочереніе дѣво- чекъ съ согласія родителей. Взятіе дѣтей на воспи- таніе, какъ выясняется, производилось преимуще- ственно по предложенію самихъ родителей во время разгнѣдовъ инородцевъ Олекминскаго улуса по дѣ- ламъ своимъ въ Вилюйскій округъ; и такъ какъ брались дѣти изъ бѣдныхъ и многосемейныхъ роди- телей инородцевъ Вилюйскаго округа, которые съ трудомъ сами прокармливались, то взявшіе на воспита- ніе инородцы Олекминскаго округа оказывали имъ пособіе при первоначальномъ взятіи ребенка и въ послѣдствіи не оставляли помощью».

Приведенная выписка сдѣлана дословно изъ донесенія г. Олекминскаго Исправника г. Якутскому Губернатору отъ 22 Марта 1884 г. за № 1285.

Датѣ нѣтъ донесенія видно, что не было при- мѣра перепродажи взятыхъ на воспитаніе въ дру- гія руки, но воспитываемыя дѣвочки живутъ какъ родныя, *помогая въ хозяйствѣ до замужества*; при выдачѣ замужъ никакихъ особыхъ условій и обязательствъ не совершалось, кромѣ инородческаго обычая *калыма*.

Кромѣ этихъ дѣвочекъ, имѣвшихъ родителей, во время взятія на воспитаніе, донесеніе г. Исправ- ника указываетъ еще на сиротъ обоего пола, взя- тыхъ на воспитаніе состоятельными инородцами Олекминскаго округа, за смертью родственниковъ.

Такихъ дѣвочекъ, взятыхъ на воспитаніе отъ живыхъ родителей во всемъ округѣ за послѣдніе 5 лѣтъ насчитывается—41, изъ нихъ въ Олекминскомъ

удусь—32 и 9 въ вѣдомствѣ Олекминской крестьянской мірской набѣ. За тѣмъ въ самомъ г. Олекминскѣ насчитывается до 7-ми воспитанницъ, взятыхъ на воспитаніе также частью изъ Вилюйскаго округа и отъ мѣстныхъ крестьянъ. О родѣ жизни, которыми ведутъ подобныя дѣти, Исправникъ объясняетъ, что они воспитываются какъ родные и даже нѣкоторые изъ нихъ обучаются въ училищахъ округа.

Сибиря сообщенную Отдѣлу замѣтку съ донесеніемъ Исправника, мы увидимъ, что факты, приведенные въ замѣткѣ въ общихъ чертахъ и по существу совершенно подтверждаются, что дѣвочки берутся на воспитаніе во время разъѣздовъ инородцевъ Олекминскихъ по Вилюйскому округу, хотя и по своимъ дѣламъ, что берущіе дѣвочекъ оказываютъ пособіе родителямъ и держутъ ихъ у себя дома, употребляя для домашнихъ работъ, до замужества, причемъ получаютъ калымъ, какъ настоящіе родители; хотя калымъ въ нормальныхъ случаяхъ у инородцевъ и покрывается отчасти приданымъ невесты, но далеко не шлобъ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ академикъ Миддендорфъ*); но всегда родитель или вос-

* Миддендорфъ (коренные жители Сибири, стр. 681) относительно шлобдовъ говоритъ: «шобъ добыть себѣ жену, нуженъ капиталъ да притомъ большой капиталъ. Дочь невесты не тягостъ, а дорное сокровище; это своего рода капиталъ». Размѣръ калыма, въ разныхъ случаяхъ, различенъ, смотря по богатству невесты; гримой извѣстностью пользовалась дѣвушка, за которую отецъ получилъ: 5 голубыхъ песковъ, 45 песковъ, 5 возковъ, стадо въ 90 сѣверныхъ оленей, 8 аршинъ красного сукна, промъ котлокъ и принадлежности домашняго хозяйства, за другую дѣвушку выдано 16 песковъ, 2 волка, 40 сѣвер. оленей, шкуры для туза, котлы и разные снаряды; въ 3-мъ случаѣ за бѣдную дочь старшины дали: 30 песковъ, 2 возковъ и 30 сѣвер. оленей, но притомъ отецъ долженъ былъ возратить 10 оленей на обсаждение. У тунгусовъ цѣна женщины ниже, такъ жену можно было купить за 20 сѣв. оленей, причемъ невесты приносили съ собой 10 оленей и шалашную покрывку, стоящую до 40 рубанъ (Миддендорфъ, такъ же стр. 719). О размѣрѣ калыма у Якутовъ, академикъ Миддендорфъ (см. стр. 832) приводитъ слѣдующія данныя: за невесту всегда вносится нѣсколько количество разнаго скота, примѣрно 4 овца, 4 коровы, 4 вербны, 4 кобылы; но бываютъ случаи, что вносятъ по 10 головъ разнаго скота; на деньги выкупающа цѣна 500 руб., относительно перваго случая указывается, что вносятся 2 волка, 4 коровы, 2 вербны, 4 кобылы, хотя въ другомъ мѣстѣ Миддендорфъ упоминаетъ, что возрраженныя животные родители невесты давали ниже означенныхъ въ

нитатель остается въ барышѣ. Въ данномъ случаѣ неизвѣстенъ размѣръ калыма, а потому и нельзя судить о выгодности самой сдѣлки. Необходимо также замѣтить, что сообщенныя данныя о взятіи на воспитаніе дѣвочекъ заимствованы изъ оффиціального донесенія Исправника Губернатору, причемъ неизбѣжно явилось деликатное скрашиваніе неприятныхъ данныхъ, выясненныхъ дознаніемъ. Что дѣло обстоитъ далеко не благополучно, подтверждается просьбой Исправника къ Губернатору о недопущеніи на будущее время дачи дѣтей на воспитаніе инородцами Вилюйскаго округа, такъ какъ, изъ дознанія и отысковъ родоначальниковъ видны случаи взятія на воспитаніе дѣвочекъ отъ инородцевъ Вилюйскаго округа, *быть можетъ и достигшихся на полученіе какою либо пособія отъ взявшихъ впоследствии.*

Для выясненія того-же вопроса былъ посланъ запросъ къ знатоку Якутской жизни Никитѣ Семеновичу Горохову, выросшему среди Якутовъ и соединенному съ ними родственными узами. «Продажа дѣтей», пишетъ Н. С. Гороховъ въ своемъ отвѣтѣ, «практикуется во всей Якутской области», не только между инородцами, но даже случается и между русскими. «Но относительно разъѣздовъ для этой цѣли и покунки дѣтей гуртомъ, я не слыхалъ и сильно сомнѣваюсь.» «Самая же продажа дѣвочекъ не имѣетъ того страшнаго характера и значенія, какое должно бы было имѣть это явленіе.» «Дѣло въ томъ, что между всѣми инородцами Якутской области безъ исключенія существуетъ обычай отдавать дочерей замужъ за калымъ (суду); безъ калыма не отдастъ дочери никто, ни бѣдный, ни

калымъ и разборчивости со стороны жениха не допускается, но за то при приемѣ калыма практикуется строгій выборъ. У сѣверныхъ Якутовъ цѣна за невесту простирается до 16 сѣвер. оленей.

*) Случай аналогичный разбираемому приводитъ Миддендорфъ на стр. 719. Одинъ молодой тунгусъ считалъ себя счастливымъ, когда добылъ себѣ въ жену сироту выросшую у священника въ Удескомъ острогѣ. «Онъ хвалилъ», говоритъ авторъ, «великодушіе послѣдняго, такъ какъ отдѣвался только 5 соболью и 10 половинокъ лосиныхъ шкуръ, но, правда, долженъ былъ дать жену почти нагую, даже безъ платка, бѣлилки, прѣбѣдную.» Дѣло это произошло нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ настоящаго столѣтія.

богатый.» «Если бѣдный якутъ отдастъ свою дочь *въ отъи, въ дочери* другому лицу, то онъ беретъ отъ воспитателя нѣкоторую сумму въ видѣ отступнаго, чѣмъ даетъ право воспитателю выдать дѣвушку замужъ уже за свой счетъ, какъ *свою дочь*, и взять за нее калымъ, на который родной отецъ теряетъ свои права. Вотъ по этому то пріемный отецъ и продастъ свою пріемную дочь 15 лѣтъ за 80 рублей. Само собою разумѣется, что всѣ дѣти работаютъ, не исключая и пріемныхъ. Родоначалникамъ нѣтъ основанія не смотрѣть снисходительно на подобную передачу дѣтей, коль скоро существуетъ и узаконенъ обычай казыма за невѣсту. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ допускать мысли, что подобная купля—рабство, что покупаютъ дѣтей, какъ рабочую силу. Исключается это во-1-хъ тѣмъ, что бѣдному не чѣмъ и свою семью прокормить, а богатымъ, пораскладкѣ общества, приходится ежегодно прокармливать отъ 5 до 20 немущихъ; а во-2-хъ, женскій трудъ имѣетъ крайне ограниченную цѣну, напримѣръ въ Якутскомъ округѣ, подалше отъ города, взрослая женщина съ Николаина дня до Покрова получаетъ въ плату *полъ дабы* или, какъ говорится, *на рубагу*. Стоитъ ли тутъ покупать? А вотъ что возмутительно, такъ это именно *казыма*. Этотъ обычай исключаетъ всякую возможность женитьбы по сердечному влеченію; вслѣдствіи этого обычая, сплошь и рядомъ, стоворъ молодыхъ людей совершается родителями въ такое время, когда жениху 10, а невѣстѣ 5—6 лѣтъ, а иногда даже въ такомъ возрастѣ, когда женихъ и невѣста еще сосутъ грудь. Изъ за этого обычая часто случаются очень несчастные браки и старые состоятельные вдовцы всегда женятся на молодыхъ бѣдныхъ красавицахъ и заѣдаютъ чужой вѣкъ. Ничиѣ калымъ выплачивается у богатыхъ якутовъ деньгами, а прежде платили все скотомъ. Такъ напр. одинъ богатый якутъ Е. Е. продалъ свою дочь невыразимо безобразному тунгусу за три тысячи оленей, а другую очень милую, не глухую и нѣжную дѣвушку за три тысячи рублей какому то полуидіоту и пьяницѣ. И все это на законномъ основаніи. Споры о калымѣ рѣшаются иногда въ Окружномъ Судѣ и никому не придетъ въ голову ратовать противъ

этого варварскаго обычая, напротивъ многіе очень охотно шируютъ, когда приводятъ выговоренный въ калымъ скотъ.»

Какъ ни смотрѣть на описываемое явленіе, оно во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія и науки и администраціи. Нельзя не быть признательными и къ автору замѣтки и къ Исправнику, серьезно отнесшемуся къ порученному ему производству дознанія. Но несомнѣнно, что изученіе положенія дѣтей и женщины только еще вначалось; желательно чтобы и въ Вилюйскомъ и въ Якутскомъ округахъ были произведены соотвѣтственные изслѣдованія о продажѣ дѣвочекъ или, если выразиться дипломатичнѣе, объ отдачѣ дѣвочекъ на воспитаніе; всякая серьезная замѣтка будетъ принята съ особенной благодарностью.

ПРОТОКОЛЫ

Распорядительнаго Комитета Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

18 Января 1884 года.

Присутствовали на засѣданіи: А. И. Бобринниковъ, С. И. Коссовичъ, П. Н. Давыдовъ, П. Г. Меленевскій, М. И. Писаревъ, А. А. Шахаринъ, Н. Н. Агаптовъ и членъ Отдѣла Н. П. Задѣковъ. Предсѣдателемъ на предстоящее засѣданіе избранъ С. И. Коссовичъ.

По вопросу о порядкѣ предстоящихъ выборовъ Пріемителя дѣлъ и составленія по этому поводу избирательныхъ листовъ со списками членовъ постановили:

а) Изъ вновь избранныхъ въ члены Отдѣла 7-го декабря лицъ въ списки дѣйствительныхъ членовъ Отдѣла вносить только тѣхъ, которые сдѣлаютъ установленный взносъ къ 25 январю; лицамъ же, неуплатившимъ взноса къ этому сроку, не рекомендуется участвовать въ выборахъ, если взносъ будетъ сдѣланъ и въ самый день (засѣданія) общаго собранія, но до начала повѣрей избирательныхъ листовъ.

б) На основаніи пункта 2 дополненія къ § 6 положенія о Сибирскомъ Отдѣлѣ, Распорядительный Комитетъ предлагаетъ кандидатами къ избранію въ пріемныхъ дѣла Николая Николаевича Агаптова, Александра Ивановича Бобринникова и Константина Тихоновича Лиходлова.

Января 25 дня 1884 года.

Присутствовали: А. И. Бобринниковъ, С. И. Коссовичъ, П. Н. Давыдовъ, П. Г. Меленевскій, М. И. Писаревъ, А. А. Шахаринъ, Н. Н. Агаптовъ.

Председателем на текущее заседание избранъ С. И. Коссовичъ.

1) На основании постановленія отъ 18 Января с. г. въ списокъ членовъ внести слѣдующихъ лицъ, какъ сдѣлавшихъ къ 25 Января свои членскіе взносы: Бредицкаго, Пономарева, С. Писарева и С. И. Кочегкова.

2) На избирательныхъ листахъ, заключающихъ и списокъ членовъ, находившихся къ 25 Января на лицо въ г. Иркутскѣ, помѣстить необходимыя указанія о порядкѣ выбора правителя дѣлъ.

3) Былъ возбужденъ вопросъ объ окончательномъ разсчетѣ съ архитекторомъ Баронъ Г. В. Розенъ вслѣдствіи просьбы о томъ съ его стороны.

Такъ какъ пренія не привели къ определенному заключенію, то постановили отложить разсмотрѣніе вопроса до слѣдующаго засѣданія.

4) Комитету предложены къ избранію въ действительные члены Отдѣла С. А. Штернъ, Ю. А. Делеско, В. А. Юргелисъ, П. Н. Крыловъ, Л. А. Ячевскій, Г. Н. Посылинъ, П. Г. Цробенко, Н. П. Герасимовъ. Постановили: предложить къ избранію на общемъ собраніи 11 Февраля.

28 Января 1884 года.

Присутствовали: С. И. Коссовичъ, П. Н. Лялинъ, П. Г. Мелеуевскій, М. Я. Писаревъ, А. А. Шамаринъ, Н. Н. Агапитовъ и д. членъ Отдѣла М. J. Martin.

1) По разсмотрѣніи представленныхъ вновь отпечатанныхъ списковъ членовъ и особыхъ конвертовъ съ отпечатаннымъ адресомъ Отдѣла для возвращенія списковъ по отбѣлкѣ избираемаго лица, постановили: въ виду предполагаемыхъ сообщеній М-г Martin и Д. Ю. Першина, обѣданныхъ къ прочтенію на общемъ собраніи не раньше 10 Февраля—назначить общее собраніе для выслушанія сообщеній и выбора правителя дѣлъ 11 Февраля къ субботѣ.

2) М. Martin, возвратившійся изъ своей экспедиціи съ р. Оленки отъ Нохтуйска на р. Амуръ близъ Албазина представилъ Комитету свой маршрутъ (отмѣченный по картѣ князя Краноткина) съ отмѣтками высоты стоянія барометра, температуры, горныхъ породъ, характера мѣстности; на основаніи своихъ замѣтокъ М. Martin обѣщавъ изготавить карту въ увеличенномъ противъ карты Краноткина масштабѣ и сдѣлать краткое сообщеніе о результатахъ экспедиціи; при этомъ М. Мартенъ просилъ оказать содѣйствіе по присланіи чертежника.

Постановили: благодарить М. Martin за намѣреніе сдѣлать сообщеніе и просить его не стѣсняться употребленіемъ французскаго языка, повѣтнаго большинству членовъ; что же касается присланія чертежника, то С. И. Коссовичъ обѣщавъ оказать содѣйствіе, а А. А. Шамаринъ рекомендовалъ кромѣ того обратиться къ д. члену И. С. Боголюбскому какъ лицу, знакомому съ Забайкальской областью и Амурскимъ краемъ въ геогностическомъ отношеніи.

2) Прочитано письмо начальника международной полярной станции въ устьяхъ Лены о его рѣшеніи остаться на зимовку и выѣхать только въ іюнь на шлюпкахъ, до того же времени продолжать наблюденіе; выѣздъ зимой былъ бы обременителенъ для мѣстныхъ жителей, могъ отразиться даже на успѣхѣ промысла; кромѣ того экспедиція вовсе не распола-

гага денежными средствами на обратный путь и затруднилась бы съ употребленіемъ годоваго запаса провизіи, доставленнаго въ Августѣ изъ Якутска.

Постановили: телеграммой уведомить о томъ Географическое Общество, а копію письма препроводить почтой.

3) Вслѣдствіи письма Н. Д. Юргенса къ правителю дѣлъ Н. Н. Агапитову о высылкѣ необходимыхъ канцелярскихъ принадлежностей и другихъ матеріаловъ для станции—поручить Н. Н. Агапитову получать отъ г. казначея по мѣрѣ надобности денежныя средства изъ капитала Юргенса на покрытие расхода по приобрѣтенію перечисленныхъ въ письмѣ предметовъ.

4) Прочитано письмо доцента С.-Петербургскаго Университета П. А. Сырку о высылкѣ ему въ одномъ экземплярѣ № работы Н. Агапитова и Хангалова „Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири“.

Постановили: выслать номеръ Извѣстій, гдѣ помѣщена эта статья.

5) Р. А. Вильке въ письмѣ къ правителю дѣлъ просить выслать въ Троицкосавскъ серію метеорологическихъ инструментовъ, обязуясь расходы по пересылкѣ ихъ принять на свой счетъ.

Постановили: одну изъ серій инструмента, доставленныхъ Отдѣлу Главною Физическою Обсерваторіею, выслать Г. Вильке.

6) Прочитано письмо И. В. Щеглова, объясняющее—почему его трудъ „Хронологическій переченьъ важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири 1032—1882 г.“ вмѣсто первоначально предположенныхъ 10—12 печатныхъ листовъ, печатаніе которыхъ принялъ на свой счетъ Отдѣлъ съ употребленіемъ на этотъ предметъ не болѣе 200 рублей, — разросся до 43 печатныхъ листовъ; въ своемъ письмѣ И. В. Щегловъ просить принять оплатѣ всѣхъ 43 листовъ на счетъ Отдѣла и кромѣ того ему выдать въ видѣ гонорара отъ 300 до 500 рублей, хотя Комитетъ своимъ постановленіемъ этотъ гонораръ, согласно съ заявленіемъ самаго г. Щеглова, ограничилъ только выдачею 100 экземпляровъ труда.

Постановили: въ виду того, что уже напечатано статьи И. В. Щеглова 33 листа, окончить печатаніе всего труда и затѣмъ отъ имени Отдѣла пустить въ продажу не дешевле 3 рублей за экземпляръ (въ 43 п. л.) съ тѣмъ, чтобы покрыть расходы Отдѣла по печатанію, когда же расходы по печати (до 800 руб.) покроются — остальные экземпляры выдать на руки автору; прежнее постановленіе о выдачѣ автору въ вознагражденіе 100 экземпляровъ отмѣнить, такъ какъ Комитетъ совершенно не предвидѣлъ, что расходы на печатаніе труда Г. Щеглова вмѣсто 200 рублей достигнутъ 800 р., т. е. учетверятся.

7) Правителемъ дѣлъ было предъавлено Комитету счетъ крестьянина деревни Марковой Антона Кудреватаго за доставленный для отдѣла сто сажень дровъ (сосновыхъ 30 с., лиственничныхъ 40 с., березовыхъ 30 с.) по 4 руб. за сажень.

Постановили: уплатить крестьянину Кудреватому четыреста рублей.

8. Прочитано письмо д. члена Я. П. Дуброва, изъ котораго онъ проситъ Комитетъ выдать ему за доставленный имъ отчетъ о поѣздкѣ въ Монголію въ верховья Селенги гонораръ и оказать денежное пособіе въ четыреста рублей для историко-

этнографическаго изученія бурята иркутскихъ и забайкальскихъ; обратный путь изъ Забайкальской области Я. П. Дуброва предполагаетъ совершить чрезъ Монголію—напр. Орхонъ и внизъ по Селенгѣ; изъ означенныхъ 400 рублей сто рублей предполагается употребить на покупку коллекцій для музеев.

Постановили: Вопросъ о командировкѣ Я. П. Дуброва отложить до времени обсужденія предиріятій въ настоящемъ году, что же касается до печатанія представленнаго труда и выдачи гонорара, то признать необходимымъ присутствіе автора, почему отложить окончательное постановленіе по этому предмету до его возвращенія; во всякомъ случаѣ предложить автору принять въ руководствѣ замѣчанія на его трудъ, сдѣланныя В. И. Вагинымъ и прочтанныя въ засѣданіи; въ случаѣ представленія г. Черскимъ своего труда — оказать ему предпочтеніе по выдачѣ гонорара предъ печатаніемъ труда Я. П. Дуброва.

9) Предъявлены три счета книжнаго магазина Н. Биммеля въ Ригѣ за посланные для Отдѣла книги: Миддендорфа, Риттера, Шренка, Рабенхорста, Бема и Вагнера; Мюллера. Zeitschrift für wiss. Geographie Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien. — всего на сумму 107 р. 18 коп.

Постановили: по полученіи сочиненій Миддендорфа и Шренка, еще не полученныхъ изъ почтовой конторы, выслать магазину сто семь руб. восемнадцать коп.

8 Февраля 1884 года.

Присутствовали: А. И. Бобровниковъ, П. Г. Меленевскій, П. Н. Лялинъ, А. А. Шамаринъ, С. И. Коссовичъ, Н. Н. Агапитовъ и д. чл. Я. П. Дуброва.

Предѣвателемъ на предстоявшее засѣданіе избранъ С. И. Коссовичъ.

1) Въ виду необходимости ускорить расчетъ по постройкѣ зданія Отдѣла, при расчетѣ съ инженеръ-архитекторомъ барономъ Г. В. Розенъ—постановили: руководствоваться постановленіями по этому предмету Распорядительнаго Комитета; а такъ какъ по постановленію отъ 9 Августа 1882 года вознагражденіе за техническій надзоръ должно быть определено въ размѣрѣ 5% съ суммы произведенныхъ подъ его (техника) наблюдениемъ работъ и заготовленныхъ матеріаловъ, *исключенныхъ по сличеніямъ инвентаря*, то уплатить не доставшіе 328 р. до полныхъ 5% съ суммы 48574 р., составляющей сметное назначеніе.

2) Прочтано Я. П. Дуброва записаніе, которымъ Я. П., принимая во вниманіе ограниченность денежныхъ средствъ Отдѣла, вмѣсто уплаты денежнаго вознагражденія за представленный имъ отчетъ о поѣздѣ въ Монголію, предложилъ комитету теперь же рѣшить вопросъ о его экспедиціи для статистико-этнографическаго изученія инородческаго населенія Иркутской губерніи и Забайкальской области, на годичный срокъ съ выдачею ему на экспедицію тысячи руб., изъ которыхъ сто руб. онъ обязывается употребить на приобрѣтенія этнографическихъ предметовъ для музеевъ Отдѣла; вмѣстѣ съ сими Я. П. Дуброва обязывался по окончаніи экспедиціи представить отчетъ.

Постановили: признать предложеніе д. члена Дуброва болѣе соответствующимъ настоящему безблестящему состоянію

финансовъ Отдѣла, разрѣшить выдачу ему на предстоящую экспедицію 900 руб. изъ суммъ на текущія нужды Отдѣла и 100 руб. изъ капитала, пожертвованнаго на этнографическія коллекціи; доложить о томъ общему собранію и психодататьствовать у Г. Генераль-Губернатора открытое предписаніе и по дорожную; при отъѣздѣ выдать до 500 руб.

3) Правителемъ дѣлъ представленъ кассовый отчетъ по приходу и расходу суммъ, принадлежащихъ Отдѣлу, въ 1883 году и проектъ сметы на 1884 годъ.

Постановили: по повѣркѣ отчета съ кассовой книгой представить общему собранію вмѣстѣ съ сметой.

ПРОТОКОЛЪ

Общаго собранія членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества, состоявшагося

11 Февраля 1884 года.

1) Выслушано чтеніе дѣйствительнаго члена Г. Мартона о экспедиціи, совершенной имъ съ Похтуйской резиденціи на р. Ленѣ на рѣку Амуръ близъ Албазина.

2) Произведена повѣрка избирательныхъ листовъ, которыхъ оказалось доставленныхъ восемьдесятъ шесть (86) листовъ. Большинствомъ голосовъ пятидесяти одного (51) избранъ правителемъ дѣлъ отдѣла Николай Николаевичъ Агапитовъ.

ПРОТОКОЛЪ

Распорядительнаго Комитета Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества.

3 Марта 1884 года.

Присутствовали: А. И. Бобровниковъ, В. И. Вагинъ, С. И. Коссовичъ, П. Н. Лялинъ, П. Г. Меленевскій, А. А. Шамаринъ и правитель дѣлъ Н. Н. Агапитовъ.

1) Въ засѣданіи Комитета были предъявлены унтеръ-офицеромъ Пуцинымъ и ефрейтеромъ Гоньевымъ, возвратившимся съ Ленской метеорологической станціи, отчеты въ расходованіи, выданныхъ докторомъ Бунге 1282 р. 10 коп., съ приложеніемъ нѣкоторыхъ оправдательныхъ документовъ и по дорожной, а также револьверъ съ принадлежностями, заявивъ при этомъ, что ружье Бердана осталось въ г. Якутскѣ у болынаго матроса.

Постановили: Не имѣя возможности повѣрить произведенные Пуцинымъ и Гоньевымъ расходы, принять представленные документы для передачи ихъ Начальнику Ленской станціи П. Д. Юргенсу по его возвращеніи и выдать причитающіяся Пуцину и Гоньеву жалованья, рассчитанное П. Д. Юргенсъ въ письмѣ къ правителю дѣлъ отъ 13 Ноября 1883 г. по день возвращенія къ мѣсту служенія, т. е. по 1 Марта, въ размѣрѣ Пуцину съ 1 Октября по 25 руб. въ мѣсяць 125 руб. и Гоньеву съ 1 Декабря по 20 руб. 60 руб., которые и выдать

въ капитала метеорологической станціи; револьверъ же принять на храненіе.

2) Правителемъ дѣлъ доложено о полученіи пятисотъ рублей отъ Географическаго Общества для оплаты транспортной конторы общества „Надежда“ за пересылку 16-ти ящиковъ консервовъ для метеорологической Ленской станціи; консервы оказались уже доставленными къ 1-му Марта, но только въ количествѣ 15 мѣстъ, такъ какъ одинъ ящикъ оказался срѣзаннымъ дорогой; вмѣстѣ съ симъ была прочитана телеграмма отъ Географическаго Общества, предлагающая задержать отправку консервовъ въ Якутскъ до объясненія почтой.

Постановили: такъ какъ по доставленнымъ ящикамъ нельзя опредѣлить, которая не достаесть, вслѣдствіи порчи номеровъ обложки и въ виду непредставленія агентомъ „Надежды“ фактуры—отложить пріемъ ящиковъ до предъявленія фактуры, а для опредѣленія стоимости утраченнаго ящика свѣстись съ Географическимъ Обществомъ; отиракку консервовъ приостановить, тѣмъ болѣе, что г. Якутскій Губернаторъ отношеніемъ отъ 11 Февраля с. г. за № 377 объясняетъ, что отиракка груза на станцію возможна лишь съ открытіемъ навигаціи и полагаесть, что станція не нуждается въ консервахъ и въ такомъ большомъ количествѣ въ виду сдѣланныхъ запасовъ истекшимъ лѣтомъ.

3) Прочитано письмо дѣйствительнаго члена В. П. Сукачева, извѣщающаго Комитетъ, что въ Пекинѣ будетъ доставлено Г. Н. Потанинымъ коллекція изъ 130 видовъ гibraltarскихъ растений и 50 наземныхъ раковинъ отъ ботаника и конхиолога Дотэ и назначаема въ даръ музею Географическаго Общества въ Иркутскѣ, вслѣдствіи чего желательно оказать Г. П. Потанину содѣйствіе для доставки коллекціи изъ Пекина въ Иркутскъ.

Постановили: обратиться съ просьбой къ Н. И. Шаверновскому, не представится ли возможнымъ оказать нужное содѣйствіе для доставки коллекціи въ Иркутскъ.

4) Представленъ счетъ типографіи П. Н. Сивидына за отпечатаніе „Извѣстій“ Т. XIV, № 3 на 130 руб. и мелкихъ работъ на 37 рублей, а всего на 167 руб.

Постановили: уплатить типографіи Сивидына 167 руб.

5) Предъявленъ счетъ книжнаго магазина Киммеля въ Ригѣ за посланный одинъ IV Т. соч. Рихтхофена „Китай“—24 руб. 40 коп.

Постановили: уплатить магазину Киммеля 24 р. 40 к.

6) Сообщено объ отправкѣ въ Троицкосавскъ Инспектору Реальнаго училища Г. Вильке—одной серіи метеорологическихъ инструментовъ, согласно предложенію Директора главной физической обсерваторіи. Кладъ вѣсомъ 6 пуд. 17 фунтовъ сдана довѣренному куна Толченова съ уплатою въ Троицкосавскѣ по 1 руб. за пудъ—6 р. 44 к.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

7) Доложено, что госиодиномъ Генераль-Губернаторомъ Восточной Сибири сего 20 Февраля Н. Н. Агаптовъ, выбранный въ общемъ собраніи 11 Февраля большинствомъ голосовъ (51 изъ 86) правителемъ дѣлъ, утвержденъ въ семь звани на основаніи § 6 положенія о Сибирскомъ Отдѣлѣ Географическаго Общества; того же числа разрѣшено статистико-этнографическое изслѣдованіе Иркутской губерніи, Забайкальской области и пограничной Монголіи, предпринятое дѣйствительнымъ членомъ Отдѣла Н. П. Дуброва.

ПРОТОКОЛЪ

Общаго Собранія членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, состоявшагося

Марта 30 дня 1884 года.

1) Произведены выборы въ дѣйствительные члены:
Румова Н. Н. Златковскаго В. К. Заяхалова Н. З.
Егорова Е. П. Савенкова П. Т. Франковскаго А. Ф.

2) Выслушано сообщеніе о сѣверо-восточной Монголіи и Южной части Забайкалья, прочитанное д. членомъ Д. П. Першинымъ.

3) Въ члены Распорядительнаго Комитета избраны:

1. Раевскій Н. Н. 49	6. Федоровъ А. В. 18
2. Шамаринъ А. А. 39	7. Боброшниковъ А. И. 16
3. Штернъ С. А. 29	8. Беневскій 13
4. Шестаковъ А. М. 27	9. Птицынъ 13
5. Сукачевъ В. П. 22	10. Москвитинъ 12

ПРОТОКОЛЫ

Распорядительнаго Комитета Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества.

Апрѣля 20 дня 1884 года.

Присутствовали: С. А. Штернъ, Н. И. Раевскій, А. М. Шестаковъ, А. А. Шамаринъ, С. И. Коссовичъ, В. И. Вагинъ, В. П. Сукачевъ, Н. М. Витковскій, Н. Н. Агаптовъ и дѣйствительный членъ Я. П. Дуброва.

На текущее засѣданіе председателемъ избранъ С. И. Коссовичъ.

1) Доложена отвѣтная телеграмма Секретаря Географическаго Общества А. В. Григорьева, объясняющая на запросъ Отдѣла, что 6000 руб., переведенные 10 Февраля въ распоряженіе Отдѣла, назначаются начальнику Ленской полярной станціи.

Постановили: Деньги въ количествѣ 6000 р. съ первой почтой переслать въ Якутскъ г. Губернатору съ покорнѣйшей просьбой распорядиться по своему усмотрѣнію: выслать ли ихъ на станцію полностью или частью или оставить въ Якутскѣ до возвращенія экспедиціи.

2) Прочитаны письма Н. Д. Юргенса къ Г. Якутскому Губернатору отъ 3 Января и 13 Февраля сего года, препровожденныя къ Г. Генераль-Губернатору, а Его Высокопревосходительствомъ переданныя въ тотъ же день Правителю дѣлъ для снятій копій.

Постановили: Отправить въ Петербургъ извлеченіе изъ писемъ телеграммой, а копія писемъ отослать въ Географическое Общество по почтѣ.

3) Доложено Правителемъ дѣлъ письмомъ г. дѣйствительнаго члена Н. М. Мартынова, которымъ Н. М. изъявляетъ намѣреніе заняться составленіемъ двухъ полныхъ этнографичес-

ихъ коллекцій относительно качествъ (сходныхъ съ сагайскими) и соботовъ, если Отдѣлъ окажетъ денежное пособие на заказъ предметовъ, ихъ укупорку и пересылку.

Постановили: Отправить Н. М. Мартынову 200 р.

4) Прочитаны предложеніе Н. Т. Савенкова и В. К. Златковскаго, желающихъ предпринять съ наступающимъ лѣтомъ экскурсіи съ научной цѣлью: В. К. Златковскаго для изученія геогностическаго строенія окрестностей Красноярска на болѣе обширномъ, чѣмъ прежде, пространствѣ, въ тѣмъ, чтобы коснуться Ачинскаго и Канскаго округовъ, Златковскій нуждается въ денежныхъ средствахъ, открытій предписаній и подорожной съ бланковымъ билетомъ. Н. Т. Савенковъ, Директоръ Учительской Семинаріи, натуралистъ, предлагаетъ свои услуги для тщательнаго описанія и снимковъ скалъ на скалахъ по рр. Кобѣ и Маѣ и для изученія стоянокъ и могилъ каменнаго вѣка по Енисею, изъ которыхъ нѣкоторыя уже намѣчены, а одно въ близи Красноярска расплано и извлечено 2 черепа, полный скелетъ, орудія из кости, украшенія, черепки глиняныхъ горшковъ.

Кромѣ того, г. Савенковъ предлагаетъ по пути собирать образцы почвъ, растенія, горныя породы, животныхъ.

Для этой цѣли г. Савенковъ проситъ: а) денежныхъ средствъ на поѣздки и на наемъ рабочихъ, б) открытое предписаніе отъ Г. Генералъ-Губернатора, в) разрѣшеніе производить разкопки стоянокъ и кургановъ, г) ходатайства предъ Енисейскимъ Губернаторомъ о порученіи исполнить небольшія чертежныя работы по съемкѣ городищъ и окрестностей, д) право безплатной пересылки по почтѣ коллекцій въ Отдѣлъ, е) право пользоваться литературой по избранной специальности.

Постановили: признать желательными выполненія предложенныхъ экскурсій гг. Савенкова и Златковскаго и исходатайствовать обонъ отъ Г. Генералъ-Губернатора открытыя предписанія, подорожныя и бланковые билеты; такъ какъ ни г. Савенковъ, ни г. Златковскій не обозначили размѣръ денежнаго пособия, то въ виду ограниченности денежныхъ средствъ въ текущемъ году, предложить Г. Златковскому 150 р., Г. Савенкову 100 руб.

5) Дѣйствительный членъ и фотографъ общества В. А. Динессъ, предлагая доставить полную коллекцію амурскихъ инородцевъ, до 100 типовъ подобно представленнымъ и исполненнымъ въ прошломъ году, проситъ исходатайствовать казенную подорожную отъ Иркутска чрезъ Троицкосавскъ до Владивостока и обратно, бланковый билетъ и, если представится возможность, то и вторую подорожную подъ инструменты и стекла.

Исходатайствовать Г. Динессъ подорожную и бланковый билетъ.

6) Дѣйствительный членъ J. Martin для содѣйствія ему въ изученіи Амура стоковъ становаго хребта, нѣкоторыхъ топокъ по берегу Охотскаго и Японскаго морей проситъ выдать ему: 1) открытое предписаніе Г. Генералъ-Губернатора, 2) подорожную и бланковый билетъ и 3) обеспечить пересылку необходимыхъ для экспедиціи вещей до Благовѣщенска.

Такъ какъ Г. Мартенъ никакихъ общаній по отношенію къ Отдѣлу не дѣлаетъ въ своемъ заявленіи, а общенныхъ дубликатовъ коллекцій по совершенной уже экспедиціи не доставилъ, то по исходатайствованіи открытаго предписанія

и подорожной, выдать таковыя только послѣ доставленія общаніи дубликатовъ и растеній.

7) Доложено о поступленіи въ пользу музея отъ В. Л. Приклонскаго весьма полно и тщательно составленной этнографической коллекціи Якутской области, заключающей въ себѣ болѣе 62 названій разныхъ предметовъ.

Выразить благодарность В. А. Приклонскому за это пожертвованіе и предложить, не пожелаетъ ли онъ составить описаніе ея для помѣщенія въ „Извѣстіяхъ“ Отдѣла.

8) Доложено г. казначеемъ П. П. Лялинымъ о поступленіи отъ дѣйствительнаго члена и члена соренователя В. П. Сукачева 385 руб., собранныхъ (за вычетомъ расходовъ) отъ выставки картинъ, бывшей въ залѣ музея и устроенной средствами и заботами В. П.

Выразить признательность В. П. Сукачеву за его дѣятельное участіе въ интересамъ Отдѣла, а собранныхъ денегъ употребить на устройство въ музей и библиотекѣ шкафовъ; переговоры съ мастерами просить С. Н. Коссовича принять на себя.

9) Доложено г. Казначеемъ о поступленіи отъ дѣйствительнаго члена Н. И. Раевского 624 руб., собранныхъ въ пользу музея за 5 лекцій, прочитанныхъ въ залѣ музея (въ 5 ведѣль великаго поста) А. А. Ячевскимъ, Н. И. Раевскимъ, Н. Н. Агаиновымъ и С. А. Штернъ.

Постановили: собранныя деньги употребить на усиленіе средствъ музея, покрыть расходъ на покупку листовъ и выразить гг. лекторамъ признательность за ихъ труды въ пользу Отдѣла.

10) Выслушали заявленіе Н. И. Раевского, въ виду наступившей весны о необходимости пригласить приступить къ собираю растеній къ нѣкоторымъ лицамъ Якутской и Забайкальской областей и Енисейской губ., для чего снабдить ихъ кромѣ инструкцій, бумагой и приборами для сушенія растеній.

Постановили: употребить на приобрѣтеніе бумаги и прибора для сушенія растеній до 60 рублей.

11) Н. Н. Агаиновъ представилъ въ комитетъ составленную имъ программу для изученія вѣрованій сибирскихъ инородцевъ и просилъ напечатать ее въ количествѣ не менѣе 600 экземпляровъ, изъ коихъ 300 будутъ приложены къ „Извѣстіямъ“.

Постановили: напечатать, составленную Г. Агаиновымъ программу въ количествѣ 600 экземпляровъ, изъ коихъ 300 приложить къ послѣднему выпуску „Извѣстій“ за 1885 годъ.

12) Заявленіе Г. В. П. Сукачева о томъ, что А. М. Сибириковъ пожертвовалъ въ пользу музея картину Гиндо Рени „копія потолка въ дворцѣ Рашильези въ Римѣ“.

Постановили: выразить признательность А. М. Сибирикову за сдѣланное пожертвованіе.

13) Присутствовавшій въ засѣданіи дѣйствительный членъ Я. П. Дуброва просилъ рѣшить вопросъ о печатаніи его отчета о поѣздкѣ въ Сѣверную Монголію въ 1883 году.

Постановили: принимая во вниманіе ограниченность денежныхъ средствъ Отдѣла и объемъ предлагаемаго отчета (до 30 печатныхъ листовъ), а также уже принятыя обязательства по вознагражденію и печатанію труда Г. Черскаго о геогностическомъ строеніи береговой полосы озера Байкала, признать

единственно возможным исходом печатание отчета Г. Дуброва въ „Извѣстіяхъ“, разложивъ печатание не болѣе какъ на два года.

14) Предъявить списокъ книгъ (18 названій), составленный членомъ Распорядительнаго комитета Н. Н. Раевскимъ и действительнымъ членомъ Л. А. Ячевскимъ съ предложеніемъ выписать обозначенныя въ списокъ книги въ библиотеку Отдѣла.

Постановили: выслать въ магазинъ Н. Куммеля въ Ригѣ за эти книги до 50 руб.

28 Апрѣля 1884 года.

Присутствовали: В. П. Сукачевъ, А. М. Шестаковъ, С. А. Штернъ, Н. Н. Раевскій, А. А. Шамаринъ, Н. Н. Жалинъ, С. Н. Коссовичъ, Н. Н. Витковскій, М. Я. Писаревъ, Н. Н. Аганиновъ и действительный членъ Л. А. Ячевскій.

1) Восстановили приборы для сущенія растений и бумагу для той же цѣли раздать и разослать слѣдующимъ лицамъ: Н. Н. Раевскому 2 экз. и 2 стоны, въ Якутскъ г. Пакотину—1 экз. и 1 стопу, въ Витимское г. Фомину—1 экз. и 1 стопу, Н. С. Горохову на привскъ Олекминской системы—1 экз. доктору Ивану на привскъ Нижневской системы, Красноярской Учительской Семинаріи—2 экз. и 2 стоны.

2) Правителемъ дѣлъ доложено, что д. членъ Е. П. Егоровъ, Директоръ Иркутской Учительской Семинаріи, изъявилъ намѣреніе доставить Отдѣлу таблицы (среднихъ) метеорологическихъ наблюдений, производимыхъ въ Семинаріи при имѣющейся тамъ станціи.

Постановили: обѣщанныя таблицы печатать при „Извѣстіяхъ“ Отдѣла, а Е. П. Егорову выразить благодарность отъ Комитета.

3) Прочтано письмо г. Приклонскаго, члена Совета Главнаго Управленія Восточной Сибири, отправляющагося на Амуръ и Сахалинъ, предлагающаго Отдѣлу свои услуги для пріобрѣтенія коллекцій и исполненіе другихъ какихъ либо порученій, которыя входили въ кругъ занятій Отдѣла и могли бы имъ быть выполнены во время поѣздки; вѣсть съ тѣмъ г. Приклонскій проситъ разрѣшенія воспользоваться изъ библиотеки Отдѣла сочиненіемъ объ Амурскомъ краѣ и Сахалинѣ.

Постановили: разрѣшить В. Л. Приклонскому взять на время нужныя ему книги и просить его озаботиться пріобрѣтеніемъ этнографическихъ предметовъ на средства Отдѣла, для чего выдать г. Приклонскому до 200 рублей, причѣмъ просить г. Приклонскаго предварительно осязаться не собирать ли подобныхъ же коллекцій кѣмъ либо изъ числа тѣхъ лицъ, которыя были отправлены письмомъ Г. Генералъ-Губернатора и пожертвовали въ пользу музея Отдѣла этнографическихъ вещей.

4) Действительный членъ Л. А. Ячевскій предложилъ Отдѣлу выработать проектъ самодеятельной станціи, наноминимъ Комитету, что еще въ 1869 году г. Орловъ поднималъ тотъ-же вопросъ, устроить даже свой самодеятельный приборъ, но исполнивъ вначалѣ этого изобрѣтенія самодеятельно не была осуществлена. Г. Ячевскій вноситъ свое предложеніе по инициативѣ все-же г. Орлова. Въ виду недостатка литературныхъ средствъ а также знакомства съ методами производства

наблюденій надъ колебаніями ночи, Л. А. предложилъ Отдѣлу обратиться къ известнымъ европейскимъ ученымъ, какъ-то профессорамъ Пальмери, Лазо, Зибачу съ просьбой дать свои указанія по предмету устройства самодеятельной станціи. Принимая во вниманіе, что для вырѣшенія разнообразныхъ самодеятельныхъ вопросовъ необходимы точныя метеорологическія наблюденія, Л. А. предложилъ позаботиться о болѣе совершенной постановкѣ метеорологической станціи.

Постановили: сочувственно относиться къ предложенію Г. Ячевскаго. Комитетъ призналъ необходимымъ поручить предварительное изученіе вопроса Г. Ячевскому, причѣмъ Отдѣлъ можетъ оказать ему содѣйствіе выпиской нужныхъ сочиненій; только послѣ такой разработки этотъ вопросъ могъ уже подвергнуться вторичному обсужденію.

5) Л. А. Ячевскій, намѣреваясь отправиться для географическихъ наблюдений внизъ по Ангарѣ до г. Балаганска, проситъ Отдѣлъ выдать ему открытое предписаніе отъ Г. Генералъ-Губернатора и подорожную.

Постановили: внести ходатайство Г. Ячевскаго въ докладъ Г. Генералъ-Губернатора о предложенныхъ на дѣло 1884 г. научныхъ командировкахъ членомъ Отдѣла.

6) Въ члены Отдѣла предлагается: Гг. Куркутовичъ, Шамаринъ и Першинъ.

Харинскій Тимофей Павловичъ, действительный студентъ физико-математическаго факультета.

Постановили: предложить Т. П. Харинскаго къ выбору въ ближайшемъ общемъ собраніи.

12 Мая 1884 года.

Присутствовали: С. А. Штернъ, Н. Н. Раевскій, С. Н. Коссовичъ, М. Я. Писаревъ, В. П. Сукачевъ, Н. Н. Витковскій, В. Н. Вагиль, А. М. Шестаковъ и Н. Н. Аганиновъ.

Предѣдателемъ на предстоящее засѣданіе избранъ С. Н. Коссовичъ.

1) По выслушаніи годового отчета о дѣятельности Отдѣла, составленнаго правителемъ дѣлъ, и по исправленіи и дополненіи его въ некоторыхъ пунктахъ, постановили прочесть на общемъ собраніи, которое назначить на 18 Мая.

2) Прочтано извѣщенія изъ письма д. члена Отдѣла Ф. В. Рудакова о его согласіи заняться при посредствѣ знакомыхъ лицъ собираніемъ этнографическихъ предметовъ, относящихся къ Тобольской губерніи; причѣмъ Ф. В. проситъ обеспечить собираніемъ бесплатную доставку предметовъ съ мѣста пріобрѣтенія до Тобольска и оттуда въ Иркутскъ, будетъ ли отправка произведена по почте или черезъ транспортныя конторы; относительно предметовъ значительной цѣнности Ф. В. изъявилъ намѣреніе каждый разъ спрашивать согласіе Комитета на пріобрѣтеніе.

Постановили: выразить признательность д. члену Ф. В. Рудакову за его готовность пополнить этнографическій музей Отдѣла и выслать для опыта 15 экземпляровъ наклеившихъ на послѣднъ съ печатью Отдѣла для бесплатной пересылки въ Отдѣлъ собранныхъ предметовъ.

3) Прочтано и изданыя протоколъ предыдущаго засѣданія.

Мая 22 дня 1884 года.

Присутствовали: С. И. Коссовичъ, В. П. Сукачевъ, Н. И. Витковский, Н. Н. Агапитовъ.

1) Прочитать и подписать протоколъ предшествующаго сѣданія.

2) Г. Агапитовъ вошелъ съ предложеніемъ разрѣшить ему отпускъ въ Европейскую Россію на 4 мѣсяца съ 15 Іюня съ сохраненіемъ содержанія для посѣщенія 6-го сѣзда археологовъ въ г. Одессѣ, на который онъ получилъ приглашеніе, въ этотъ г. Агапитовъ просилъ Комитетъ указать не имѣется ли виду книгъ либо вопросовъ, которые могли бы найти себѣ разрѣшеніе на предполагаемомъ сѣздѣ; такими напр. вопросы могли бы быть такъ называемыя руническія письмена Минусинскаго края, свѣдѣніи съ которыхъ были сдѣланы Г. Югодебскимъ и хранятся въ библіотекѣ Отдѣла; письмена этири ближайшемъ разсмотрѣніи имѣютъ очень мало общаго съ руническими письменами; объясненіе ихъ, указаніе на принадлежность ихъ тому или другому народу имѣло-бы значеніе для исторіи Минусинскаго края и Сибири вообще; было пред-

положеніе Комитета изготовить копии съ письменъ съ цѣлью разсылки ихъ въ ученые общества но предположеніе это осуществлено не было. Г. Витковский заявилъ, что онъ желалъ-бы отправить нѣсколько предметовъ изъ собранной имъ коллекціи предметовъ каменнаго вѣка, именно неизвѣстное орудіе, найденное въ значительномъ числѣ экземпляровъ и еще не описанное.

Постановили: такъ какъ объясненіе руническихъ письменъ и предметовъ каменнаго вѣка изъ коллекцій Г. Витковского весьма желательно, то Распорядительный Комитетъ не видитъ препятствій въ разрѣшеніи г. Агапитову отъезда въ Европейскую Россію съ сохраненіемъ содержанія, тѣмъ болѣе, что въ наступившее каникулярное время дѣятельность Отдѣла почти прекращается, а на случай могущихъ быть экстренныхъ дѣлъ Г. Витковский изъявилъ согласіе принять на себя и управленіе обязанностями правителя дѣлъ; что-же касается издательской дѣятельности, то на предстоящее 4-хъ мѣсячное отсутствіе Г. Агапитова имъ приготовленъ уже къ печати первый выпускъ „Извѣстій“ за 1884 годъ.

